КНИГА 2

Здесь терпение и вера святых

Собрал И. П. Плетт

Здесь ТЕРПЕНИЕ И ВЕРА СВЯТЫХ

КНИГА 2

Издательство «Христианин»
МСЦ ЕХБ
2010

Собрал И. П. Плетт
Здесь терпение и вера святых
Книга 2

2010 Издательство «Христианин» МСЦ ЕХБ
Издано на пожертвования верующих
Распространяется безвозмездно
Продаже не подлежит

ВВЕДЕНИЕ

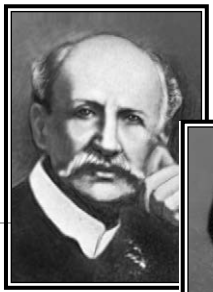
Все дальше и дальше уходит в прошлое время возникновения в России братства евангельских христиан-баптистов. Давно ушли к Господу верные труженики, через которых действовал Дух Святой в первый период жизни братства. Уже не осталось тех, кто лично слышал их проповеди и мог бы рассказать об их жизни и вообще об обстоятельствах того времени. Не так легко найти источники, где описаны исторические события и биографии людей, которым открылся евангельский свет, которые полюбили истину и понесли ее по просторам нашей страны.

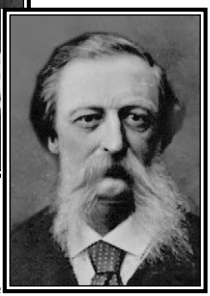
Книги под названием «Здесь терпение и вера святых» помогут отчасти восполнить существующий пробел в знании истории братства. Книги расскажут читателям о жизни наиболее известных служителей Божьих того времени, о судьбах простых верующих, а также о возникновении некоторых общин. Знакомясь с биографиями служителей, читатели узнают о важных событиях в истории братства, так как служители были в центре этих событий.

Подробные воспоминания тружеников на ниве Божьей помогут читателям реально представить себе их переживания, ужасы гонений и увидеть руку Господа, Который укреплял народ Свой. Верность мучеников вызывает не только благоговейный восторг, но и желание в любых испытаниях оказывать такую же верность и сегодня.

Представление о жизни верующих того времени будет искаженным, если умолчать об их некоторых ошибках и поражениях в духовной области. Всестороннее свидетельство о жизни понастоящему обогащает наш опыт, служит нам полезным уроком.

Да благословит Господь этот труд, чтобы он послужил к славе Его святого имени!





КОРФ МОДЕСТ МОДЕСТОВИЧ

ПАШКОВ ВАСИЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Модест Модестович Корф (1843–1936) и Василий Александрович Пашков (1832–1902) связаны тесной дружбой в служении Господу. Это верные служители, которыми Бог воспользовался для развития дела пробуждения, начавшегося в Петербурге с посещения лорда Редстока.

В приведенных ниже воспоминаниях М. М. Корфа можно много узнать и о жизни В. А. Пашкова.

Из моей жизни

Мой отец был чиновником при двух царях. В восемнадцать лет я был принят на государственную службу. В девятнадцать лет был призван камердинером ко двору, после исполнял службу церемоний-мейстера и в конце концов гофмаршала. Таким образом меня осыпали всеми преимуществами и богатствами этого мира, но в сердце моем жил страх перед Богом.

Я верил в Бога, но не имел того мира, который возрожденный человек имеет только в Иисусе Христе, нашем Спасителе.

Моя незабвенная, глубоко верующая мать принадлежала к православной церкви. Меня, своего единственного сына, она окружала

постоянными горячими молитвами – я могу об этом свидетельствовать, потому что она сама говорила мне это.

В молодости я заботился о том, чтобы быть высокоморальным человеком. Я любил общение с духовенством и был другом митрополита, регулярно посещал церковные службы и много молился. Но Того, Кто понес мои грехи на кресте, я не знал. Я верил только в тот факт, что Сын Божий был пригвожден ко кресту на Голгофе. Ни один священник не говорил мне, что мои грехи могут быть прощены благодаря пролитой Крови Иисуса. Священники и религиозные миряне любили меня как примерного набожного человека. Раз в год я ходил на причастие. Священник, которому я исповедовал свои грехи, прощал их, и я, радостный, причащался. Так как все это было установлено церковью, то я верил, что у меня с Богом все в порядке.

Так проходил год за годом. С одной стороны – страх Божий, набожность, регулярное посещение богослужений; с другой стороны – жизнь мира сего, хотя и в границах морали; кроме того – служебная деятельность и по вечерам общение в придворных кругах, посещение концертных залов и других заведений. Такова была моя жизнь. В работе и исполнении долга передо мной стоял высокий пример моего отца, жизнь которого была полностью посвящена отечеству. Он работал неустанно, даже по ночам, и я старался следовать его примеру.

Выставка в Париже

В жизни человека все имеет значение, и нет ничего, что не имело бы последствий, как говорит пророк Захария: «Кто может считать день сей маловажным?..» (4, 10). Я часто переживал это, и, прежде чем рассказать о своем пробуждении в 1874 г., мне хочется рассказать об одном неожиданном, но благословенном переживании, которое я имел за несколько лет до этого.

Это было в 1867 г. Я поехал в Париж, чтобы ознакомиться с первой мировой выставкой. Меня многое интересовало. Неожиданно мое внимание привлек киоск, над которым развевался флаг с надписью: «Библия». Я был тогда вполне светским человеком и с Библией был совершенно незнаком, а знал только четыре Евангелия. Я даже предполагал, к моему стыду, что под словом «Библия» кроется какое-нибудь новое изобретение. Это меня заинтересовало. Со всех сторон

киоска были небольшие окна с названиями различных стран. Над одним окном была надпись: «Россия». Я подошел к этому окну с вопросом:

– Что означает здесь «Россия» под флагом Библии?

Молодой англичанин очень любезно объяснил мне, что Британское библейское общество раздает бесплатно части Священного Писания на разных языках.

– У этого окна вы можете получить Новый Завет на русском языке.

Это было для меня совершенно ново. Ветхий Завет еще не был тогда переведен на русский язык, и в церкви я слыхал только кое-что из Нового Завета.

Между нами завязался разговор, и англичанин не скрывал своей радости о том, что имел возможность поговорить с молодым русским об этом важном вопросе. Я должен откровенно признаться, что к разговору меня привела простая светская любезность, но он кончился тем, что англичанин спросил мой адрес и мое имя. Он прибавил, что Британское библейское общество с радостью пришлет мне части Библии для бесплатной раздачи. Я знал настойчивость англичан и уже боялся, что меня поймают для пропаганды этого слова «Библия», которое было далеко видно над киоском.

– Русская цензура не пропускает через границу Библии, присланные Британским библейским обществом,– сказал я.

В те времена только Святейший синод имел разрешение печатать русские Библии. То обстоятельство, что меня хотели сделать распространителем частей Библии, совершенно испортило мое удовольствие от выставки.

Господь по Своей милости обратил мою простую любознательность в благословение.

По возвращении в Петербург я нашел в моих письмах, которые меня ожидали, извещение, что из Англии высланы на мой адрес три тысячи экземпляров Евангелия от Иоанна. Я в самом деле не знал, как их получить и как их распространить. Мой отец посоветовал обратиться к Святейшему синоду и попросить разрешения для раздачи книг. Я подал прошение и твердо верил, что получу отказ. Но «человек предполагает, а Бог располагает». Я получил ответ очень скоро. Святейший синод разрешил получение Евангелий и дал мне право раздавать их. В этом ответе я видел руку Бога, Который звал меня в Свой виноградник. Эти три тысячи экземпляров Евангелия связали

меня с евангельскими христианами, которых я раньше не знал совершенно.

Таким образом встреча с любезным англичанином на парижской выставке стала для меня первым призывом к работе на ниве Божьей. Хотя я в то время и не был возрожден, все же начал распространять Слово Божье, так как считал это полезным делом.

Благодаря моему положению в петербургском обществе мне удалось скоро раздать Евангелия. Эта быстрая раздача дала англичанам повод посылать на мое имя большие суммы денег для покупки частей Евангелия. Я должен был покупать их у Святейшего синода и раздавать по своему усмотрению, так как разрешение на получение первых трех тысяч экземпляров было дано только как исключение. У меня в то время было много знакомых, и книги Священного Писания распространялись без всяких затруднений. Эта совместная деятельность с Британским библейским обществом длилась много лет.

Первая промышленная выставка в Петербурге

В 1870 г. российское правительство начало приготовления к первой промышленной выставке, которая должна была состояться в столице. Члены Британского библейского общества узнали об этом и попросили меня выхлопотать разрешение о постройке павильона для раздачи Священного Писания. Я опять должен был обратиться к Святейшему синоду, и снова он дал разрешение для этого благого дела. Но Синод не одобрил того, что на русской выставке таким делом будут руководить англичане. Поэтому он уполномочил меня построить такой киоск и раздавать части Библии. Все средства на постройку павильона и печатание нужных книг хотел дать мне Синод.

Я, конечно, не посмел отказаться от этого предложения, но предвидел много работы и хлопот, потому что эта деятельность была для меня совершенно нова. Я совсем не ожидал, что предложение милых англичан приведет к такому результату, но принял на себя руководство с радостью. Архитектор, которому я поручил постройку киоска, исполнил свое задание с большим успехом, и наше здание привлекало внимание всех посетителей. Фасад дома был построен в древнерусском стиле. У окна выдачи книг большими буквами было написано: «Свет Иисуса Христа освещает всех». На обложках Еван-

гелий мы напечатали: «Верь в Иисуса Христа, и спасешься ты и весь дом твой (Д. Ап. 16, 31)».

При открытии выставки все члены царской семьи, все придворные и государственные служащие появились у окна киоска, и каждый получил по одному Евангелию. Мы в этот раз раздали шестьдесят две тысячи Евангелий, и за все эти книги уплатил Святейший синод.

Я считаю своим долгом рассказать о всех этих событиях, чтобы показать членам Британского библейского общества, как важна была для меня встреча с ними и как Бог за четыре года вперед подготовлял путешествие лорда Редстока в Россию.

Начало

Это было в январе 1874 г. Я в это время был особенно сильно занят светскими делами. Будучи хорошим певцом, я получал приглашения на все вечера моих знакомых. В это время в Петербург приехал лорд Редсток. В моем кругу заговорили о нем как об известном религиозном человеке, и светские дамы рассказывали мне с сарказмом, что он очень заинтересован мной и много спрашивает обо мне. Я уже достаточно хорошо был знаком с настойчивостью англичан и правильно догадался, что лорд узнал о моей деятельности и теперь хочет со мной познакомиться.

В ту зиму отношения между Россией и Англией были очень напряженными. Лорду советовали не ехать в Петербург, считая, что там у него не будет успеха. Но он не обратил внимания на это предупреждение. Он смотрел выше и хотел исполнить волю Божью.

Первые собрания проходили в одной американской молельне и в различных частных домах. Приходило совсем немного слушателей. Они были друзьями лорда, с которыми он познакомился в Англии. Большинство было из аристократического общества. Наступил день, когда мы познакомились. Он стоял передо мной – не только английский лорд, но человек, который находился в личном общении с Иисусом Христом и который был совершенно убежден в богодухновенности всей Библии. Это произвело на меня глубокое впечатление. В дальнейшем я часто просил Редстока объяснить мне те места в Библии, которые не понимал. Иногда я получал ответ: «Этого я не могу вам сказать, это место мне также не ясно». Я еще не встречал такой честности, я уважал ее, и она приблизила меня

к нему еще больше. Во всей его наружности была эта естественность и непринужденность; для меня он стал примером апостола девятнадцатого века.

Догматикой и теологией Редсток не занимался, но основательно знал всю Библию и любил ее, как письмо самого дорогого друга. Его простая детская любовь ко Христу и Слову Божьему всех удивляла. Он был проникнут настоящей глубокой верой в Спасителя. Он подчинялся Слову Божьему так, как малое дитя подчиняется воле своих родителей. Я никогда не встречал христианина, который бы с такой ревностной любовью старался убедить меня на основании Евангелия в том, что Христос Своей Кровью искупил меня от вечной гибели. Я верил, что Христос есть Сын Божий, боялся Бога, был честен, часто молился, был настоящим сыном церкви, в которой я родился, но, несмотря на все это, не знал, возрожден я или нет. Мои старания угождать Богу сконцентрировались на том, чтобы быть благочестивым, соблюдать Святые Таинства и совершать добрые дела. Я думал, что Бог должен быть доволен мной, и рассчитывал на Его милосердие. Это была совершенно неопределенная надежда, в которой скрывались сомнение и неизвестность спасения. Я думал, что один Бог знает, спасен ли я.

В таком состоянии я находился, когда встретился в 1874 г. с лордом. На его собрания часто приходили священники. Они хотели убедиться, не проповедует ли он против православной церкви, но никогда не слыхали ничего подобного. Я был в то время искренним сыном православной церкви и часто навещал лорда. Могу засвидетельствовать, что он никогда не говорил против церкви. Одно лишь было у него на сердце – он хотел привести души грешников к сознанию их греховности и сказать им, что без Христа они погибли.

– Верите ли вы, что спасены? – это было первое, о чем спросил меня лорд.

Мой ответ был отрицательный:

– Здесь, на этой земле, никто не может знать, спасен он или нет. Это мы узнаем лишь на небесах.

– Для кого же написано Слово Божье – для жителей неба или для людей на земле? – снова спросил лорд.

– Конечно, для людей, живущих на земле,– ответил я.

Тогда лорд стал находить один за другим тексты и доказывать, что тем, кто верит во Христа, дано знать, что Христос все наши гре-

хи вознес на крест и что человек спасается не по делам, а только через жертву Христа на кресте. Христос стучался в двери моего сердца и ждал, чтобы я впустил Его.

Вечером 5 марта 1874 г., после собрания, у меня осталось несколько друзей. Это были: флигель-адъютант императора барон М., личный врач государя доктор К., профессор университета А. и лорд Редсток. Я сообщил им, что искренно желаю отдаться Господу, но не могу решиться на такой важный шаг. Я просил их молиться за меня. Мы преклонили колени, и друзья и лорд Редсток стали молиться.

В моем сердце происходила тяжелая борьба. Я хотел отдаться Христу, но не мог отказаться от мира и всего того, что соединяло меня с ним. И я просил:

– Продолжайте молиться!

Казалось, что власть сатаны старалась удержать меня от отдачи Богу. Сатана шептал мне: «Ты находишься в возбужденном состоянии, успокойся. Ты пожалеешь, если теперь пойдешь ко Христу. Твоя карьера будет уничтожена, ты потеряешь доверие и расположение государя, который любит тебя. Ты огорчишь твоих старых родителей, у которых ты – единственный сын».

Одним словом, сатана в этот момент нашептал столько, что я видел перед собой только путь в монастырь или жизнь отшельника. Но Бог услышал молитвы моих друзей. Он снял мое неверие и осветил меня Своим светом. Мне вдруг показалось, будто кто-то спросил: «Где правда?» И вдруг мне стало ясно, что она не может быть в двух противоположных местах. В Слове Божьем не может быть и тени неправды. Христос есть правда, и Он сказал: «Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас». Христос призывал также и меня и открыл мне очи сердца. Я поверил, что Он действительно взял на Себя мои грехи. Я мог получить вечное спасение через Кровь Иисуса, и это спасение было совершено раз и навсегда. При этом сознании мои уста воскликнули:

– Прихожу к Тебе, Христос, таков, как есть!

С моих плеч упала ноша, подобная тяжелому камню, и ее уже никогда не возлагали на меня. Дух Божий свидетельствовал моему духу, что я принят, что я дитя Божье. Рожденный свыше, я начал возрастать в познании моего Спасителя, вся моя жизнь с этого дня была посвящена моему Господу, и я старался во всем следовать Ему.

В этом же году уверовали полковник Василий Александрович

Пашков и граф Алексей Павлович Бобринский, тогдашний министр путей сообщения.

Радость о нашем спасении в Иисусе Христе, которую мы раньше не знали, заставила нас возвещать Благую весть и другим людям – «зажегши свечу, не ставят ее под сосудом...» (Матф. 5, 15).

В каждом доме, где уверовал хозяин, начались собрания. Полковник имел дом с большими колоннами, похожий на за́мок. Он сразу же открыл его для благовестия. Вначале приходили немногие, но позднее стало приходить столько народа, что не хватало места.

В один вечер, незадолго до нашего изгнания из дорогого нам отечества, собралось такое количество людей – между ними и обер-прокурор Святейшего синода К. П. Победоносцев,– что нужно было открыть еще и зал нижнего этажа, и там я должен был проповедовать Евангелие. Слуга сказал мне позднее, что присутствовало более семисот человек. Можно себе представить, как смотрели прохожие на множество народа, которое потом выходило из дома. Многие спрашивали, что тут случилось.

– Здесь, в доме Пашкова, проходят собрания,– отвечали им, и те сразу понимали, что это христианские собрания.

Многочисленность посещающих обратила на себя внимание, и вскоре повсюду заговорили о собраниях Пашкова, которые приняли такие неслыханные размеры.

В большом великолепном доме княгини Ливен – вдовы обер-церемониймейстера императорского за́мка,– которая посвятила на служение Господу не только себя, но и весь дом свой, также проходили многолюдные благословенные собрания. Для Петербурга было совершенно необычайно, что люди без богословского образования говорили о любви Христа и возвещали слово Божье и что приходило столько слушателей.

В первые годы пробуждения не было сопротивления ни со стороны правительства, ни со стороны духовенства. В дальнейшем они старались погасить зажженный огонь, но Бог этого не допустил. Об этих стараниях я еще расскажу. А вначале все познавшие Христа могли свободно и беспрепятственно словом и делом возвещать о том, что Христос воскрешает мертвых, то есть творит новую жизнь во всех, кто отдается Ему. Библия становилась для людей живым словом Божьим. Многим верующим из высших кругов общества было разрешено посещение тюрем. Я тогда был членом комитета тюрем и мог сво-

бодно и беспрепятственно возвещать Благую весть заключенным.

Но это счастливое время длилось недолго, всего лишь пять лет. Потом большие собрания были запрещены. Но по милости Божьей дом, а скорее дворец княгини Ливен сохранился для дела Божьего. До последнего времени он оставался убежищем для верующих, там продолжали собираться и после того, как изгнали полковника Пашкова и меня.

Мне припоминается один случай. Однажды я посетил даму, которая везде свидетельствовала о своем Спасителе, и мы отправились с ней в большой зал. Четыре малахитовые колонны поддерживали потолок, и по всему помещению была расставлена роскошная мебель. Но я почувствовал сильный запах конюшни и невольно сказал:

– Как странно, что здесь так сильно пахнет конюшней.

– Вовсе не странно,– ответила княгиня,– здесь недавно прошло молитвенное собрание, в котором приняли участие все наши кучера. Мой дом принадлежит моему Спасителю – я только управляю им.

О, если бы все дети Божьи так относились к земным богатствам! Мир вскоре заметил бы, что молитвенное общение детей Божьих превозмогает и плохие запахи и они не являются препятствием к коленопреклонению посреди малахитовых колонн! Запах конюшни в том помещении говорил мне больше, нежели самая блестящая проповедь.

Не только княгиня Ливен и полковник Пашков, но и другие дети Божьи открыли свои дома. Да, каждая квартира верующих стала местом, где собирались на молитву и чтение Священного Писания. К нам также приходили люди, и часто незваные, хотя наша квартира была не так велика. Стульев из столовой и скамеек из кухни часто не хватало для собранных. Мы были свидетелями многих неожиданных обращений. Для большинства слушателей весть о спасении через крестную смерть Христа была совершенной новостью.

У моего друга Пашкова был еще второй дом на Выборгской стороне. Он превратил его в дешевую столовую, и много студентов заходило туда. Там тоже возвещалось Евангелие. Пашков часто посещал этот дом и беседовал со студентами, а по вечерам проводил собрания, на которых проповедовал.

Однажды нас обоих пригласили извозчики, чтобы мы пришли и рассказали им о Христе. В те времена многие извозчики, особенно деревенские, жили вместе на одной квартире, у них была общая

кухня и конюшня. Мы обещали прийти, и они пригласили к назначенному часу и своих соседей. Такие собрания часто бывали настолько переполнены, что и слушателям, и проповедникам приходилось стоять. Эти собрания длились долго, люди задавали вопросы и любили слушать Слово Божье.

В то время я был секретарем у племянницы государя, председательницы женского комитета тюрем. Я обязан был часто ездить по разным тюрьмам в городе и пользовался случаем, чтобы разговаривать с извозчиками. Зимой это было легко: сани были небольшие и легкие и тихо скользили по мягкому снегу.

Однажды произошла встреча, которая для меня имела большое значение. Я сидел в санях и начал разговор с моим извозчиком.

– Веришь ли ты в Господа Иисуса Христа? – спросил я.

Этот неожиданный вопрос, очевидно, удивил его. Он ответил не сразу. Вначале он повернулся и посмотрел мне в глаза. Вероятно, он убедился, что вопрос поставлен серьезно, так как сказал:

– Ты видишь сбрую моей лошади, вожжи, хомут?

– Я не об этом спрашиваю,– ответил я.

– Но это мой ответ на твой вопрос,– сказал извозчик. – Этим примером я хотел сказать: как ты ясно видишь сбрую моей лошади, так ясно я вижу, что сделал для меня Иисус Христос.

В дальнейшем разговоре он открыл мне свое сердце, и мы поняли друг друга. Я нахожу ненужным рассказывать подробности, но я узнал, что чудом Божьим пьяница стал новым человеком. Мы очень скоро подружились, и он попросил меня посетить их общую квартиру и рассказать им о Христе. Я исполнил это с радостью. В назначенный час я пришел к ним, все были уже собраны. Были приглашены только кучера, и таким образом места хватило всем.

Я уже не помню текста моей проповеди, но в середине речи пригласивший меня кучер потянул меня за пиджак. Я сразу понял, что сказал что-то неясно или неверно. Эти знаки повторились еще два раза, и они меня так смутили, что я вскоре кончил.

Перед отъездом домой я спросил:

– Что ты хотел сказать мне этими знаками?

– Когда говоришь о спасении, выражайся яснее. Твоя речь была недостаточно ясна,– ответил он.

Эта откровенная братская критика была для меня знаком от Самого Господа. Замечание просвещенного Богом извозчика я принял

как один из наиважнейших советов, и каждый раз, говоря о драгоценном спасении, я вспоминаю это слово «яснее». Этот простой человек стал для меня профессором практической теологии и дал мне больше, чем могло дать лучшее знание догматики. В таких случаях я невольно вспоминаю слово нашего Спасителя: «Славлю Тебя, Отче неба и земли, что Ты утаил это от мудрых и разумных и открыл то младенцам».

Я мог бы привести много мудрых слов, которые сказали эти простые души, но таким образом мои воспоминания стали бы бесконечными. Однажды я говорил с другим извозчиком об освящении воскресного дня.

– Мои товарищи работают по воскресным дням и много зарабатывают, но для меня важнее слушаться Господа. С тех пор как я в воскресные дни не стал работать, я нужды не имею и Господь заботится даже о моей лошадке. Я имею только одну лошадь, и с тех пор как у нее появился день отдыха, она стала много здоровее и сильнее,– сказал он.

Это мой второй профессор по практической теологии.

Хочу привести еще один пример. Летом, когда мы жили в деревне, наш дом охранял простой солдат. Я дал ему Новый Завет. Однажды я проходил по коридору и увидел, что он стоит на коленях, читая книгу.

– Возьми себе стул,– сказал я ему.

– Ваше превосходительство, Слово Божье хорошо читать на коленях,– ответил он.

Какую глубокую истину высказал этот простой солдат! Если бы мы всегда хотели склоняться перед Богом, тогда бы мы действительно читали Слово Божье на коленях. Да преклоним мы наши духовные колени перед Словом Божьим и да читаем его с молитвой, как научил меня мой третий профессор практического богословия!

Припоминается еще один случай. Это произошло в те годы пробуждения, когда нас называли редстокистами. Генерал С., знавший о моих убеждениях, при встрече отозвал меня в сторону.

– Я сегодня проходил по Невскому проспекту,– рассказывал он,– и увидел, как один крестьянин на коленях молился перед лютеранской церковью. Мне стало жаль этого православного человека, стоящего в таком положении перед чужой церковью. Я подошел к нему с большим благоговением и шепнул на ухо: «Это же не наша

церковь, а ты коленопреклоненно стоишь перед ней. Ты ошибаешься». Он ответил, оставаясь на коленях: «Что вы говорите, ваше превосходительство? – и указал на блестящий крест на церкви. – Крест ведь тот же!». Я должен сознаться вам, понимающему религиозные вопросы, что ответ крестьянина пристыдил меня, и я молча ушел от этого простого молящегося человека. Его ответ расширил мой духовный горизонт.

Через эти небольшие случаи Господь показал мне, что Он простым, необразованным людям, которые принадлежат Ему, дает такое познание, которого нет у мудрецов мира сего. В русском народе живет страх перед Богом. Когда же они слышат о спасении как о даре Божьем (Еф. 2, 8) и о Христе, Который взял на Себя наши грехи (1 Иоан. 3, 5), чтобы всякий верующий в Него имел жизнь вечную (1 Иоан. 5, 13), тогда они искренне обращаются к Богу. Радостная весть о Божьей любви принимается как неоспоримый дар свыше.

Я должен отметить здесь, что мы, пришедшие к вере через лорда, не были знакомы со Словом Божьим, в особенности Ветхий Завет был нам чужд. Как настоящие русские, мы, конечно, знали четыре Евангелия и Псалмы Давида. Далее наши познания не распространялись. В православной церкви читались и послания апостола Павла, но так как это делали не священники или диаконы, а так называемый служитель церкви, то в общем все думали, что этим посланиям не нужно уделять внимания.

Горя первой любовью, мы смело свидетельствовали о Христе, но были еще детьми в познании Слова. По этой причине полковник Пашков пригласил известного в христианской среде работника на ниве Божьей – швейцарского пастора Штокмайера. Он несколько недель проживал в русской столице и в залах пашковского дома беседовал с нами на французском языке. Он также проповедовал в евангельских церквах (лютеранских и т. д.). В беседах с Штокмайером мы научились многому. Для нас особенно важным и великим стало личное освящение.

Число верующих увеличивалось. Благая весть не осталась достоянием только высших кругов общества, она проникла в народ и в ряды чиновников. Православное духовенство начинало принимать меры против нового движения. Священники клеймили верующих в своих проповедях и называли их учение извращением святого Евангелия. Один влиятельный высокопоставленный человек в частной беседе мне прямо заявил:

– Факт тот, что кто не православный, тот и не русский.

Этот взгляд распространился в то время и среди священников. Я упоминаю об этом, чтобы указать на тесное единство православной церкви с государством.

После посещения Штокмайера был приглашен и престарелый Георг Мюллер из г. Бристоля (Англия). Это было в 1880 году. Он прожил в Петербурге три зимних месяца. Мы его очень ценили и через него имели богатые благословения. Штокмайер и Георг Мюллер помогли нам, детям Божьим, возрастать в познании нашего Спасителя, в освящении и в отдаче Ему. Георг Мюллер еженедельно проводил в нашем доме собрание на немецком языке по разбору Священного Писания. Эти собрания носили частный характер, и мы задавали много вопросов. Не могу забыть, как он после одного из таких разборов сказал мне:

– Удивляюсь, какие детские вопросы вы задаете!

Это замечание меня вовсе не удивило. Многие из нас совсем не знали Библии, и мы не стеснялись спрашивать, так как хотели жить по Писанию и быть послушными детьми Божьими.

Прежде чем продолжить рассказ о нашей деятельности в Петербурге, хочу сказать несколько слов о брате, с которым я особенно был связан крепкими узами дружбы. Он стоял во главе духовного пробуждения в Петербурге. Это был Василий Александрович Пашков.

(Вестник спасения, № 4, 1971)

Пашков Василий Александрович

Пашков был одним из богатейших людей России. Он служил в одном из гвардейских кавалерийских полков и был полковником в отставке. Отец Пашкова принадлежал к аристократии. Его великолепный дом с громадными залами был посвящен Богу после обращения сына.

Полковник Пашков получил лучшее образование, но религиозные вопросы его не интересовали. Когда в 1874 г. он узнал о приезде в Петербург лорда Редстока, то уехал в Москву, чтобы избежать встречи с ним. Жена полковника познакомилась с лордом еще в Англии и через него пришла ко Христу. Полковник долгое время пробыл в Москве и, когда возвращался в Петербург, был вполне уверен, что лорд Редсток уже уехал. Каково же было его удивление,

когда он узнал, что лорд еще там и, как знакомый его жены, часто бывает в их доме. Встреча с ним стала неизбежной. Результатом этой встречи было обращение Пашкова.

В том же самом году я тоже познал Христа через лорда. Хотя полковник Пашков был старше меня на десять лет, он стал моим лучшим другом. Мы признавались друг перед другом в грехах, взаимно обращали внимание на наши ошибки и рука об руку шли за Христом. Мы ничего не утаивали друг от друга, и эта дружба длилась до самой смерти полковника. Когда он уже был не в состоянии говорить, он простился со мной крепким рукопожатием до встречи там, где мы увидим нашего Господа Иисуса.

Пашков был человеком молитвы. Он получал огромную корреспонденцию, посещал больных и заключенных. Почти ежедневно он проводил вечерние собрания, поздно уходил на покой, рано вставал и все же часто проводил два часа в молитве и чтении Слова Божьего, которое стало для него пищей. Свою волю он подчинял воле Божьей, и я видел в нем исполнение слова: «Ему должно расти, а мне умаляться». Да, его «я» все более и более отступало, а Христос полнее овладевал его жизнью и совершал в нем хотение и действие во славу Божью. Я могу сказать совершенно откровенно, что он учился у Иисуса «быть кротким и смиренным сердцем» (Матф. 11, 29). Его общение со Христом было простым и непринужденным, но он вступал в это святилище с глубоким благоговением перед Богом.

Из всех знакомых мне людей полковник Пашков был самым скромным. Он был человеком редкого самопожертвования. Хотя он с 1875 г. стоял во главе духовного пробуждения, ему никогда не приходило на ум, что он был руководящий. Он держался всегда в тени, и левая его рука не знала, что творила правая (Матф. 6, 3). В нем проявлялась Божья любовь, и я бы сказал о нем, как говорил о себе апостол: «И уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2, 20). В обращении с людьми он ставил себя наравне со всеми. Он не знал лицеприятия, поэтому Господь мог многое совершать через него. Высшие и низшие в мире сем уважали его. Он был одаренным орудием Божьим для того, чтобы приводить людей из глубин греха ко Христу. Себя самого и все свое имущество он отдал Господу.

После высылки из России Пашков некоторое время жил в Англии. Там он продолжал свое евангелизационное дело и трудился с благословением. Оттуда Пашков переехал в Париж. В 1880 г. он проез-

жал северную Францию на тарантасе. С собой он возил большое количество Новых Заветов и трактатов, которые раздавал по деревням.

Последние годы жизни Пашков жил в Австрии. Зимы он проводил в Риме, где непрестанно трудился для своего Господа.

Кончина Пашкова была мирная. В феврале 1902 г. он тихо отошел в вечные обители. Меня известили о его предстоящей кончине телеграфом, и я сразу же поехал в Париж, где он умирал. Я нашел его еще в полном сознании и смог вместе с ним и его семьей еще раз прославить Господа на этой земле. Мы простились крепким рукопожатием: «До свидания на небесах!»

Наша деятельность

До 1882 г. мы занимались исключительно евангелизационной работой. Бог положил нам на сердце возвещать радостную весть спасения, и по этой причине было устроено много собраний. По воскресеньям у Пашкова проходили двухчасовые собрания для верующих... (далее автор описывает события, связанные с убийством императора Александра II, после которого положение верующих в России резко ухудшилось. – *Прим. И. П.*)

Большие собрания теперь запрещались, и мы решили устроить вечера шитья в различных частях города, чтобы иметь возможность возвещать Евангелие.

В то время в Петербурге жил известный многим доктор Мейер. Благодаря его неустанным хлопотам, в Петербурге была построена огромная больница, которая стала образцовой по своему внутреннему устройству и уходу за больными. Доктор фон Мейер уверовал и с большой энергией посвятил себя организации швейных вечеров. Он взял на себя управление финансовой и хозяйственной частью этого дела. Несмотря на свою многостороннюю деятельность, он также принимал участие в распространении Слова. Братья и сестры во Христе очень любили его.

Мы с женой часто имели общение с доктором Мейером, и этих часов, проведенных с ним, я никогда не забуду.

Еще в 1876 г. Пашков задумал раздавать бесплатно листочки с выдержками из Священного Писания. Этот план он обсуждал с некоторыми братьями. Мы составили устав и подали прошение. Этот устав был утвержден органами власти, и, к нашей великой

радости, утвердили также общество под названием «Общество распространения духовно-нравственной литературы». Председателем мы избрали, конечно, Пашкова, а я стал его заместителем. Членами этого общества были исключительно дети Божьи, так что оно стало органом пробуждения.

Пашков уступил одну из своих зал обществу под склад новых произведений. Он не жалел никаких средств для поддержки этой работы. Таким образом, печаталось много, больше миллиона таких листков. Духовная цензура чинила нам много неприятностей. Хотя общество и было признано и утверждено, но все же нужно было то, что печаталось нами, преподносить статской и духовной цензуре. Мне эти препятствия были хорошо известны. Я вынужден был ездить в Александро-Невскую лавру, где находилась цензура. При этом часто происходили теологические дискуссии с цензором. Я старался доказать ему, ученому монаху, что не его задание быть защитником православия, что он только обязан наблюдать, чтобы печатаемые нами статьи не были опасного направления.

«Ваши сочинения отстаивают учение Лютера, Кальвина, Цвингли, Веслея и потрясают православную церковь, поэтому они опасны»,— такие слова мне часто приходилось слушать.

Несмотря на эту оппозицию, по милости Господа многие листки были разрешены, напечатаны и розданы.

Это благословенное время длилось недолго. Меры по подавлению движения усиливались, и в 1878 г. были запрещены собрания в общественных местах. Но Бог дал двоим из Своих детей дома́, лишь немного меньшие императорского дворца. Они принадлежали нашему дорогому брату во Христе Пашкову и сестре во Христе княгине Ливен. Эти дома были частным владением, и хотя они находились под наблюдением полиции, в них можно было проводить частные собрания. В прежние времена в этих домах принимались императорские семьи и аристократическое общество, теперь же они стали местом, где люди вступали в живое общение со Христом.

После нескольких лет свободы наступили времена серьезных ограничений. Духовные власти хотели теперь доказать непогрешимость и правоту православного вероучения и назначили день, в который должна была состояться открытая дискуссия с так называемыми пашковцами. Служители православной церкви выбрали время, когда ни Пашкова, ни меня в Петербурге не было, и пригласили на эту дискус-

сию двух простых братьев из народа. Один из братьев был торговцем сельдями, другой – торговцем мукой.

Этот религиозный диспут должен был происходить в воскресный день, и для этого выбрали самый большой стадион города. О собрании было опубликовано заранее. До тех пор таких духовных диспутов не бывало, и люди пришли во множестве. Весь стадион был заполнен. В середине стояла трибуна, и один монах, известный как специалист в учении о сектантстве, стал задавать вопросы. Вопросы были поставлены так, чтобы ответы привели к полной неудаче. Противнику хотелось открыто доказать заблуждение последователей нового учения. Братьев заранее не ознакомили с вопросами, но они, наученные Духом Святым, отвечали с такой любовью и обнаружили такие познания, что у слушателей осталось приятное впечатление. После окончания диспута в рядах слушателей были слышны высказывания: «Пашковцы вовсе не такие люди, которых нужно бояться! Они знают, во что верят, и их нужно уважать». Другие говорили: «Удивительно, как хорошо знают Библию эти простые люди!» Я должен привести здесь слова псалмопевца: «Из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу».

С ростом духовного движения возрастала и вражда против нас. В марте 1884 г. Господь положил Пашкову на сердце созвать верующих России, чтобы они познакомились между собой и могли совместно работать. Я до сих пор храню как важный документ нашего вероисповедания копию одного письма Пашкова. Оно обрело огромное значение в истории Петербургского движения духовного возрождения.

Это было 24 марта 1884 г., когда Пашков в своем большом кабинете прочитал мне это письмо и спросил: «Не хочешь ли ты также подписать?» Предложение моего брата составляло для меня большую радость, но в то же время я понял ясно, что это письмо содержит в себе открытое свидетельство перед правительством о нашем желании следовать за Иисусом Христом не глядя ни направо ни налево. Но я доверял моему Господу и в этом доверии к Нему не был постыжен. Иисус Христос дал нам силу почитать поношение Христово бóльшим для себя богатством, нежели египетские сокровища.

Это письмо, сопровождаемое молитвой, было послано штундистам, баптистам, меннонитам, молоканам, духоборам, евангельским христианам и так называемым захаровцам в Таврической губернии.

Вскоре мы получили утвердительные ответы, и к 1 апреля семьдесят братьев из всех частей нашей родины прибыли в Петербург.

Все были рады этому съезду. Чтобы не терять времени, мы предложили приезжим делегатам шесть параграфов, составленных нами по случаю этой конференции. Эти параграфы были сформулированы пятью братьями: доктором Ф. Бедекером из Англии, штундистом Я. Д. Деляковым с юга России, пресвитером немецких баптистов в Петербурге И. В. Каргелем, В. А. Пашковым и мною. Содержание этих параграфов в более узком смысле было символом веры этих различных церквей, и в них в общих выражениях говорилось о крещении и преломлении хлеба. Так как мы пятеро принадлежали к разным церковным объединениям, а в этих вопросах были совершенно единомышленны, то мы верили, что и приезжие братья беспрекословно примут эти параграфы. К сожалению, мы ошиблись. Особенно вопрос крещения вызвал бесконечные споры, и мы не смогли прийти к единству.

Я привожу этот параграф слово в слово, как он был составлен нами: «Мы признаем крещение как Богом данное постановление, в подчинении которому сказывается послушание Богу. Как исполнить это повеление Божье – предоставляется совести и познанию в Слове каждого в отдельности. Разное понимание этого вопроса ни в коем случае не должно разъединять детей Божьих».

В один день я в назначенный час явился на собрание, но, к моему удивлению, из приезжих братьев там никого не было. Мы не могли объяснить себе причину этого. По возвращении домой я увидел ожидавшую там меня записку – грязный клочок бумаги. На нем были только следующие слова: «Мы в тюрьме, и нас высылают из Петербурга», без подписи.

Несмотря на наши старания, нам не удалось увидеть ни одного из братьев. Только через несколько дней мы узнали все из писем. Полиция продержала братьев несколько часов в неволе и взяла у них письменное обещание сразу же покинуть столицу и вернуться домой.

С того дня все собрания были запрещены. Полиция наблюдала за нами строго. Я узнал, что Победоносцев – обер-прокурор Святейшего синода – в подробном отчете государю высказывался, что нужно предпринимать строжайшие меры против пашковцев.

24 мая 1884 г. закрыли Общество распространения духов-

но-нравственной литературы. С мая того же года я с семьей жил в Царском Селе, и мы находились под строгим надзором полиции. Каждое утро мы вместе с нашей прислугой читали Слово Божье и вместе молились. Один полицейский узнал об этом и спросил:

– Нельзя ли и мне присутствовать на этих молитвах?

Мне невольно пришла мысль, не подослан ли он правительством, чтобы наблюдать за мной. Но так как и полицейский имеет живую душу, то я не препятствовал ему приходить на наши собрания. Я не знаю и никогда не узнал, был ли он прислан начальством. Он приходил почти ежедневно.

Когда стало известно, что мы должны покинуть Россию, все товарищи полицейского сразу же уничтожили все листочки, которые я среди них распространял. Только этот человек не хотел расстаться с ними, так как он через них получил благословение. Он решил отправиться к священнику и попросить его просмотреть эти листки, можно ли их хранить? Священник прочитал и сказал:

– Ты спокойно можешь их хранить. Они согласуются со Словом Божьим. Совершенно естественно, что твой граф должен страдать ради истины, ибо все, желающие жить благочестивой жизнью во Христе, должны переносить гонения.

Этот ответ православного священника успокоил человека, и он сохранил листочки.

В июне того же года я получил приглашение к министру юстиции. Я был знаком с ним лично, мы ранее встречались при дворе и в светском обществе. Он принял меня любезно и приветливо.

– По желанию государя я должен предложить вам подписать этот документ,– сказал он.

Я прочел его, но ради совести не мог подписать, потому что в таком случае должен был обещать больше не проповедовать, не устраивать собрания, не молиться собственными словами и прекратить всякое общение со штундистами и другими религиозными общинами. Поэтому я ответил министру:

– Я ничего не могу предпринимать против моего убеждения и моей совести.

Министр ответил:

– Если вы не хотите подписывать, государь желает, чтобы вы покинули Россию.

В тот же день и Пашкова позвали к министру. После моего

возвращения я не успел с ним увидеться. Ему также предложили эту бумагу, и он, конечно, тоже не мог подписать. Княгиню Ливен, как высокопоставленную даму, министр, конечно, не мог просить к себе, поэтому он сам отправился к ней с той же бумагой. Она тоже не подписала, но о высылке министр ничего ей не говорил. Когда он сообщил государю результат переговоров, тот сказал, что «даму нужно оставить здесь». В ответе царя, несомненно, видна была рука Божья. Не выслав княгиню, царь показал, что не считает ее опасной, и полиция уже не смела вмешиваться в те собрания, которые после нашей высылки постоянно происходили в ее доме.

Говоря по-человечески, мне было очень тяжело оставить родину, мою деятельность как свидетеля Христа. Но то обстоятельство, что я могу все оставить ради Него и последовать за Ним, неся Его иго, было для меня не только утешением, но и наполняло глубокой радостью.

На сборы мне было дано очень мало времени, и затруднение было великое. Я должен был все оставить, но об этом не скорбел. Я знал, что поступаю по вере, и знал, что Бог нас не оставит.

27 июня 1884 г. мы покинули Царское Село. Моя дорогая жена ожидала ребенка, и врач прописал ей полный покой, но она не хотела оставить меня одного. Когда мы прибыли в окрестности Парижа, где находились родители моей жены, Господь подарил нам здорового сына. Далекое путешествие не принесло вреда ни матери, ни ребенку.

Весть о высылке Пашкова и меня очень быстро распространилась по России. Когда дорогие братья в разных губерниях узнали об этом, они решили, что нас нужно заменить. Нам сообщили, что на место старших братьев Пашкова и Корфа выбрано семнадцать новых, которые должны взять на себя работу во всех общинах, не только в Петербурге.

Пути Божьи неисповедимы (Рим. 11, 33–34). Мы видим во всем Его любовь, и все содействует к достижению Его благословенной цели. Да будем мы всегда и везде благоуханием Христовым, живыми свидетелями Его до тех пор, пока Он придет и всех, кто принадлежит Ему, возьмет к Себе!

М. М. Корф

(Вестник спасения, № 1, 1971)

Софья Ливен в своей книге «Духовное пробуждение в России» сообщает о дальнейшей жизни и кончине этих верных служителей Божьих.

Жизнь в изгнании

Вынужденные покинуть свою родину и живя на чужбине, эти верные слуги Божьи, хотя и на чужих «реках», не переставали возвещать Евангелие любви Божьей во Христе Иисусе. Василий Александрович Пашков часто проповедовал во Франции, большей частью в миссии «Мак-Коль», и усердно распространял Священное Писание среди французов. Некоторое время он ездил по стране с верующим англичанином в крытом фургоне, запряженном парой лошадей (наподобие тех, в которых разъезжают цыгане). Так они распространяли слово Божье в стране. Народ собирался в большом количестве, чтобы послушать этих своеобразных иностранцев, и таким образом открывалась возможность многим сказать о Спасителе.

Пашков часто бывал в Англии и иногда в Германии, где выступал вместе со многими известными проповедниками-евангелистами. Множество сохранившихся писем говорит о том, насколько его ценили и как желали его сотрудничества. Среди них осталось много благодарственных писем от руководящих различными миссиями, например, от Гудсона Тейлора, основателя особенно благословенной миссии в Китае, от генерала Бутса, основателя Армии спасения, от пастора Сайенса во Франции и многих других, которым он часто помогал средствами и личным участием в деле Божьем.

Только один раз после изгнания Василий Александрович получил разрешение приехать в Россию на шесть недель по случаю болезни его сына, заболевшего тифом. Не знаю, в каком году это было, но мне тогда было лет около двенадцати. Помню, как тогда в нашем доме шло вечернее собрание, и вдруг неожиданно открылась дверь и вошел высокого роста старец (по моим тогдашним понятиям), сразу приковавший к себе общее внимание и вызвавший почтение. Собравшиеся встали как один человек. Никогда не забуду впечатления, какое произвела на меня, да и на всех присутствующих, благоговейная молитва вошедшего. Было видно, что он беседует лично с Богом, близким и великим, когда он, как бы видя Невидимого, произнес: «Покажи им, что Ты можешь совершить

в России через горсточку людей, полностью отдавшихся Тебе!»

Когда Василий Александрович Пашков в 1902 г. скончался, мы на его похоронах в Риме спели по-русски гимн:

Кто, кто сии и кем облечены
В светлые ризы снежной белизны?
Их уста хвалой полны –
Агнец их Кровью омыл.

Все это те, кого Христос призвал,
Все, за кого Он умер и страдал,
Он их спас и оправдал –
Агнец их Кровью омыл.

Все, все за Агнцем вслед они пошли,
Все через скорбь великую прошли,
Но в Нем мир душе нашли –
Агнец их Кровью омыл.

Наша милая тетя Гагарина, когда ей случалось быть за границей, обязательно навещала В. А. Пашкова, где бы он ни находился. Когда же он скончался, ей показалось немыслимым отпустить его без благодарности от братьев и сестер во Христе с его родины. Итак, она предложила нам, трем ее племянницам, поехать на похороны дяди (по жене В. А. мы состояли в родстве с ним) как представительницам русских верующих. И мы поехали в Рим.

Я и теперь вспоминаю с благодарностью Господу это наше путешествие, которое навсегда запечатлелось в моем сердце. Под высокими кипарисами римского кладбища мы положили на могилу венок из елок, привезенных нами из России, как последний привет с его земной родины. Кроме его семьи, верной его сотрудницы Наталии Николаевны Крузе и нас троих присутствовали также русский посланник при Ватикане и посланник при Итальянском правительстве со своей женой, да еще двое или трое друзей и несколько человек его домашних служащих. Стих, на который местный евангельский пастор сказал несколько слов, был из Евангелия Матфея (5, 10): «Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное». Когда я думаю о тех похоронах, мне приходят на память слова из 11 главы Послания к Евреям: «Те, которых весь мир не был достоин, скитались...» Сколько и в наши дни таких скитальцев! По ми-

лости Божьей многие из них уже могут петь припев того же гимна:

Агнец нас привел в Вышний Иерусалим
И Своей Кровью омыл.
Мы пребудем вечно в небесной славе с Ним –
Агнец нас Кровью омыл.

Много лет спустя я имела радость навестить девяносточетырехлетнего М. М. Корфа в Швейцарии, а потом через несколько месяцев присутствовать на его похоронах в Базеле. Туда я тоже могла принести привет, но уже не из России. Я не положила венок из русских елок, но пальмовая ветка – прощальный и благодарственный привет небольшой группы русских верующих, проживающих в то время в Лозанне,– заменила родную елку. Я положила ветвь перед открытой могилой и, обратившись к присутствующим, сказала им слова о Христе, которые Модест Модестович так часто любил повторять: «Он жив!» На надгробном камне этого человека можно было написать: «Для меня жизнь – Христос». Это подтверждалось его личным свидетельством и всей его жизнью.

В продолжение всей своей изгнаннической жизни, до глубокой старости, брат не переставал трудиться для своего возлюбленного Спасителя. Деятельность М. М. Корфа протекала сначала в Германии, а потом в Швейцарии. Он работал в тесном единении с известными в то время в Германии ратоборцами Христовыми. Многие из них принадлежали к высшим кругам. Пользуясь своим положением, они имели большие возможности для служения Господу и являлись для многих примером. Благодаря их мужественному свидетельству и вере, много душ пришло ко Христу. Генерал фон Фибан, вдова генерала Вальдерзее, в доме которой граф М. М. Корф часто говорил слово, дочь фон Блюхера, организовавшая воскресную школу в Берлине, и многие другие проложили путь для позднейших тружеников на ниве Господней в Германии. В их дни все это было сравнительно ново, и им, как и нам, приходилось бороться с косностью, застывшей в обрядах религиозности. С этими воинами Господними выступал и наш брат М. М. Корф. Благодаря его чистой, детской вере и искренней любви к Спасителю, его везде любили, а его забота о душах ближних казалась неиссякаемой.

Последние годы жизни М. М. Корф провел в Швейцарии. Он и там не оставлял своей работы для Господа, пользуясь для этого

каждым предоставившимся случаем. Об одном из них я хочу рассказать.

Однажды в Лозанне мы вместе с нашим общим знакомым провожали М. М. Корфа на вокзал и, доведя его до вокзала, распрощались с ним. Но, передумав, решили посмотреть, нашел ли наш старый друг удобное место в поезде, чтобы в случае нужды помочь ему. Полушутя я сказала: «Посмотрим, наверное, наш милый граф уже нашел какую-нибудь душу, которой свидетельствует о Господе». И действительно! Проходя вдоль поезда, в окне одного из вагонов мы увидели двух пассажиров, сидящих друг против друга и оживленно беседующих. Один из них был брат Корф. В руке он держал книжку, которую, очевидно, хотел предложить собеседнику. Так и было. Он начал беседу и нашел в собеседнике брата во Христе. Он не терял времени, сознавая, что дней остается уже немного! Таков был наш дядя Модя, как мы его называли.

Вспоминается еще один случай из моих личных бесед с М. М. Корфом в последние годы его жизни, характеризующий чистоту его детской веры.

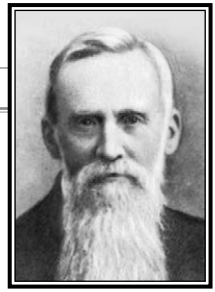
«Теперь взгляды настолько переменились,– говорил он,– что я больше не понимаю, что предосудительно и что не предосудительно; но знаю одно: ты, Моденька, не греши!»

За два дня до смерти, вечером, когда М. М. Корф сидел за письменным столом и писал, сестра милосердия того дома, где он жил, напомнила ему, что пора идти спать. На это он ответил: «Еще много работы остается сделать для Господа, и я еще далеко не закончил ее».

В ту ночь он почувствовал себя худо и через сутки перешел домой, к своему Господу.

(С. Ливен. Духовное пробуждение в России, 1967)

БЕДЕКЕР ФРИДРИХ ВИЛЬГЕЛЬМ



Деятельность Фридриха Вильгельма Бедекера — выдающегося работника на ниве Божьей — была весьма широкой и многосторонней. Рожденный в Германии, он посетил самые отдаленные места поселений каторжников в Сибири, на Дальнем Востоке и Сахалине. Он был желанным гостем и в гостеприимных дворцах верующих аристократов Швеции и Петербурга, и среди изгнанных за веру на Кавказ штундистов.

Бедекер вдоль и поперек исколесил Европу, Сибирь и Дальний Восток. На поездах, на пароходах, на почтовых тройках, на тарантасах и в санях, он преодолевал огромные расстояния и в зной, и в пургу. Он мог сказать вместе с великим апостолом язычников: «Много раз был в путешествиях, в опасностях на реках, в опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, в опасностях от язычников, в опасностях в городе, в опасностях в пустыне, в опасностях на море...» (2 Кор. 11, 26). Только в глубокой старости, в восемьдесят три года, он закончил свой труд и успокоился в Господе.

Что побуждало его так ревностно трудиться? Ответ напрашивается сам собой: им двигало страстное желание нести людям Благую весть о Христе и призывать грешников к покаянию.

Своим внешним видом Ф. В. Бедекер был похож на святых старцев: стройный, худощавый, с большой благообразной бородой. В его глазах горел Божественный огонь, никогда не забываемый слушателями. Бедекер жил в ярком сиянии солнца Божьей благодати. Его всегда улыбающееся лицо, сердечное пожатие руки давало и другим почувствовать небесную теплоту этого солнца. Когда утром, здороваясь, спрашивали его о самочувствии, он всегда с радостной улыбкой бодро отвечал: «Господь добр!»

У него в жизни была только одна цель — жить для Бога. О себе он не думал, но всем своим существом проповедовал Евангелие благодати Божьей.

Бедекер был человек с очень добрым и приветливым характером. Отличительной чертой его характера была любовь. Глядя на него, невольно думаешь: «Так должен был выглядеть в своей старости апостол Иоанн».

Лучшую характеристику о нем дает присущий ему обычай раздавать пледы. Англию он обыкновенно покидал имея при себе хороший теплый плед, о наличии которого неизменно заботилась его любящая супруга. Но очень часто случалось, что Бедекер возвращался домой без пледа.

— Где же твой плед? Куда ты его дел? — спрашивала заботливая жена.

— Дай подумать... Ах, да! Когда мы плыли по Черному морю, на палубе дрожал один бедный человек, и я отдал ему свой плед.

Юность

Фридрих Бедекер родился в 1823 году в г. Виттене, в Вестфалии, в Германии. Его отец был известный зоолог, которому принадлежали большие коллекции очень редкостных экземпляров птиц и их яиц.

Маленький Фриц, предпоследний из шести детей семьи Бедекер, был нежным, отзывчивым мальчиком. Когда ему исполнилось шестнадцать лет, его отдали на три года в ученики к одному предпринимателю в Дортмунде. В двадцать один год Фридрих Бедекер поступил на двухлетнюю военную службу. В двадцать пять лет он был мобилизован как запасной. Но тут он заболел, и, так как болезнь затянулась, его совсем освободили от военной службы.

В двадцать восемь лет Фридрих Бедекер женился, но недолго мог наслаждаться радостями супружеской жизни. Всего через несколько месяцев после свадьбы смерть лишила его дорогой спутницы жизни. С того времени и начались его путешествия по всему миру. Сперва он объехал всю Германию, а в 1854 году отправился в Англию.

Из Англии через некоторое время Бедекер поехал на пароходе в Лаункестон, в Тасманию. По пути их судно застигла буря, в которой они чуть не погибли. Путешествие длилось более четырех месяцев. В Лаункестоне Бедекер занял должность учителя французского языка сперва в одной частной школе, а потом в колледже. Спустя два года он поехал в Мельбурн и потом в Сидней.

Таким образом в течение двух лет он объехал всю Австралию вдоль и поперек. В 1858 году Бедекер вернулся в Европу, в дом своих родителей, а на следующий год снова поехал в Англию. Ему хотелось посетить некоторых друзей, с которыми он познакомился во время своего первого посещения Англии. С одним из друзей он посетил город Вестон, где получил предложение от одного господина вместе открыть высшую школу. В связи с этим Бедекер решил прекратить свои странствования и стал постоянным гражданином Англии.

В 1862 году он вторично вступил в брак с молодой вдовой покойного капитана Британского флота Оренсби.

Звание доктора философии Ф. В. Бедекер получил во Фрейбургском университете. Кроме того, он пополнял свои познания в Боннском университете. Надо отметить, что Фридрих Бедекер был родным братом известного Карла Бедекера, издателя путеводителей для путешественников, причем многие сведения для этих справочников были даны доктором Фридрихом Бедекером.

Обращение и начало служения

Фридрих Бедекер обратился к Богу в 1866 году на одном из евангелизационных собраний лорда Редстока в Вестоне, в Англии. Некто, сам обратившись на этих собраниях, пригласил Бедекера, и он после долгих упрашиваний дал обещание прийти. Первое же собрание его заинтересовало, и он стал ходить туда постоянно. Несколько раз ему удалось уйти прежде, чем заговорит с ним проповедник. Но в один вечер он или засиделся слишком долго, или сел слишком далеко от дверей, и Редстоку удалось его задержать. Положив свою руку на его плечо, он сказал:

— Дорогой друг, сегодня вечером Бог через меня имеет сказать вам нечто особенное. — При этом он пригласил его зайти в боковое помещение.

Это произошло на глазах у всех. Скоро они оба стояли на коленях. В эти минуты с Бедекером произошла та великая перемена, которая изменила в корне всю его дальнейшую жизнь. Он смирился перед Богом, доверился Спасителю, и радость спасения и мир наполнили его сердце. Переживания этого незабвенного вечера Фридрих Бедекер выразил следующими словами: «Я вошел в собрание как гордый, скептически настроенный немец, а вышел оттуда как смиренный, верующий ученик Христа. Да будет прославлен за это Господь!»

Его супруга, всей душой привязанная к миру и его забавам, некоторое время оставалась в стороне и с недоумением смотрела на странные собрания, повторяющиеся изо дня в день. Но, заметив великую перемену в своем муже, она решилась пойти с ним на одно собрание. Спустя некоторое время она тоже уверовала.

Вскоре случилось нечто чудесное. Фридрих Бедекер, здоровье которого из-за болезни сердца годами было очень слабое, так что он один не решался даже выходить на прогулку, и которого все считали кандидатом смерти, теперь выкинул все лекарства, забыл острые боли и с юношеским пылом выступил на труд в винограднике Христовом. Сорок лет никакая серьезная болезнь не прерывала его труда.

Фридрих Бедекер вверил Господу и тело свое, и душу. Никогда не было слышно жалоб с его уст о том, что ему плохо или что он устал. И так было до часа его смерти, до восьмидесяти трех лет. Христос воистину взял на Себя и грехи его, и болезни. Про него можно было сказать, как про исцеленного апостолом Петром: «И ради веры во имя Его, имя Его укрепило сего, которого вы видите и знаете, и вера, которая от Него, даровала ему исцеление сие пред всеми вами» (Д. Ап. 3, 16).

Даже на смертном одре он был больше озабочен спасением окружающих, чем состоянием своего здоровья. И тут ему удалось еще две души приобрести для Господа.

Лорд Редсток был избран Самим Богом открыть Бедекеру дверь для деятельности в Европе. В 1874 году Редсток посетил Берлин и, посоветовавшись с некоторыми верующими друзьями, решил пригласить туда для устройства евангелизационных собраний известного проповедника Пирсела Смита из Америки. На этом совещании присутствовал Бедекер, и его попросили быть переводчиком. Он согласился и переводил с такой глубокой искренностью и силой, что слушатели говорили: «Зачем нам приглашать проповедников из Америки? Здесь у нас есть свой человек, на котором почивает Дух Божий! Пусть он говорит!»

Таким образом случилось, что после совместной поездки с американским проповедником доктор Ф. В. Бедекер выступил на самостоятельную работу. Сперва он посетил те места, где уже были собрания. Этот первый труд Бедекера на родине был благословенным.

Труд в России

В 1875 году Бедекер начал трудиться в России. Лорд Редсток, работавший здесь с особым успехом, ввел Бедекера в высшее общество Петербурга. В 1877 году доктор Фридрих Бедекер вместе со своей женой и приемной дочерью покинул на три года Англию и поехал в Россию, чтобы работать сначала среди говорящих по-немецки.

Свое первое евангелизационное собрание в России Бедекер устроил в г. Митава, в Латвии. Прибыв туда, он сразу из гостиницы отправился к местному губернатору и прямо и коротко сказал ему:

— Я прибыл сюда из Англии и пробуду в вашем городе только несколько дней. Вот мой паспорт. Я — проповедник, и хотел бы устроить здесь евангелизационное собрание. Если бы вы предоставили мне свою гостиную, я охотно провел бы там собрание.

— С великим удовольствием! — ответил губернатор. — Моя гостиная к вашим услугам, постараюсь также собрать всех моих друзей и знакомых. Сделаю со своей стороны все, чтобы зал был полный.

Губернатор сдержал слово — он пригласил своих друзей и знакомых. Более внимательных и серьезных слушателей трудно было представить.

Что значил такой радушный прием, будет более понятно, если принять во внимание то, как трудно было получить в те времена разрешение на устройство религиозного собрания. Для этого необходимо было выхлопотать разрешения у пяти должностных лиц: городского головы, пристава, заведующего школами, православного священника и газетного цензора. Часто Бедекера посылали от одного начальника к другому, прежде чем удавалось организовать собрание. Поэтому, прибыв в какой-либо город, он сперва старался разузнать, не живет ли там кто-нибудь из верующих, а потом уже вместе с ними начинал действовать. Если же никого из верующих в городе не было, он придерживался митавского примера, и в большинстве случаев его просьба предоставить гостиную губернатора для собраний находила должный отклик.

В начале своей работы, еще мало известный, Бедекер однажды нанял зал в г. Риге и объявил о предстоящем собрании. Скоро пришли полицейские чиновники.

— Здесь нельзя устраивать никаких собраний! — заявили они. — Разве вам неизвестно, что всякие религиозные беседы строжайше запрещено проводить всем, кроме правящей церкви?

Бедекер смутился. Подумав немного, он сказал:

— А лекцию вместо собрания можно мне прочитать?

— К этому препятствий не имеется,— ответили полицейские. — Лекции законом не запрещены.

— В таком случае я устрою лекцию,— решил Бедекер.

— Хорошо,— ответил пристав,— только чтобы при этом не было молитв и пения.

Прежние афиши были исправлены, в них указали, что в такой-то вечер доктор Бедекер из Англии прочитает лекцию на тему: «Грех и спасение». Намеченный вечер казался очень неподходящим. Дождь, снег, град и густая темнота заставляли думать, что посетителей будет очень мало. Но, к крайнему удивлению Бедекера, зал оказался переполненным. Пришли как дворяне, так и простой народ. Бароны

и графы со своими дамами и другими членами семьи сидели вместе со слугами, купцами и простыми рабочими. Все горели желанием услышать драгоценное слово жизни, которое было для них совсем новым. Собрания устраивались вечер за вечером. Лекцию «Грех и спасение» пришлось повторить несколько раз. Слушателей бывало по две – три тысячи человек.

Больше всего препятствий было со стороны служителей лютеранской церкви. Они использовали все законные и незаконные средства, чтобы мешать Бедекеру. Но Бог милостиво охранял его от всякой опасности и дивно открывал двери даже там, где этого меньше всего можно было ожидать.

Если бы Бедекер не был иностранцем почтенного вида и его не поддерживали бы высокопоставленные лица, он часто встречал бы отказ.

В одном городе в главной инстанции был очень грубый чиновник, но тактичная любезность евангелиста победила его, и он сам пришел на собрание. После собрания он проводил доктора Бедекера на поезд и простился с ним, горячо уверяя его в своем уважении.

С годами смелость доктора увеличилась настолько, что он стал работать совсем без разрешения.

«Вперед, пока тебя не остановят! Так выиграешь время!» — говорил он. Последствия были иногда очень неприятные. Но он так хорошо познакомился с внутренней жизнью русских тюрем, что в случае наказания желал сидеть лучше в русской тюрьме, чем в английской, так как в русской он мог приводить сотоварищей по участи к Господу.

Социальная и религиозная атмосфера в России в те годы была ужасной. Это была эпоха победоносцевского разгула насилия и террора над верующими неправославного направления. В. А. Пашков и М. М. Корф были высланы из страны, один за другим этапы арестантов в кандалах шли в Закавказье, в Сибирь. Штрафы, конфискация имущества, тюремные заключения и ссылки применялись без всякой милости к тем, кто осмеливался выйти из православной церкви. На Украине над «штундистами» свирепствовал массовый произвол, темные толпы народа, подстрекаемые духовенством,

вместе с полицией совершали самосуд: грабили, издевались, убивали...

Доктор Бедекер совершал служение проповеди Евангелия, стараясь расширить границы Царства Божьего в России. Русского языка он не знал, проповедовал на немецком, английском или французском и всегда мог рассчитывать на какого-либо брата, который сопровождал его в качестве переводчика. Иногда он брал себе от двух до пяти переводчиков, и вокруг каждого из них собиралась толпа слушателей.

Россия была не единственным полем миссионерской деятельности доктора Бедекера в течение сорока лет. Путешествие его, как апостола двух частей света, началось с берегов Рейна, вблизи которого была его колыбель, и продолжалось до последней арестантской колонии на Сахалине; от княжеских палат верующих аристократов в Стокгольме до поселения ссыльных штундистов у подножия Арарата. Этот чудный святой человек всюду распространял Евангелие в надежде на золотую жатву. И прежде всего он стремился принести ободрение сердцу и подкрепление рукам детей Божьих, лишенных общения. Он хотел быть утешителем гонимых и одиноких, хотел ободрить их и передать им невыразимую радость братским рукопожатием и теплым, участливым взглядом, доказывающим его духовное общение с ними.

Особое место в сердце Ф. В. Бедекера занимали духоборы, очень своеобразный народ. Он удивлялся их твердости: они отказывались от военной службы, несмотря на то что это приносило много горя и убытков.

Самой существенной деятельностью доктора Бедекера в России было неутомимое посещение тюрем и ссылок, раздача арестантам Евангелий и проповедь перед тысячной толпой заключенных. В продолжение восемнадцати лет один только он имел право посещать тюрьмы России. Он имел туда доступ как в Варшаве, так и в арестантских поселках на Сахалине, как в крепостях Кавказа, так и на обледенелых берегах сибирских рек.

В разрешении проходить в тюрьмы было сказано, что Бедекеру «специально поручено навещать русские тюрьмы и раздавать арестантам экземпляры Священного Писания». Его

полномочие давало ему право действовать с заключенными по своему усмотрению, что никогда и никем не порицалось и не контролировалось. Так чудно Господь открыл ему дверь для святого служения.

«Мое имя в России сделалось ключом к тюремным дверям. Я имею гораздо больше свободы проповедовать в стенах русских тюрем, чем на лондонских улицах»,— говорил Ф. В. Бедекер.

А в одном из своих воспоминаний он писал:

Прежде я не имел никакого понятия о том, как люди сидят взаперти за решетками, да еще в цепях. Когда же я об этом узнал в России (Ф. Бедекер посетил одну из тюрем, возможно, вместе с В. А. Пашковым. – *Прим. И. П.*), моим сердечным желанием было, чтобы мне открылись двери тюрем. Я осмелился его высказать одной высокопоставленной даме в Петербурге и спросил, нет ли для этого какой-нибудь возможности. Грустно покачала она головой, но просьбы моей не забыла.

При этом надо отметить, что высокопоставленная дама была личным другом Государыни и супругой очень известного посланника...

Далее Ф. В. Бедекер рассказывает историю, как эта особа из аристократии встретилась с начальником тюремного ведомства и просила его выписать разрешение ее другу, англичанину, посещать тюрьмы и заключенных для передачи им Священного Писания. Чиновник обещал графине выполнить ее просьбу, что и сделал.

В своем новом служении доктор путешествовал из одной крепости в другую и передавал Благую весть о спасении самым падшим и несчастным слоям общества — заключенным. При этом ему часто предоставлялась возможность оказывать помощь и нести утешение узникам, которые томились в тюрьмах ради Христа и Евангелия.

Однажды по дороге в Москву, на вокзале, у Бедекера вытащили бумажник. Это была ощутимая потеря. Там был его паспорт, 100 английских фунтов и 1000 русских рублей, а самое главное — разрешение посещать тюрьмы.

С тяжелым сердцем Бедекер приехал в Москву и написал

графине о пропаже своей драгоценности. Она сейчас же ответила телеграммой, что выхлопочет новое разрешение, и спросила, не пропало ли у доктора еще что. Он признался, что пропали деньги и паспорт. Добрая графиня и ее петербургские друзья не хотели допустить, чтобы Ф. В. Бедекер пострадал, потеряв необходимые для него средства.

Вскоре он получил новое разрешение, которое давало ему больше полномочий, чем потерянное. Так Господь обратил пропажу в благословение, как обыкновенно Он делает, отвечая на молитвы Своих детей.

Это разрешение Ф. В. Бедекеру обновляли каждые два года, и доверие правительства к нему было так велико, что при каждой новой выдаче ему расширяли границы служения без его просьбы. Все шире ему открывались двери тюрем, арестантских колоний и мест поселения, и он работал совершенно бесконтрольно, самостоятельно, содействуя духовному просвещению несчастных.

Правда, первое время доктору Бедекеру приходилось переживать много тяжелых затруднений. Тюремное начальство, видя его разрешение, не имело права запрещать ему делать свое дело, но многие давали ему понять, что он там лишний. И все-таки постепенно, когда его посещения участились, вражда перешла в дружбу и сердечное отношение. Начальники тюрем стали ждать Бедекера с нетерпением, как дорогого гостя, с радостью встречали и неохотно провожали. Его скромность и любезность, которыми он старался походить на Спасителя, обезоруживали всякого противодействующего и преобразовывали коварного врага в преданного друга.

В первое время были случаи, когда заключенным не разрешали выходить из камер к Ф. В. Бедекеру. Он говорил, что сам пойдет к ним, но его не пускали. Тогда он просил приоткрыть двери камер и так проповедовал своим невидимым слушателям.

Иногда Ф. В. Бедекер подчеркивал особые места в раздаваемых Евангелиях или ставил крестики напротив основных текстов. За это он встречал яростное противодействие со стороны начальников. Они доказывали, что у него в разрешении ниче-

го не сказано об этом и он нарушает их тюремные правила.

Ф. В. Бедекеру приходилось много смиряться и уступать, чтобы не обострять своих отношений с начальством, и он имел поразительный успех.

Положение заключенных в России было ужасным, особенно в сибирских тюрьмах. Там сконцентрировались: зверская суровость, невообразимая вонь, кучи насекомых, непрестанный шум день и ночь, бесчувственность стражей, теснота, болезни, тяжелые цепи. К этому списку надо прибавить еще безнравственную необузданность, откровенную распущенность, отвратительные страсти, низкие разговоры, строптивость и упрямство. «Это прямо дьяволы в человеческом образе» (как говорил о них Ф. В. Бедекер), приговоренные не разлучаться ни днем, ни ночью. Все это, вместе взятое, представляет собой ад на земле, в котором тысячи наших собратьев по плоти и по духу вынуждены переживать растянутый на годы смертный ужас.

И вот к этим несчастным людям явился человек, имеющий неподдельную любовь к ним, как к своим ближним, и желающий смягчить эти мучения. Его встретили как ангела, посланного с неба.

Впервые доктор Ф. В. Бедекер перешел Урал и познакомился с Сибирью в 1889 году. Через Пермь, Екатеринбург, Тобольск, Томск, Красноярск и Иркутск он направлялся в Хабаровск. Его сопровождал переводчик Щербинин. До Тюмени они ехали по железной дороге, а далее — на пароходе и баржах по Оби, Иртышу, Енисею, еще далее — на почтовых тарантасах.

По пути в каждом городе они останавливались, чтобы посетить тюрьмы, переполненные арестантами, проповедовали им весть о спасении и раздавали Священное Писание. Ящики с книгами они посылали багажом заранее по предполагаемому маршруту и по прибытии распаковывали и раздавали литературу нуждающимся. Необходимое количество везли с собой.

Приводим характерную для всех описаний того времени выдержку из письма, написанного самим доктором Бедекером о посещении тюрем:

...Мы опять плывем по воде. Направляемся в Тобольск, который думаем достигнуть через неделю.

Тюрьмы в Томске прямо ужасны. Невозможно их ни описать, ни представить себе. Число заключенных пока все увеличивается. Каждую неделю приходит из Европы транспорт (этап) из шестисот—восьмисот человек и из трехсот—четырехсот уходит на запад. Тут три тюрьмы: одна приспособлена для каторжных работ на триста душ, вторая – для долгосрочных арестантов на тысячу шестьсот—тысячу семьсот человек, третья, самая скверная, вмещает три тысячи четыреста заключенных, размещенных в шестнадцати деревянных сараях. Там можно наблюдать смесь из русских, евреев, немцев, эстонцев, латышей, финнов, грузин, татар, киргизов, персов и т. д. Между ними есть женщины и дети. Сердце обливается кровью, когда смотришь на детей, ласкающих и обнимающих своих родителей, находящихся в цепях, или на матерей с тремя—четырьмя детьми болезненного вида. При хорошей погоде они находятся во дворе, а когда начинаются дожди и холода, их запирают в бараки, где очень многие заболевают и умирают.

Но всего ужаснее была больница. Врач, работавший в ней, в свои тридцать лет уже шестнадцать раз болел тифом. Там лежало двести пятьдесят больных. Большой процент составляют кавказцы, которые очень медленно акклиматизируются и очень быстро умирают. В палатах лежали больные со всевозможными болезнями: тифом, оспой, дизентерией, чахоткой, воспалением легких и хроническими болезнями. Некоторые лежали просто в сенях на полу. Некоторые умирали в то время, когда мы проходили по этим палатам. Воздух был зачумленным. Много больных лежало во дворе прямо на траве.

При нас отправляли транспорт из трехсот человек на запад. Чиновники советовали нам отправиться к ним на первый их привал, за тридцать пять верст отсюда. Мы отправились и прибыли туда. Плачевная картина представилась нам: после однодневной маршировки было много больных и с больными ногами, у которых от ходьбы в цепях распухли ноги и открылись гноящиеся раны.

Они меня приняли за врача и показывали мне свои раны. Я имел возможность говорить с ними свободно. Они внимательно слушали проповедь, многие из них плакали. Нигде и никогда мне не приходилось видеть такое усердное внимание и слышать такую благодарность, как там...

Чиновники все были очень любезны и внимательны. Они истощили всю свою мудрость и не знали, что им делать дальше. Мы навестили вчера губернатора, он телеграфировал в Петербург, чтобы не посылали больше транспорта, потому что все тюрьмы переполнены. В Томске – самые худшие тюрьмы из всех виденных мною. Если не будут приняты скорейшие меры, то переполнение достигнет семи–восьми тысяч человек. Заключенные убегают большими партиями. Судя по статистике, в Сибири живет до пятидесяти тысяч беглых арестантов. Большинство из них нищенствуют и крадут и проводят плачевно свое существование. Они просто обречены на медленное умирание...

Все наши Евангелия и части Библии розданы, за исключением нескольких экземпляров на татарском и персидском языках...

В 1890 году доктор Бедекер предпринял еще одно путешествие через всю Сибирь до Сахалина. Переводчиком и проводником его был И. В. Каргель. Большое число книг, которыми снабжали их Британское и Германское библейские общества, заранее было отправлено в Пермь, Екатеринбург, Тюмень, Томск, Иркутск, Николаевск, чтобы по приезде туда они могли без замедления получить их.

Опять тяжелые поездки в поездах того времени, дальше — по рекам, а еще дальше — тысячи верст на телегах и почтовых тарантасах. Опять посещение переполненных тюрем, проповеди среди сотен и тысяч арестантов, опять их стоны, болезни. Проповедники оказывали многим и материальную помощь. За многих ходатайствовали, чтобы их перевели в лучшие условия или отпустили совсем. Например, в Томске они поручились за одного семнадцатилетнего юношу. Чтобы он, находясь в среде развращенных преступников, не погиб окончательно, они взяли его с собой и в Иркутске передали родной матери.

Тарантасы, набитые книгами, нередко ломались по дороге, и их приходилось чинить. И. В. Каргель был хороший в этом отношении помощник. Из Красноярска он поехал на пароходе по Енисею до Минусинска, чтобы посетить брата, бывшего слугу В. А. Пашкова. Этот брат был сослан в Сибирь и много претерпел за распространение евангельского учения.

Так они добрались до Сахалина.

В дальнейшем доктор Бедекер снова посещал тюрьмы Сибири, а также заключенных и ссыльных Закавказья, Кавказа и многих других мест России. Переводчиками его были армянский проповедник Патвокан Тараянц, мистер Морган и другие.

В Закавказье Ф. В. Бедекер посетил ужасное место изгнания верующих — заброшенную татарскую деревню Герюсы в горах. Посещал также тюрьмы Елизаветполя, Метехский за́мок в Тифлисе. Вот что он пишет об этом сам:

В Тифлисе мы пошли в одну большую тюрьму, в которой я и раньше бывал. Заключенные там почти все новые – бывших в прошлый год выслали дальше. Трех братьев привели к нам в цепях. Один из них узнал меня и горько заплакал. У них остались в окрестностях Москвы жены и дети. Нас предупредили, чтобы много с ними не разговаривали. Но для этих дорогих нам ссыльных было истинным утешением братское объятие и крепкое пожатие руки.

В Тифлисе мы встретили еще семь братьев с семьями, всего двадцать семь душ. Между ними была бабушка, которая рассказала, что ее тащат уже в одиннадцатую тюрьму. Им надо было добраться до Елизаветполя, чтобы там узнать, где им назначат поселиться еще на пять или больше лет в тяжелых условиях и под строгим надзором полиции.

Так обходится Россия со своими лучшими гражданами. Эти гонимые – истинные герои молчаливого страдания.

Великую любовь и привязанность доктор Бедекер нашел со стороны многих заключенных. У него дома, в Англии, в зале на столе стояла резная рамка с его портретом. Эту рамку вырезал один заключенный в далекой Сибири в знак любви и благодарности доктору за его многотрудную работу ради них.

Ф. В. Бедекер в своих евангелизационных путешествиях часто посещал Крым. Однажды он писал оттуда:

Севастополь. Мой призыв к тысячам рабочих в этом городе не был тщетным. Меня здесь ждал целый ящик с Евангелиями и русскими трактатами. Эта посылка подоспела вовремя. Распаковы-

вать и раздавать книги было для меня большим наслаждением и радостью. Жаждущий народ шел домой ликующий, с дорогими приобретениями. Какая ужасная ответственность – пропустить случай для свидетельства о Христе солдатам, морякам и тысячам рабочих на корабельных верфях! Никто и никогда не скажет им доброго слова, последствием чего бывает полное неверие и нигилизм.

В финляндских тюрьмах

Матильда Вредэ (финская миссионерка) имела честь ввести доктора Бедекера первый раз в одну из финляндских тюрем. Это было в 1887 году. Также и во время других его посещений она была его верной переводчицей и много помогала ему.

Бедекера часто переводили профессора́ из университета. Однажды он проповедовал в тюрьме и его переводил профессор. Заключенные слушали с большим вниманием, но с застывшим и закаменелым выражением лица. Сказанное как будто их вовсе не касалось. При следующем посещении его сопровождала Матильда Вредэ. Бедекер только начал свою речь, как понял, что «острые стрелы Божьи попали в сердце врагов Царя» — об этом говорили влажные глаза заключенных и их растроганные лица.

— Что это значит? — спрашивал позже Ф. В. Бедекер одного из надзирателей. — Мои прежние проповеди они выслушивали равнодушно, даже с враждой, а теперь слово коснулось их совести и сердца.

— Господин доктор, вся разница в переводе. Когда вы в прошлый раз говорили, обращаясь к заключенным: «мои дорогие друзья» или «дорогие мои братья», ваш профессор всегда переводил «вы, слушатели», «вы, заключенные». Молодая же дама переводила точно так, как вы говорите по-немецки: «мои дорогие друзья», «мои милые братья». Ключом к сердцу арестантов было человеческое сострадание и любовь. Здесь к этому не привыкли.

В Финляндии к доктору Бедекеру и возвещаемому им Евангелию постоянно был большой интерес. Он часто проводил благословенные собрания для студентов и преподавателей

в Гельсингфорсском университете. Многие из профессоров обратились к Богу и в кротости принимали насаждаемое слово.

Противодействия

Доктор обладал большим умом и тактом и мог выйти из самых затруднительных положений. В первое время полицейские в некоторых местах были к нему очень внимательны. Он был для них непонятен. Шпионы караулили его у входа гостиницы, следовали за ним по улицам, сходились с прислугой тех домов, где он гостил. Каждые две недели они докладывали своему начальнику о том, что видели и слышали.

Лютеранское духовенство страшно негодовало на доктора Бедекера и усердно старалось очернить его работу, чтобы власти признали его за сеятеля разврата и революций, но не за посланника Божьего милосердия. Они с озлоблением грозили ему даже смертью, возбуждали низкие страсти толпы, заставляя людей во время его проповеди мяукать, свистать, звонить, чтобы мешать благословенной работе.

Доктор Бедекер говорил, что его принцип таков: злые ли слухи, добрые ли слухи — проповедуй слово Божье!

Под Божьей охраной

Все обетования, записанные в 90 псалме, имели значение в жизни Ф. В. Бедекера и исполнялись на нем буквально. Во время его беспрерывных поездок, днем и ночью, часто в глухих и малонаселенных местностях, где обитали дикие звери и неблагонадежные люди, не приключалось ему зло и язва не приближалась к его жилищу. Всемогущий Господь охранял его.

Однажды Ф. В. Бедекер посетил в Закавказье одно армянское селение, расположенное далеко в горах, и провел там ряд собраний. Это было в конце декабря. Суровое время года, пустынная местность, опасность от внезапных метелей делало путешествие малопривлекательным. Но жители этого се-

ления так давно и неоднократно приглашали Ф. В. Бедекера посетить их, что он не мог больше отказываться.

После этого посещения Бедекер вместе со своим переводчиком — проповедником-армянином — отправился в обратный путь. Это было в первый день Рождества. Некоторые братья из армян проводили их немного, чтобы указать дорогу, а дальше они пошли одни.

Некоторое время Бедекер и его спутник продолжали путь по дикой пустынной местности, как вдруг проповедник заметил, что потерял дорогу. Приближалась ночь, которая здесь наступает мгновенно. Проповедник остановился и сказал:

— Я дальше идти не в силах. Я совсем устал. Мы потеряли дорогу и заблудились!

— И ты не видишь ничего, что казалось бы знакомым? Ничего не замечаешь, что указывало бы, где мы находимся и куда идем?

— Напрасно я искал какой-либо знак или указатель дороги. Горе теперь нам! Мы замерзнем до утра! Через несколько минут зайдет солнце.

— Тогда преклоним скорее колени и скажем все нашему Небесному Отцу.

— Ах, какой я глупый, что в такое время года пошел в этот путь, не зная твердо дороги!

— Бог может позаботиться о нас и направить на нужный путь. Будем молиться об этом.

— Без сомнения, мы находимся в глуши. До человеческого жилья несколько часов ходьбы. Мои ноги уже отяжелели. Ах, я больше никогда не увижу своей родины!

— Если ты не знаешь дороги, то Бог знает. Перестань горевать, будем молиться Богу!

Они оба опустились на колени. Ф. В. Бедекер поднял свои глаза к небу и, полный упования, призвал Того, на Кого он с такой твердой верой полагался:

— Отче, мы не можем погибнуть, так как постоянно находимся в Твоей руке. Ты знаешь наш путь. Пошли нам помощь и направь нас в надежное место!

Сразу же после молитвы они неожиданно услышали отдаленный лай собаки.

— Слушай, это ответ Отца! — воскликнул Бедекер. — Да будет благословенно Его святое имя! Он слышит и не заставляет долго ждать!

Эти звуки наполнили усталых путников новой силой. Они пошли в направлении лая собаки и, когда уже было совершенно темно, пришли в одну татарскую деревню.

Удивлению татар при виде путников не было предела.

— Как вы попали на эту дорогу? — спрашивали они. — Здесь в декабре не бывает ни одного путника! Вы разве не боитесь метели?

— Учитель, пославший меня сюда, может направить метели так, что они нам не повредят. И вы видите, что Он это сделал, так как снег не выпал,— смело сказал Бедекер.

— Кто же ваш учитель?

— Господь Иисус.

И тут же он начал благовествовать им об Иисусе. Это были магометане, но они с вниманием слушали почтенного гостя.

На другое утро татары дали заблудившимся путникам надежного проводника, и тот указал им дорогу.

В следующее посещение Кавказа Ф. В. Бедекер остановился у одного богатого молоканина, которому принадлежал большой дровяной двор.

— Пожалуйста, будьте осторожны и не выходите на дровяной склад,— говорил хозяин. — У меня очень свирепый пес. Здесь много воров, и мне пришлось завести такого пса, чтобы не расхитили дрова. Когда мои люди работают там, собака никого не трогает, но когда там никого нет, не ходите туда.

Случилось так, что Ф. В. Бедекер забыл о предупреждении и уже находился среди двора, когда услышал сердитое ворчание. Он посмотрел вокруг и увидел, что к нему бросился громадный пес. Бедекер побежал, но неожиданно споткнулся и упал, вывихнув при этом ногу. Собака подбежала к нему и, сердито ворча, обнюхала его с головы до ног. Бедекер воззвал в молитве к Богу. Ворчание пса становилось все тише, и наконец он спокойно вернулся в свою будку. Бедекер с трудом встал и, сильно хромая, поплелся в дом. Собака спокойно сле-

дила за ним. Хозяин и все домашние были сильно удивлены, что он так благополучно отделался, так как пес был очень злой. Думая в это время о Данииле, Ф. В. Бедекер сказал сам себе: «Тот, Кто некогда закрыл пасть львам, теперь так же легко закрыл пасть этого пса. Да будет прославлен Господь!»

В гостиных аристократии

Лорд Редсток познакомил своего друга Ф. В. Бедекера с петербургскими аристократами, и он встретил там немало искренних, преданных Господу христиан. Они приняли Бедекера самым сердечным образом и всеми силами поддерживали его в деле евангелизации, широко открыв двери своих домов для религиозных собраний.

В Петербурге доктор Бедекер обыкновенно останавливался в доме княгини Ливен, где чувствовал себя как дома. Ему отводили так называемую малахитовую комнату. Это была «горница пророка», где многие слуги Божьи находили себе пристанище и пользовались гостеприимством хозяйки. В их числе был и Георг Мюллер со своей супругой. В обширной белой гостиной обыкновенно проходили собрания, и это воистину были «времена отрады от лица Господа» (Д. Ап. 3, 20).

Устраиваемые в гостиных собрания открыли перед Ф. В. Бедекером возможность посещать ищущих истину и уже обращенных к Богу людей и беседовать с ними. Эта работа была особенно благословенна. Некоторые выдержки из писем доктора дают представление о прекрасной возможности работать в тех кругах, куда войти с Евангелием обычно нелегко.

...Вчера, по приглашению великой княгини, посетил ее на дому и имел с ней продолжительную беседу. Бедная, несчастная женщина! Она открыла всю свою душу... Господь дал силы свободно беседовать с ней, и в конце, по ее желанию, мы вместе преклонили колени и молились. Беседа длилась больше часа...

...Интересную беседу имел также с двумя посланниками.

Они оба проявили живейший интерес, также и присутствовавший при беседе генерал В. Мое время было хорошо использовано. Еще

мне предстоит одно собрание в немецких кругах, а другое – в белой гостиной нашей княгини. Молодой князь Л. мне хорошо помогает, служа переводчиком. Он флотский офицер и вполне предан Господу...

...Меня прервали и пригласили к посланнику Х. Он очень озабочен состоянием своей души и религиозным воспитанием своих детей.

Вчера мы имели чудное собрание. Многие нашли поддержку и благословение. Великая княгиня прислала мне экстренное приглашение прийти к ней сегодня с 4 до 5 после обеда. Поэтому Петербург смогу покинуть лишь на день позже. Есть здесь еще и другие, которые хотят со мной побеседовать. Это плодородная почва для тихой постоянной работы. Здесь так много ищущих душ и ни одного, кто мог бы указать им ясно путь спасения...

...Мое посещение графа Ф. малоутешительно. Он всегда выдает себя за верующего, но ясно чувствуется, что у него нет прочного основания и полного отвращения от греха. Графиня дала мне рекомендательное письмо к графине В. С последней я имел длинную благословенную беседу. Ее муж имеет большое влияние при дворе, а она сама – верная христианка с отзывчивым сердцем...

...Мои друзья здесь чрезвычайно любезны. К моему крайнему удивлению, сюда прибыла и княгиня Ф. Она имеет какое-то горе и обращалась к Иоанну Кронштадтскому, просила его молитвы. Хотя она еще осталась в православии, все же она очень искренняя. Также граф и графиня Б. здесь. Я посетил их, и граф сегодня утром посетил меня взаимно.

Хотел ответить на многие письма, но меня постоянно отрывают. Только что ушел третий посетитель...

И в Финляндии, и в Швеции у доктора Бедекера также были близкие друзья из высших кругов. Он испытывал особое удовлетворение от братского общения с этими высокопоставленными лицами, которые, несмотря на свое общественное положение и богатство, так часто мешающее людям входить тесными вратами, все же нашли величайшее сокровище в вере в Бога и стали наследниками Царства Божьего.

О своей работе в Стокгольме Ф. В. Бедекер писал в одном из писем:

Сегодня утром имел собрание, на котором присутствовало несколько придворных дам. Потом посетил кронпринцессу, которая приняла меня любезно и очень интересовалась духовной работой в России. Она обещала молиться о моей работе. Сейчас нахожусь у барона Г. и должен был написать баронессе Ф., что не смогу посетить ее.

Мое путешествие очень затянулось, и работы у меня очень много. Граф С. дал мне рекомендательные письма к нескольким губернаторам. Имею приглашение от барона С., от барона У. и барона Х. посетить их. Мне нужна мудрость свыше, чтобы своевременно сказать «да» и «нет». Я знаю, что ты, как верная моя помощница, пребываешь обо мне в молитвах, также и другие с тобою. Это большое утешение для меня. Хотя до сих пор Господь широко открывал для меня двери, но я радуюсь с трепетом. Мне необходимо каждый день, на всяком месте Господне руководство. Вчера Господь помог мне свидетельствовать с особенной силой, и несколько душ было приведено к Богу.

Я очень благодарен Господу за время, которое мог провести здесь. Имел беседу с принцессой Е., также, к моему крайнему удивлению, королева, поправляющаяся после какой-то болезни, прислала мне приглашение. Я имел честь с полчаса беседовать с ней. Многим душам здесь оказана помощь, и они теперь служат радостно Господу. Господь Сам уравнял мой путь и дал необходимое слово, так что не могу достаточно возблагодарить Его за чудное время, проведенное в Стокгольме.

Так Ф. В. Бедекер трудился в двух крайне противоположных местах — в богатых аристократических домах и в мрачных российских тюрьмах.

Довелось Ф. В. Бедекеру беседовать с графом Толстым в Москве. Из этой беседы Толстой должен был получить ясное понятие о евангельской истине.

Знаменитый писатель принял Ф. В. Бедекера, будучи по обыкновению одетым в простую русскую рубаху. Они немного побеседовали о делах Англии и России.

— Какую вы имеете цель в России? — спросил потом граф.

— Проповедовать Евангелие в тюрьмах,— ответил Бедекер.

— Вообще говоря, не надо бы иметь тюрем вовсе,— заметил граф.

— До тех пор пока в мире будет грех, будут и тюрьмы,— спокойно возразил Бедекер.

— Также и греха не должно быть в мире! — воскликнул Толстой.

— А как вы это понимаете?

— Я полагаю, что, если людей правильно наставлять, тогда не будет никакого греха,— сказал Толстой с воодушевлением.

В ответ на это Ф. В. Бедекер привел слова из Евангелия Луки, где сказано: «Когда сильный с оружием охраняет свой дом, тогда в безопасности его имение; когда же сильнейший его нападет на него и победит его, тогда возьмет все оружие его, на которое он надеялся, и разделит похищенное у него» (11, 21–22).

— Это иллюстрация о душе человека и власти дьявола над ней,— сказал Бедекер. — Здесь указана истинная причина греха.

— Откуда эти слова? — заинтересовался Толстой.

— Из Священного Писания. Есть некто, который сильнее нас. Это — лукавый, против которого мы напрасно боремся нашими добрыми намерениями и побуждениями к моральной жизни. Моя же весть для заключенных и вообще для всех грешников та, что есть Некто, Который сильнее дьявола, и Он может всех связанных дьяволом рабов греха сделать совершенно свободными, может превратить их в святых и возлюбленных детей Божьих.

Графу Толстому очень легко было сказать, что́ люди должны делать и какими должны быть. Проповедник Ф. В. Бедекер делал не так. Падшим и испорченным людям, отверженным обществом, он указывал на силу Божью, готовую и могущую поднять их, дать им надежду, радость, новую жизнь через Иисуса Христа. Это была не только теория, но проверенная много раз и доказанная истина. Воистину, Бог может поднять и спасти самого испорченного человека!

Доктор Бедекер является духовным отцом Кристины Рой

из Словакии. Она обратилась к Богу на его собраниях и впоследствии стала известной христианской писательницей.

Тоня Блюхер из Германии, известная своей верой и благотворительностью, также является плодом служения Ф. В. Бедекера. Когда он в начале своей деятельности проводил богослужения в одной из гарнизонных церквей в Берлине, туда приходили многие аристократы. В один вечер Ф. В. Бедекер говорил на тему: «Что делает Дух Святой для того, чтобы жертва Христа для нас была ясной и сильной». Среди слушателей находилась и Тоня Блюхер. Дух Святой коснулся ее сердца, она пришла домой, зашла в свою комнату, упала на колени и воскликнула:

— Господи, теперь или никогда!

Она встала с колен новым творением во Христе и начала трудиться для Господа.

Альма Несбет, много лет с успехом трудившаяся среди девушек в Швеции, также приобретена для Бога через служение Ф. В. Бедекера, который однажды дал ей в поезде брошюру.

Доктор Бедекер умер 9 октября 1906 года, на восемьдесят третьем году жизни. На одном из съездов в Клифтоне, возле Бристоля, он простудился и заболел воспалением легких. Спустя несколько дней, полный радости и твердого упования, верный труженик ушел в вечность. В последние перед смертью дни он постоянно говорил: «Я увижу Царя во славе Его!»

Его смерть была такой же прекрасной, как и жизнь. Случилось, что лорд Редсток в это время был в Англии и мог участвовать в похоронах Ф. В. Бедекера. В своей речи Редсток вспоминал те особенные условия, при которых состоялось обращение Ф. В. Бедекера, и как началось его служение. Единственный венок, который с разрешения супруги Ф. В. Бедекера был возложен на его могилу, был от друзей из России.

Незадолго перед смертью, в последний раз посетив Библейскую школу в Крижоне, возле Базеля, Ф. В. Бедекер говорил молодым братьям:

— Я уже старец, приближающийся к могиле и имеющий одно желание — покинуть свою земную храмину и водвориться у Господа. И если сказать, что́ я в своей долгой жизни нашел самым важным, то это простодушное доверие Небесному

Отцу. Следующий стих снова и снова подтверждался в моей жизни: «Открой уста свои, и Я наполню их». Во время своих путешествий по России и Сибири я часто находился перед окаменелыми сердцами и перед другими великими затруднениями и чувствовал себя бедным и пустым, но я широко открывал свои уста, и Господь наполнял их. Этим я жил, это могу предложить и вам. Откройте и вы свои уста, и Бог наполнит их.

(Текст составлен по журналам «Сеятель истины» за 1935 год и по рукописи Ю. С. Грачева «История ЕХБ»)

ССЫЛЬНЫЕ В ЗАКАВКАЗЬЕ

Место ссылки

В горах Закавказья есть трущоба, называемая Герюсы. Это не что иное, как жалкая татарско-армянская деревня, весьма удачно выбранная русской администрацией для того, чтобы мучить христиан. По рассказам, деревня находится в ста верстах от уездного города Шуши. Дорога туда идет по ужасным скалам и кручам. В Герюсах колесная почтовая дорога кончается и более никуда не ведет. Кругом возвышаются высокие бесплодные горы, а за этими горами идут пропасти и ущелья, и ездить там можно только верхом. Жители этого местечка очень бедны и живут впроголодь, потому что почва камениста и бесплодна. Жители могут сеять себе очень мало. Пожатый хлеб по причине гористой местности не могут возить снопами на телегах или арбах, а возят вьюком на ослах. Вообще все передвижение там производится на ослах.

Пшеница родится худого качества. Жители – армяне и особенно татары – свирепы, грубы, невежественны, грязны и живут по склонам гор в выдолбленных ими пещерах. Так как почва не может вознаградить труд земледельца, то население летом уходит на заработки. В самом же местечке, понятно, о заработках не может быть и речи.

В Герюсах есть несколько начальствующих лиц, и у них наши братья служат за такую ничтожную цену, что едва только могут прокормить себя, а на семью не хватает. Работать на стороне начальство не пускает братьев и пособие – 3 руб. 60 коп. в месяц – дает очень немногим.

Из всего этого видно, что цель правительства та, чтобы путем физических и нравственных мук поколебать стойкость веры братьев и таким образом побудить их возвратиться в лоно православия. Многие несчастные не выдержали испытания и, действительно, лицемерно возвратились в лоно господствующей церкви. Но это нисколько не помогло им, потому что на родину их все-таки не пустили, а перевели на жительство в другие города Закавказья...

Герюсы назначены для жительства административно-ссыльным, а лишенных прав состояния ссылают в другие города, где последним гораздо лучше, нежели первым.

Первые из административно-ссыльных, водворенные на пять лет в Герюсы, были С. Капустинский из Киева, Апанчук и Витюк из Волынской губернии. Присланы они были туда в 1890 г. на Пасху. Не имея средств на удобные помещения, они нашли себе место в сырых армянских саклях.

Однажды пристав спросил братьев, собираются ли они на молитву. Они ответили утвердительно. Он спросил, где они соберутся сегодня. Они ответили, что на квартире Капустинского. Пристав обещался прийти. Братья ждали его, но он не пришел, а затем донес на Капустинского, и брата перевели из Герюсов на почтовую станцию Тертер, где было еще хуже.

Жена Капустинского умерла немного раньше, но нашлась одна добрая, тоже сосланная девушка, которая сделалась его женою. Тяжела участь этой геройской женщины! Так как муж ее разбит теперь параличом и не способен к труду, то она трудами рук своих содержит его и своих малюток. Профессор Годет в своей брошюре о гонении штундистов писал, что С. Е. Капустинский умер. Слух этот неверен, брат еще жив, но удручен тяжелой участью*...

Занятия сосланных

Некоторые из сосланных пробовали чем-либо заняться, чтобы добыть себе пропитание. Кроме бесплодности почвы, труд ссыльных парализует необеспеченность. Полиция тамошняя, по словам братьев, состоит из воров и разбойников, как это покажут приводимые ниже факты. Главное лицо – уездный начальник Салим-бек-

* Вскоре после того, как были написаны эти строки, 10 января 1898 г., Капустинский умер, оставив жену с шестью детьми. – *Прим. В. Б.-Б.*

Русланов,– по отзывам ссыльных, человек неплохой. Остальные чиновники – взяточники и воры. Секретарь полиции Осип-бек долго задерживает письма и телеграммы для ссыльных, чтобы получить взятку.

Пробовали ссыльные заниматься огородничеством. Так, один из ссыльных, Ф. Бабиенко, арендовал землю и посадил арбузы. В начале сентября арбузы поспели. В одну ночь явились на бахчу блюстители порядка, служащие в полиции: Артем-бек, Семен Михайлов, Баграли-бек и ружейный мастер, он же владелец баштана, Николай. Эти господа украли сто двадцать штук арбузов, а остальное уничтожили. Бабиенко слышал, как они сговаривались, но сопротивляться было невозможно, потому что они были вооружены и могли убить его.

В 1892 г. Корней Иванович Михайлов посадил на огороде капусту. Однажды ночью, когда он находился в своем балагане, явились те же разбойники, сделали три выстрела в балаган, отсекли выстрелами задние ноги у стоявшего там осла и изрубили двести кочанов капусты.

В 1896 г. Ф. Бабиенко опять садил арбузы. Ночью служители полиции пришли воровать, но на этот раз Ф. Бабиенко поймал воров на месте. Оказалось, что это были: полицейский урядник, писарь полиции и писарь мирового судьи.

Один из ссыльных – Притуло – нанялся в услужение к секретарю полиции Осип-беку, жил у него в услужении пять месяцев, но не получил ни копейки. А жаловаться некуда, потому что ссыльные зависимы от него.

Однажды ссыльные подали Елизаветпольскому губернатору прошение, чтобы он позволил им пойти на работу верст за двенадцать от Герюсов, где рвали камень. Указали и причину прошения – они умирают в Герюсах с голода. Но губернатор не разрешил.

Начальство обращается с ссыльными братьями, как с крепостными. Когда проходит по площади офицер или чиновник и кто-либо из ссыльных не отдаст ему честь, хотя бы и ненамеренно, то такового ведут в полицию и бьют плетьми. Так, уездный начальник Сущевский наказал Сибрина за то, что он не отдал чести одному офицеру.

Как-то раз пристав Мамед-бек проезжал мимо огорода одного брата. Больной ревматизмом в ногах, брат не мог подняться. Начальник соскочил с лошади и бил его плетью за то, что не встал перед ним.

Однажды сосланный Антон Гузенко писал письмо. Пришли полицейские, нашли письмо и за него сослали брата в татарский аул Ахчи на семь месяцев. Он жил в сакле, в пещере, с татарами, терпел голод, потому что заработать было негде, а от правительства получал пособие всего лишь 3 руб. 60 коп. в месяц, тогда как для прокормления нужно было не менее 12 руб. в месяц. Надзирал за ним старшина. Спасибо приставу Агималову, что он дал лекарство. Затем у Гузенко умерла жена; он отослал детей на родину и сам не знает, где они теперь находятся.

Как уже было сказано, по причине дикости нравов и разврата ссыльным братьям почти невозможно жить там со своими семьями. Некоторые девушки были обольщены и изнасилованы туземцами.

Попытки обратить в православие

В 1892 г. из Тифлиса приезжал для увещания ссыльных синодальный миссионер Исидор. Он ходил с полицейским чиновником по домам и убеждал принять православие, но никого не убедил. Посещение его было не без вреда. По его просьбе некоторых братьев выслали из Герюсов в другие места, а именно: брата М. Кальвейта – в г. Эривань, Г. Морозова (сосланного из Киева) – в г. Игдырь. Брата Ф. Костромина по ходатайству этого же миссионера из Шуши перевели в г. Артвин.

Исидор очень нападал на сектантов в Закавказье. За свою ревность он был переведен в Петербург и назначен ректором Петербургской духовной академии. Там он сотворил содомский грех, и все студенты академии возмутились его жизнью и подали Победоносцеву протест, прося уволить ректора, а в противном случае грозили оставить академию. Просьба их была уважена, и Исидор был «уволен по расстроенному здоровью в отпуск в Палестину».

И таких безнравственных людей православная церковь посылает увещевать братьев, чтобы они оставили истину евангельскую и присоединились к церкви, которая гонит за истину евангельскую!

В 1896 г. прислан был в Герюсы для обращения сектантов еще один священник из г. Поти – Николай Михайлов. Он устроил в частном доме церковь, но так как из ссыльных никто добровольно не хотел посещать ее, то священник просил уездного начальника силою принудить сектантов посещать церковь, в чем начальник отказал ему.

Священник этот притворялся смиренным, а между тем делал доносы губернатору на то, что полиция делает послабление ссыльным сектантам. После посещения этого священника полиция совсем запретила братьям собираться на молитву и усилила надзор.

Разочарование

Человек живет надеждой. Сосланные братья все ждали манифеста. Но царь, вступив на престол, издал манифест, который был применен к обыкновенным преступникам, а не к ссыльным верующим. Совершилось коронование царя, издан был и второй манифест, но снова было забыто об участи страдальцев в Герюсах.

И все же надежда не покидала ссыльных. Приближалось окончание срока пятилетней ссылки, и по закону их должны были отпустить на родину. Прошел наконец и срок заточения, но их не освободили. Еще прежде окончания срока Кутаисский губернатор издал циркуляр, в котором говорилось, что ссыльные, желающие переселиться за границу, могут быть отпущены, но только без права возвратиться в Россию.

Приводим полный текст этого циркуляра:

«Секретно. Копия.

Циркулярное предписание Кутаисского Военного Губернатора
от 28 марта 1895 г. за № 241.
Гг. Окружным и Уездным Начальникам
и Полицмейстерам Кутаисской губернии

Ввиду переполнения Закавказья ссыльными сектантами и встреченных вследствие сего затруднений как в отношении надзора за ними, так и избрания места для водворения их, Министерство Внутренних Дел признало возможным, в случае возбуждения означенными сектантами ходатайства о выселении за границу, разрешать им такие выселения при условии воспрещения навсегда въезда в пределы Империи. Давая знать об этом вследствие отзыва Канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе от 18-го сего марта за № 160, предлагаю гг. Окружным и Уездным Начальникам и Полицмейстерам вверенной мне губернии в случае заявления кем-либо из водворенных сектантов желания выселиться за границу, прошения их по сему предмету, для представления Главному

Кавказскому Начальству, направлять ко мне с необходимыми сведениями о семейном составе и возрасте просителей и со своим заключением о неимении препятствия к этому выселению.

Подписал Генерал-лейтенант Шаликов

Скрепил Правитель Канцелярии Харламов».

Многие подали прошение о позволении выселиться за границу, но разрешили очень немногим.

Можно себе представить, как велико было разочарование братьев, когда им объявили, что срок их заточения продолжается. Тогда всякая надежда оставила их, и многие стали думать о бегстве, чтобы спастись из этой несносной волчьей ямы.

Всего в Герюсах в декабре 1896 г. находилось тридцать ссыльных баптистов, и почти всем продлили срок ссылки от трех до пяти лет. Так может продолжаться до конца жизни. Первая ссылка имела тень справедливости, если так можно сказать, потому что братья были сосланы за распространение баптизма, но кому же они могли пропагандировать свое учение в Герюсах, где все жители – армяне и татары, с языком которых братья даже не знакомы?

Ссыльные в других местах

Что касается некоторых ссыльных из Тифлиса, а именно: Мартина Кальвейта, Андрея Леушкина, Андрея Мазаева и Сумбата Багдасарянца,– которые сосланы были на пять лет, то по истечении этого срока ни одному из них не позволили возвратиться домой. Им продлили срок заточения еще на три года, до 1900 г. Из них Мазаев живет с семьею в городе Кубе Бакинской губернии и с трудом добывает себе насущный хлеб.

Леушкин живет в г. Геокчае Елизаветпольской губернии, где живут только татары и армяне. Климат там нездоровый, и он с семейством постоянно страдает лихорадкой. На лето, кто может, ради здоровья уезжает в горы. В пятидесяти верстах выше есть деревня сектантов-молокан Ивановка, где климат очень здоровый, но Леушкину не позволяют отлучаться туда, и все просьбы его к начальству о переводе в более здоровую местность остались без ответа. Он присоединился к баптистам, оставив православие. Проповедником не был, но иногда, по просьбе братьев, руководил богослужением.

Кальвейт был первым баптистом, прибывшим в Тифлис. В то время, когда он переехал туда, между молоканами был некто Воронин, убежденный в истине крещения (молокане, подобно квакерам, отвергают крещение водою). Кальвейт вскоре крестил его, и Воронин образовал маленькую русскую общину. За это правительство наказало Кальвейта через двадцать с лишним лет – крещение Воронина совершено в 1867 г., а сослан Кальвейт в 1891 г. В настоящее время Кальвейт живет один, без семейства, в Эривани, не более пятидесяти верст от горы Арарата. Семья его не может жить вместе с ним, потому что там невозможно найти пропитания.

До сих пор мы говорили лишь об административно-ссыльных, которые сосланы без суда и следствия и, следовательно, без лишения гражданских прав. Как Герюсы по большей части служит местом ссылки административно-ссыльных, так г. Елизаветполь – для поселения сосланных по суду, лишенных всех прав состояния.

Нелегко живется и сосланным в Елизаветполе среди чуждого им, большей частью фанатичного мусульманского населения, которого ни нравов, ни языка они не понимают. Но со временем человек преодолевает все препятствия и, наконец устроившись, как может, приспосабливается к новой среде.

Но правительство и тут не дает покоя этим страдальцам. Так, в середине августа 1896 г. шестерых ссыльных по суду позвали в полицию и объявили им, что они высылаются в г. Эривань в распоряжение Эриванского губернатора. Среди этих ссыльных был один брат по имени Егор Иванов. Он уже одиннадцать лет жил в ссылке. Сначала ему выдавали паспорт для жительства в разных городах Закавказья. Когда же перестали выдавать паспорт, тогда он поселился в Елизаветполе, открыл мелочную торговлю и жил не худо. Можно представить себе его смущение, когда ему объявили, чтобы он ехал в Эривань, и дали срок на сборы – десять дней. Конечно, это означало полное разорение. За бесценок распродал он свои товары и в зимнюю стужу поехал в Эривань с семейством. Дорогой приходилось проезжать через довольно высокие горы, и малые дети немало терпели от стужи.

Прибыли они в Эривань, явились с проходным свидетельством в полицию, и там брату объявили, что ему в городе не позволяется жить и он высылается в Баязет, находящийся на берегу озера Гонча, в распоряжение уездного начальника. Жена Егора Иванова ходила лично к губернатору и просила его оставить их в Эривани, пото-

му что в Баязете они не смогут найти себе средств для пропитания. Просьба ее не была уважена. Что оставалось делать брату? – Ехать в Баязет, который, хотя и называют городом, но он не лучше деревни. Там живут лишь туземцы. Хорошо, если уездный начальник оставит их в городе. А если он пошлет их в татарский аул, где нет цивилизации и люди живут в саклях вместе со скотиной? И это могло случиться. Тяжело было ему оставить Россию, но другого выхода не оставалось, как убежать за границу, и он сделал это.

У Корнеевских был фаэтон с лошадьми, которым они добывали себе средства к существованию. Они взяли этот фаэтон и приехали в Эривань, думая, что их оставят там. Но их послали в Баязет, где работать на фаэтоне было невозможно, и они продали его с убытком. Старику Корнеевскому указали жить в одном из татарских аулов. Белоусова выслали в армянский аул, а брата Сергея Новикова – в армянское селение в Нахичеванском уезде, где он служит на одной из почтовых станций.

Полиция не объяснила сосланным, за что они высылаются на другое место жительства.

Как ни тяжело братьям, о которых мы говорили выше, но многие из них имеют при себе семейства. А есть братья, сосланные из станицы Николаевской, которые разлучены со своими женами и детьми. Увидеться в близком будущем они и не надеются, потому что жены их остались воспитывать детей. Если бы они последовали за мужьями в ссылку, то у них отобрали бы детей и отдали бы их на воспитание чужим людям. Матери встали перед выбором: дети или муж – и избрали первое. Некоторые из этих братьев живут в г. Шуше, например, брат Кундрюков и другие, один в Артвине, именно брат Федот Костромин*.

У Белоусова умерла жена, и он один томится среди чуждого ему народа. Много еще есть ссыльных братьев, которые живут поодиночке, будучи рассеяны по Закавказью, где они ни с кем не могут иметь духовного общения и утешения, кроме Господа.

Все сосланные братья весьма благодарны за поддержку, оказываемую им протестантскими христианами, иначе их участь была бы еще хуже. Правительство же русское очень недовольно тем, что кто-то

* Впоследствии брату Костромину, по его просьбе, было дозволено уехать с семейством за границу, чем он и воспользовался, и живет в настоящее время (1902 г.) в городе Бургасе в Болгарии. – *Прим. В. Б.-Б.*

хочет облегчить участь сосланных. При получении денег на почте всякий раз спрашивают получателя, кто ему послал деньги и прочее.

Пока длится гонение, ссыльные братья нуждаются в помощи. Вышеупомянутые сосланные из Тифлиса М. Кальвейт, А. Мазаев и А. Леушкин после восьмилетней ссылки возвратились в 1900 г. домой, в Тифлис, а С. Багдасарянц в 1901 г. удалился за границу, не желая еще три года оставаться в с. Ахалкалаки.

(В. Д. Бонч-Бруевич. Преследование баптистов, 1902)

ПРИЕЗД В. Я. ВЕБЕРА В ГЕРЮСЫ

Большая Голубая, 22 апреля 1896 г.

Любезный брат! В Баку – в столице керосина – я пробыл до 5 числа прошлого месяца. Но мое время было очень занято, за исключением одного дня, в который я осматривал крепость и гавань с ее доками и водоопреснительными аппаратами, так что я даже в последний день был полностью загружен. И все-таки я должен был оставить без посещения две семьи, которые непременно следовало бы посетить еще раз.

Немецкие братья и одна сестра проводили меня на вокзал в 10 часов вечера, несмотря на тьму и грязь. Затем в 11 часов я отправился обратно в Елизаветполь, куда прибыл благополучно утром 6 марта. Здесь я оставил свой чемодан и, взяв себе лишь самое необходимое, в тот же день поехал обратно в Евлах – станция на Куре,– откуда идет шоссейная дорога в Шушу, а затем в Герюсы. Но в тот же вечер я не мог дальше ехать, потому что ни сегодня, ни завтра дилижансы не отходили в Шушу. Таким образом я, против своей воли, принужден был остаться на этой почтовой станции. Однако я старался воспользоваться временем, писал письма и продолжал описание своего путешествия в своем дневнике.

В пятницу, 8 марта, после того как я еще раз предложил в молитве Господу Его дело – ибо мне с самого начала в Тифлисе очень не советовали ехать в Герюсы,– я отправился в путь в сообществе трех армян, направляющихся в Шушу. На пути туда на стене одной станции я нашел фотографическую карточку, изображавшую ссыль-

ных братьев с их семействами. Я спросил писаря или смотрителя (эти две должности часто исполняет один человек, и даже несет третью должность – сторожа, и притом за ежемесячную плату в 6 рублей), знакомы ли ему эти люди, фотографии которых он имеет? Он вопросительно посмотрел на меня, но все же ответил утвердительно. Я спросил его далее, близки ли они ему, не родственники ли его они? Когда он и на последний вопрос ответил утвердительно, я подождал, пока мои спутники отошли в сторону, затем спросил его, добровольно ли он занимает это место или он тоже один из сосланных? Он ответил, что один из сосланных. Тогда мы приветствовали друг друга сердечным братским лобзанием.

Между тем лошади были запряжены и мои спутники сидели уже в экипаже. Я сообщил брату, что еду в Герюсы, а он поспешно сообщил мне, что в Шуше один ссыльный занимает на почтовой станции такое же место, как и он, и я безопасно могу ночевать у него, что я опять счел за указание от Провидения. Затем, благодаря Бога за эту милость и будучи поручен этим братом покрову Всевышнего, я поехал далее, напутствуемый его громкими благопожеланиями.

Ночью 8 марта, в половине двенадцатого часа, прибыл я в Шушу. Я не тотчас открылся этому брату, кто я таков и куда иду, чтобы убедиться, ведет ли он себя сообразно своему состоянию, как дитя Божье. На эту ночь он уже порядочно принял в свою комнату фургонщиков-молокан, но еще было место только для меня в уголке, и притом на полу.

Несмотря на то, что в его комнатке было очень холодно, он все-таки встал и принес из другой холодной комнаты кровать. Не удалось только поставить самовар, о котором я просил, потому что сильно озяб. В Шуше хорошая вода доставляется издалека, и притом на ослах, так что ее не покупают большими бочками. Притом легко может случиться, что заболеет погонщик ослов, доставляющий воду, и тогда некоторые семьи останутся без воды.

Мой хозяин не имел ни воды, ни углей. Хотя у него была железная печка, он не мог развести огня, так как дрова были слишком сырые. Видя это, я лег спать. Сперва я помолился на коленях и поблагодарил Господа, что Он сохранил меня до сего часа, и попросил Его, чтобы Он взял меня под Свою защиту и в эту ночь. Затем я сообщил брату, в чем заключается моя задача и куда я намерен поехать.

Наконец я укрылся своей большой шубой, имея меньшую шубу под собою и подушку под головой, и таким образом спокойно заснул, как дитя, которое чувствует себя безопасным у своих родителей.

Поутру я проснулся. Так как Герюсы были мне изображены в самых мрачных красках, то я не имел желания именно в воскресенье позволить арестовать себя и быть высланным в кандалах, если бы это случилось. Притом это воскресенье я мог провести здесь у ссыльных братьев (шесть семей) и послужить им словом Божьим и укрепить их вместе с постоянно живущими в Шуше армянскими братьями, как штундистами, так и баптистами. Посему я решился остаться в воскресенье в Шуше, тем более что ссыльные братья усердно просили меня об этом.

Багаж мой живо перенесли в квартиру другого брата, писаря на почтовой станции, и там посетили меня ссыльные братья, равно и многие из армянских братьев, среди которых был известный Д. Ему я имел поручение передать письмо со 100 рублями денег, которые я и вручил ему вместе с письмом сейчас же при первой встрече. Он взял деньги с робостью, а в обед принес их моему хозяину, который и передал деньги одной молоканской и двум баптистским семьям.

Что мое пребывание там согласно было с волей Божьей, видно было и из того, что один молоканин, содержатель почтовых станций по шоссейной дороге, советом которого я должен был воспользоваться по постановлению тифлисских братьев, прибыл в это воскресенье в Шушу и в тот же вечер разыскал меня у братьев. После взаимного объяснения он снабдил меня письмом к своему племяннику, в котором был изложен план нашего путешествия. Я должен был взять с собой его племянника с места его жительства и ждать на последней станции до 5 часов пополудни, чтобы не приехать в Герюсы днем. Оттуда мы должны были взять с собой одного работника-молоканина и далее ехать верхом. По прибытии в Герюсы мы должны были ехать по мельничной канаве до края местечка и оставить лошадей работнику. Племянник должен был довести меня до дома брата Циглера и вначале справиться, можно мне зайти или нельзя, смотря по обстоятельствам. Все почти так и было устроено, но не было до конца исполнено моим проводником.

Здесь да будет позволено мне еще раз окинуть взором предшествующее моему путешествию. Когда план моего путешествия был решен в Тифлисе, мне говорили, что я не иначе могу прибыть в Ге-

рюсы, как проехав верхом последнюю станцию, и братья, ради моей старости, предоставили мне самому решить, ехать или нет. Тогда я избрал первое, но должен сказать, что меня эта поездка верхом немного страшила. Когда я сел на лошадь и проехал некоторое расстояние, тогда подумал, что делаю это из любви к моему Спасителю, и мне сделалось при этом так отрадно на душе и так горячо на сердце, что я не только охотно готов был проехать эту станцию ради Него, но подумал, что если бы пришлось ехать сто верст и еще более, то с радостью сделал бы и это.

Когда мы подъехали совсем близко к Герюсам, то уже стемнело и стало туманно. Я видел местечко не в ясных очертаниях. Видел, как вдали мелькали огоньки. Местечко было расположено в глубокой котловине, и его можно было увидеть не раньше, как подъехав к крутому горному спуску. Здесь я снова попросил своего Господа, чтобы Он послал мне Своего Ангела-проводника, который вел бы лошадь по дорожке, чтобы она не споткнулась. Едущие впереди меня постоянно отдалялись от меня, вероятно по той причине, что их лошади имели более легких всадников, чем моя. Я видел, что всаднику с лошадью совсем не трудно слететь на дно пропасти. Дорога шла по таким крутым склонам и так круто вниз, что я несколько раз пугался, когда чувствовал, что забываю прижать ноги в стременах.

С Божьей помощью мы спустились благополучно и въехали в ручей. Это такой ручей, как и все закавказские горные ручьи: ложе его наполнено большими и малыми камнями, отчего происходит шум при быстром течении воды. Таким образом мы неслышно могли добраться до Герюсов. Но здесь мои проводники оставили данные им наставления. Они уже, собственно говоря, дорогою сказали мне, что там нет никакой опасности, что они часто провозят пакеты брату Циглеру и тому подобное, поэтому и сейчас поскакали в его двор. Я не позволил бы себе сделать это, но они не слушали моих слов и данного им совета. Прискакав на край местечка, где мы должны были оставить лошадей работнику, мои проводники дали шпоры лошадям и рысью въехали в местечко. Что мне оставалось делать, как не следовать за ними?

Нам оставалось миновать лишь несколько домов до квартиры брата Циглера. Однако нас увидел полицейский, который, вероятно, стоял на посту на краю местечка, и последовал за нами до ворот квартиры Циглера. Пока он пришел, я был уже в доме, а мои

проводники уехали в караван-сарай (постоялый двор), но не остановились там, а поехали прямой дорогой обратно на станцию.

Как же принял меня брат Циглер?

Брат Циглер получил письмо от сестры М. Савиной, от которой я привез ему ее долг, 300 рублей. Она писала ему, что я приеду и даже что я везу с собой сарпинку. Между тем полиция в Герюсах получила от губернатора тайное предписание усилить надзор за Циглером (а может быть, и за другими ссыльными) и, в случае подозрения, что он имеет заграничную корреспонденцию или посещения откуда-либо, тотчас перевести его в аул (татарская или армянская деревня), где положение его гораздо ухудшилось бы.

Циглеры находились в тяжелом положении. С одной стороны, было это указание, с другой стороны, как и всех ссыльных, их оживляла надежда, что при короновании в мае Его Величество император милостиво вспомнит и о них и освободит из ссылки. Все это вызывало в Циглере противоречивые чувства, и потому он не обрадовался моему прибытию. Опасаясь, что полиция сошлет его из-за меня еще дальше, он испугался и при приветствии во дворе сказал:

– Я в настоящее время нахожусь в таком мучительном положении, что не знаю, что мне делать.

Он тотчас сообщил мне о вышеупомянутом предписании губернатора, так что стоящие около него братья стали уговаривать его не нагонять на меня страха, а пригласить прежде всего в дом, что он тотчас и сделал. При входе в дом он сказал:

– Если вы, брат, имеете, что передать мне, то передайте сейчас же, потому что через полчаса вы, может быть, не будете иметь возможности сделать это, так как вас могут арестовать!

В присутствии братьев я передал ему полученные от Савиной 300 рублей, а также еще 190 рублей для раздачи нуждающимся ссыльным. Затем он попросил одного из братьев взять меня к себе в дом, на что тот, русский брат, сейчас же и согласился. Циглер накинул на меня свою кавказскую бурку, чтобы сделать меня неузнаваемым. Мы быстро пошли окольной дорогой, чтобы по возможности пройти безопасно, что нам и удалось, хотя и встретилось несколько полицейских, как мне передал после мой проводник. Конечно, мой проводник шел в некотором отдалении от меня, а я следовал за ним. Свою седую бороду я, по его совету, спрятал в бурку.

Слава Богу, я пришел в дом брата, не попав в руки полиции.

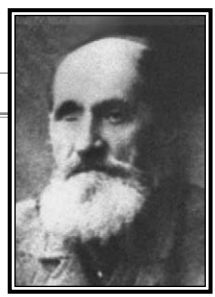
Но и там меня предупредили: «Говорите тише, чтобы не услыхал сосед!» – потому что комната последнего была отделена от помещения моего хозяина только тонкой дощатой перегородкой.

Хозяин занялся приготовлением кушанья, только самовара нельзя было поставить, чтобы не привлечь внимания соседа. Тут вошел к нам и брат Циглер с еще одним братом. Страх, кажется, прошел у него, и теперь я мог, хотя и приглушенным голосом, говорить с братьями. Я дал простор своему сердцу и утешал их, говоря, что нужно все выдержать, ибо только претерпевший будет увенчан! Я говорил им, что они не должны думать, будто их забыли, и что все церкви, которые я посещал, молятся за братьев, изгнанных на чужбину. Притом не только в России, в нашем отечестве, но и во всех странах, где только существуют общины, молятся за них, чтобы не оскудела их вера.

Затем я изъявил желание повидаться с владикавказскими братьями – Прохановым, Савельевым и Морозовым – и попросил одного брата сходить туда и пригласить их ко мне. Он тотчас пошел, но скоро воротился с известием, что они не могут прийти, потому что как раз в это время у них в доме находится полицейский чиновник. Я еще пробыл с братьями около двух часов в Герюсах, и таким образом многие из них имели случай лично познакомиться и поговорить со мною.

Брат Циглер и другие два брата с ним пробыли почти все время у меня и во время нашего трехчасового свидания рассказали мне многое из жизни тамошних братьев, много похвального и много достойного сожаления и участия.

(В. Д. Бонч-Бруевич. Преследование баптистов, 1902)



ЛЯСОЦКИЙ ИВАН ДЕМЕНТЬЕВИЧ

Как я отпал от православия

Джебраил, 21 июля 1901 года. Глубокоуважаемый брат В. Г.! Письмо твое от 7 сего июля я получил 17 июля же. История моего обращения и жизни следующая.

Я коренной житель с. Косяковки Таращанского уезда Киевской

губернии. Служил волостным писарем в с. Чаплинке того же уезда, в семи-восьми верстах от Косяковки. Осенью 1871 года приехал в Чаплинку житель этого села Герасим Балабан за получением паспорта, так как он проживал в Херсонской губернии. Слух прошел, что он штундист, о чем, конечно, узнал и поп, с которым я жил в дружбе, да еще попадья – она кумовала у меня. Поп просил меня и волостного старшину задержать Балабана, для того чтобы он мог с ним поговорить и увещевать его как овцу своего стада. Просьба попа была уважена, и он приглашал Балабана каждый день на беседу в волость. Беседа была всегда в моем ближайшем присутствии, и я ретиво наблюдал за речами как одного, так и другого, также и за текстами Священного Писания, которые указывал Балабан попу и часто ставил его в тупик. Собеседование продолжалось не менее месяца, и я признал в моей душе, что правда на стороне Балабана. К нему склонилась не только моя душа, но и жены моей тоже. Наконец поп официально заявил начальству об аресте Балабана, и в волость последовала бумага о невыдаче Балабану паспорта впредь до особого распоряжения.

После этого я стал ближе к Балабану, чем к попу. Мы часто беседовали с ним, он много цитировал из Священного Писания. Наконец и другие люди начали вступать в разговор с Балабаном и убеждаться в справедливости его слов, так что по вечерам у нас начались собрания в отдельных домах. Многие приглашали к себе в дом для беседы, и все жаждали этих бесед. Потом Балабан просил меня выдать ему секретным образом проходную дней на пятнадцать в Херсонскую губернию, чтобы взять оттуда славянскую Библию со ссылками. Все это было сделано, и у нас начались открытые собрания, куда стекалась масса народа. А поп уже не рад был, что задержал Балабана, и хотел бы освободить его, но было уже поздно.

Таким образом Балабан прожил в Чаплинке целую зиму. Поп, заметив, что я подружился с Балабаном, сделался моим врагом и начал ходатайствовать перед мировым посредником об удалении меня из волости. Мировой посредник, в уважение просьбы попа, перевел меня в другую волость. Там вместо одного попа я имел врагами двух, и диакона третьим. Волей-неволей мне приходилось беседовать с ними. В другой волости я служил не более шести месяцев: попы до того наскучили мировому посреднику, что он не мог более держать меня, и я был совершенно уволен и пошел восвояси

в с. Косяковку. Весною 1872 года я начал заботиться о постройке себе хатенки.

Балабана заключили в тюрьму, а в Чаплинку командировали помощника станового пристава с одним городовым для преследования и уничтожения собраний. В первых числах августа 1872 года съехалась духовная комиссия, собрали нас всех в г. Таращу, так как слово Божье уже распространилось и в других селениях. Из с. Плоского взяли троих – Феклу Богдашевскую, Павла Цыбульского и Иосифа Тышкевича, из с. Чаплинки – Якова Коваля, Климентия Терещука и Якима Белого, из д. Шушковки – Артема Водяницкого и Константина Лепнеченко, из с. Косяковки – меня и моего родного брата Гавриила. Всех нас представили духовной комиссии, которая выясняла, на чем мы основываемся, и увещевала оставаться преданными православной церкви. Не добившись успеха, 8 августа 1872 года нас тоже заключили в тюрьму в г. Тараще. Вместе с Балабаном нас было там одиннадцать душ.

Продержав в тюрьме до мая 1873 года, некоторых братьев освободили, а меня с родным братом, Богдашевскую, Цыбульского, Тышкевича, Коваля, Терещука и Белого отправили в Киев. Через несколько дней нас представили в Киевскую судебную палату, которая приговорила меня с братом, Коваля, Терещука, Богдашевскую и Цыбульского на шесть месяцев заключения в смирительном доме, а за неимением такого – в тюрьме; остальных оставила только в подозрении. Прокурор, полагавший сослать нас в Закавказский край, остался недоволен решением палаты и опротестовал дело, послав его в сенат. Из-за этого мы вместо шести месяцев просидели в тюрьме более полтора года. Белый и Тышкевич умерли в киевской тюрьме, а нас всех по распоряжению министра освободили 29 декабря 1874 года.

В период моего тюремного заключения жена моя и двое детей умерли. По освобождении я 19 января 1875 года женился на одной девушке, которая также содержалась в тюрьме девять месяцев за религиозное убеждение. В тюрьме было все ее семейство, состоящее из родного брата и зятя с женою.

Когда мы находились в киевской тюрьме, Балабан, освободившись из таращанской тюрьмы, успел распространить в Чаплинке и Косяковке учение о ненужности крещения водой и преломления хлеба, о чем я от него прежде не слышал. Таким образом, мы по прибытии

из тюрьмы нашли массу его последователей. Все они противились учению о крещении и преломлении хлеба и относились к этому даже с насмешками. Только мы с братом вдвоем остались верны своим убеждениям, и много пришлось нам терпеть различных насмешек и хулы по поводу крещения и преломления. Наконец некоторые начали присоединяться к нам. Я с братом отправился в Херсонскую губернию, в д. Основу, к Михаилу Ратушному, от которого мы и приняли крещение в июле 1876 года.

По возвращении нашем в Косяковку церковь начала возрастать и вскоре насчитывала почти сто членов. Собрания проходили открыто, среди дня, никто не преследовал. Только был командирован один городовой для присутствования на собрании, ввиду того что духовенство причисляло нас перед правительством к социалистам.

Когда правительство перестало нас притеснять, то верующие начали притеснять друг друга – начались споры, разногласия, упреки (я полагаю, что тебе не безызвестны разные споры и укоры между братьями). Споры и разногласия между братьями мне казались до того противными, что я думал: и в язычестве так не бывает! При этих моих размышлениях враг души человеческой стал нашептывать мне, что такая жизнь – вовсе не христианская, что я могу быть истинным христианином и возвратясь в православие, дабы избавиться от подобных раздоров, разногласий и споров. Недолго пришлось мне бороться с подобными размышлениями – я поспешил привести их в исполнение в июле 1886 года.

По исполнении моего намерения открылись глаза моей совести, и я не знал, что делать. Я чувствовал в сердце своем адский пламень, который жег мою совесть. Мне казалось, будто вся природа указывала на меня как на изменника. Казалось, даже деревья шепчутся о моем изменничестве. Я считал бы себя счастливым, если бы кто из верных братьев промолвил ко мне хоть словечко. Но, увы! Все сторонились меня. Словом, я стал противным самому себе. В таком положении я жил некоторое время и всегда искал случая, чтобы иметь какое-нибудь общение с братьями. Мне очень хотелось сделать им какое-нибудь добро.

Неожиданно приехали ко мне два человека, жившие за сорок верст от нашей деревни. В их селении сорок душ недавно отступили от обрядов православной церкви. Одного из них посадили в тюрьму, и товарищи хотели написать о нем прошение министру. Хотя впо-

следствии открылось, что они не одного со мною убеждения, но я чистосердечно желал сделать им добро. Я с радостью написал прошение и за них, неграмотных, расписался. После этого правительство признало, что я притворно возвратился в православие, чтобы ловчей действовать в пользу сектантов, и мне приписали совращение этих сорока душ. Но я не знал их лично, кроме двоих, приезжавших ко мне писать прошение. За это мне было воспрещено жить в Киевской губернии.

С этого времени начались мои скитания: в июле 1889 года – в Херсонскую губернию, затем в Бендеры, в с. Никольское и так далее, что тебе уже известно. Эту ссылку я любезно облобызал в моей душе, ибо я видел в ней величайшую милость Божью и Его всемогущую руку, которой Он извлекал меня как бы со дна ада. Поэтому при всех постигавших меня горестях (лишение детей и прочее) я радовался в Господе.

До прибытия в Герюсы я считался отпавшим в очах людей, но не перед Богом. А в Герюсах в 1891 году, при большом собрании братьев, сосланных туда с разных сторон, в том числе в присутствии М. Кальвейта из Тифлиса и Ф. П. Костромина и многих других, я был принят в члены церкви и в таком положении нахожусь по сие время. Надеюсь на Бога, что Он не выпустит меня из Своей всемогущей десницы и что в Его руке я и окончу определенное мне земное поприще.

Прошу извинения за столь длинное изложение моей истории, так как я не имею дара излагать коротко и ясно. Прошу принять наш глубокосердечный братский привет.

Искренне уважающий тебя Иван Лясоцкий

Из Киевской — в Херсонскую губернию

Село Косяковка Таращанского уезда – местожительство моих предков, где я жил до сорокавосьмилетнего моего возраста (1889). В это время Киевский губернатор запретил мне жить в Киевской губернии за мое религиозное убеждение. Мне дали право избрать новое местожительство в другой губернии, где пожелаю. Хотя я сначала не соглашался сам избирать таковое и желал, чтобы власти сами определили мне жительство и выслали, но в конце концов, по совету полицейских чиновников, я согласился и избрал местожительство

в Херсонской губернии. Так как власть обязательно требовала указать уезд и селение, то я указал с. Заблоцкое Ананьевского уезда, где жил мой сводный брат, посредством которого я надеялся найти служебное занятие при тамошних многочисленных экономиях.

На этом основании 1 мая 1889 года я отправился в путь один, по проходному свидетельству, выданному 30 апреля приставом Первого стана Таращанского уезда. Семейство пока оставил в с. Косяковке. Кроме проходного свидетельства я взял из Таращанской мещанской управы месячный билет, но пристав не преминул отобрать его у меня и приобщить к прочим обо мне бумагам, отсылаемым в отдельном пакете к Ананьевскому уездному исправнику. Подробностей моего путешествия от с. Косяковки до г. Ананьева по давности времени не припомню.

По прибытии к Ананьевскому уездному исправнику мне пришлось ожидать несколько дней, так как посланные обо мне бумаги из г. Таращи еще не были получены. По получении же бумаг уездный исправник выдал мне бывший при бумагах месячный билет и разрешил разыскивать место в уезде.

Получив на руки билет, я немедленно отправился в с. Косяковку за семейством. Распродав кое-что из хозяйства, я запряг в повозку пару коров, которыми пахал землю по общепринятому там обычаю (беднейшие из хозяев пашут коровами, а вместе с тем и молоком пользуются), положил пудов пятнадцать муки, нанял еще пароконную подводу, упаковал все свое хозяйство и харчи и в июне месяце 1889 года, с тяжелыми сердечными вздохами и немалыми слезами, тронулся в путь к новому неопределенному местожительству. Семейство мое состояло из десяти душ. Старшей девочке было тринадцать лет, а остальные дети – один другого меньше.

Благодаря теплой и благоприятной июньской погоде не пришлось испытывать особых горестей. По приезде в с. Заблоцкое я не застал там брата, на которого рассчитывал, и с немалым усилием поместил свое семейство в квартире женщины, где он жил. Знакомого мне там более никого не было. Отправился искать служебного места. Через дней пять-шесть, на расстоянии не более пятнадцати верст от с. Заблоцкого, на Шишкином хуторе меня обнадежили, что служащий там конторщиком некто Иванов хочет рассчитаться, и я могу поступить на его место. А до того времени я должен заступить место простого экономического работника. На таком основании я приехал

на хутор Шишкин, поместил семейство в отведенной мне хате и начал ходить на экономическую работу.

Не прошло и двух недель, как в экономию приехал полицейский урядник узнать, нахожусь ли я в уезде. Когда же помещик Шишкин узнал от урядника о моем положении, что я состою под полицейским надзором, то строго-настрого приказал, чтобы в течение суток моего семейства не было на его хуторе.

Запрягаю я своих коров, забираю семейство и переезжаю обратно в с. Заблоцкое. На этот раз женщина отказалась принять мое семейство в свою квартиру, а за наем последней требовала с меня по 1 рублю в неделю. Так как у меня была еще своя мука для пропитания семейства и рублей 20 денег, то, наняв для семейства квартиру, я отправился искать служебного места.

В 1889 году в Херсонской губернии урожай хлеба был плохой, и потому найти место было очень трудно. Долго пришлось мне странствовать по Ананьевскому уезду из одной экономии в другую. Наконец вблизи местечка Ляховой (название селения забыл) у помещика Бантышанского случилось мне место конторщика. Но так как я по большей части знаком с письмоводством волостных, сельских и мещанских управлений, а не экономических, в чем я, конечно, сознался, то он, Бантышанский, оставил меня при своей экономической конторе на две недели для испытания. Оставалось не более двух-трех дней до окончания двухнедельного срока, после которого я должен был взять в экономии подводу и перевезти туда свое семейство, так как был признан способным к работе. Вдруг приехал в экономию из местечка Ляховой писарь и передал помещику, что есть распоряжение о запрещении мне жить в Херсонской губернии. Тогда Бантышанский сказал мне сходить в г. Ананьев к исправнику и узнать, действительно ли воспрещено мне жить в Херсонской губернии или, быть может, только служить по волостным и сельским правлениям. В последнем случае Бантышанский соглашался держать меня в своей экономии, почему и велел по справке возвратиться к нему.

Пошел я опять к Ананьевскому уездному исправнику, удрученный немалой скорбью, и явился к нему 5 августа 1889 года. Он объявил мне, что по распоряжению Одесского генерал-губернатора мне воспрещается жить в Херсонской губернии, а должен я опять избрать местожительство в другой губернии. Он отобрал у меня паспорт и выдал двухдневное проходное свидетельство для следования

в с. Заблоцкое (место пребывания семейства), где я должен ожидать распоряжения пристава Первого стана Ананьевского уезда.

Пока я странствовал, разыскивая место, у моего семейства истощился запас хлеба и денег, так что нечего было кушать и не за что было нанимать квартиру. В связи с тем, что я до приезда пристава находился почти под арестом, то меня с семейством поместили во второй части сельской управы. Люди, боящиеся Бога, приносили нам кто хлеб, кто муку и другие съестные припасы, и так мы питались. Коровы наши в продолжение всего времени со дня приезда в Заблоцкое паслись на пастбище тамошнего арендатора-немца бесплатно.

Распоряжения пристава я ожидал с 5 августа до 1 сентября. Не получив же никакого распоряжения, убитый горем и скорбью, я отправился к полицейскому урядннку в м. Мариновку, отстоящее от с. Заблоцкого в пяти верстах, с целью узнать, нет ли какого-нибудь распоряжения обо мне от станового пристава, и если нет, то отправиться к самому приставу в м. Голту, в расстоянии сорока верст от с. Заблоцкого.

Когда я вошел в комнату урядника, то увидал там какого-то неизвестного мне господина, в присутствии которого расспросил урядника о положении моего дела. Не получив же удовлетворительного результата, я вышел, стал среди местечка (был базарный день) и стоял, не зная, куда идти и что делать. Я не мог не думать о семействе, оставшемся без всяких средств. Неожиданно предо мной предстал господин, которого я видел в комнате урядника. Он спросил мою фамилию и после моего ответа начал утешать меня словами Священного Писания, уверяя, что Бог таким образом испытывает нашу веру. Он говорил мне утешительные речи, чем немало поддержал и утешил.

После продолжительного разговора со мною, прощаясь, он пожелал мне всего хорошего и, подав мне руку, всунул в мою руку 15 рублей кредитными билетами. Я был вне себя от радости и прослезился, поблагодарив Бога за чудный и неисповедимый Его промысел о нас. Как я узнал потом, господин тот был доктор Ланевский, недавно овдовевший. Его жена была принята в церковь баптистов. Ланевский пригласил братьев, чтобы погребли его жену, и не стыдился их перед высокопоставленными лицами, приехавшими на погребение в экипажах.

После ухода моего благодетеля я сейчас же купил себе сапоги, так как был полубосой, и отправился в м. Голту к становому приставу. Когда я прибыл, он объявил мне то же, что и уездный исправник, и при этом предложил мне избрать местожительство в другой губернии. Я отказался избирать, сказав:

– Пусть правительство само посылает меня, куда хочет, так как я более не знаю, где избрать местожительство.

– Хорошо,– сказал пристав мне на это,– если ты предаешься на волю правительства, то я сейчас арестую тебя и отправлю в Ананьев для дальнейшего распоряжения. Что же касается твоего семейства, то пусть оно идет хоть в воду – нам оно не нужно, это твоя добрая воля, что ты взял его с собой. Нам нужен ты один.

После некоторого молчания пристав сказал мне:

– Если хочешь, послушай меня, я тебе посоветую, как отец: зачем тебе отдавать себя на волю правительства, когда оно не стесняет тебя, а предоставляет право избрать место жительства, где хочешь? Оно пошлет тебя туда, где едят кору вместо хлеба. Ты избери г. Бендеры Бессарабской губернии. Я знаю эту местность, это город хороший, тебе там будет хорошо. Если ты послушаешься моего совета, то завтра я еду в м. Мариновку, возьму тебя с собой, выдам тебе проходное свидетельство, и ты поедешь себе с Богом. Вот я даю сроку тебе два часа, пойди, одумайся и приходи, скажи мне.

Пошел я в местечко и волей-неволей должен был согласиться на совет пристава ради семейства, так как обратно в с. Косяковку нельзя было возвратить его, ибо земля, на которой я жил, была арендная и уже поступила в аренду в другие руки, а построенный на ней домишко продан на слом.

Итак, я на другой день приехал с приставом в м. Мариновку к полицейскому уряднику, где было выдано мне проходное свидетельство на семь дней, в течение которых я должен был прибыть в г. Бендеры. Придя к своему семейству в с. Заблоцкое, я запряг своих коров, усадил на повозку жену и детей, и мы со скорбными вздохами отправились в путь к новому месту жительства.

Из Ананьевского уезда — в Бендеры

Из с. Заблоцкого мы выехали 8 сентября 1889 года. Была уже ненастная и холодная погода. По назначенному маршруту

с большими затруднениями через два дня мы прибыли в м. Черново, где по причине дождя пришлось три дня стоять в еврейском заезжем дворе, после чего отправились в путь. Ненастье не прекратилось, погода стояла холодная, и с такими детишками, как мои, было очень трудно ночевать на дворе. В селениях, через которые мы проезжали, даже при самых усиленных просьбах никто не пускал нас переночевать в доме или в сарае. Волей-неволей нам приходилось ночевать под открытым небом, за селением. Из-за скудной одежды жену с детишками приходилось укрывать чем попало, дабы защитить от ночного холода, а самому всю ночь пасти и караулить коров. Много пришлось испытать бедствий и ночного холода, особенно детишкам. Только доехав до г. Тирасполя (уездный город Херсонской губернии), переночевали и, по случаю дождя, передневали в теплом еврейском заезжем дворе.

В г. Бендеры прибыли 16 сентября вечером, имея при себе на пропитание и на все прочие нужды только 70 копеек. Не имея в г. Бендерах никого знакомого и не зная, что там есть молокане, которые без всякого знакомства оказали бы нам помощь, мы остановились среди выгона, где и провели ночь. На другой день, 17 сентября, разыскали квартиру по 3 рубля в месяц с оплатой вперед. Но как у меня денег не было, то я попросил подождать, пока продам коров.

Поместившись на квартире, через неделю я продал коров, уплатил 3 рубля за жилье, запасся топливом и необходимыми продуктами и начал ходить на станцию железной дороги на поденную работу. По истечении месяца хозяин квартиры приказал мне освободить последнюю, так как намерен был сам занимать ее.

Во время работы на железной дороге я слышал от некоторых рабочих, что в Бендерах есть человек, называемый Еремкою, который, как они говорили, перестал молиться Богу и ходить в церковь. Мне весьма хотелось познакомиться с тем человеком, но отыскать его было трудно, так как я не знал города. Теперь-то, в поисках квартиры для семьи, мне удалось познакомиться с этим Еремкой. Узнав от евреев, что он живет в предместии города и что он сапожник, я пошел искать его (это было в день воскресный). Я спросил у детей на улице дом Еремки-сапожника. Они не замедлили указать его.

Подходя к дому, я услышал пение и, не заходя, прошел мимо и прислушался. Услышав, что поют не светские, а духовные песни, я смело зашел в дом. Несколько молокан, мужчин и женщин, сидели

вокруг стола при раскрытых книгах духовных песен и Нового Завета. Надо принять во внимание, что к Еремке до того времени молокане никогда не заходили и только теперь в первый раз зашли. Увидев их, я невыразимо возрадовался и тотчас открыл им свое сердце, объяснил все последствия моего дела и пробыл с ними в веселом торжестве до вечера. При расходе по домам хозяин Еремей Чабан обещал утром нанять для меня квартиру, которую он имел в виду вблизи своего дома.

В понедельник утром Чабан известил меня, что я должен пойти к молоканину Ивану Кирилловичу Резанову, куда я тотчас отправился. Тот принял меня весьма радушно, с христианской любовью, и утешил меня в моем горестном положении словами из Священного Писания. Потом он предложил мне бесплатную квартиру в своем саду. Чтобы перевезти семью, Резанов дал свою подводу. Когда мы поселились в саду, он много помогал нашей семье различными съестными припасами, заготовленными для зимы. Кроме того, в продолжение всей зимы он давал мне посильную работу в саду, за которую платил каждый рабочий день по 50 копеек.

По воскресным дням я часто посещал молоканское молитвенное собрание, где меня принимали по-христиански и неоднократно поручали прочесть что-нибудь из Священного Писания.

По приезде нашем в г. Бендеры почти все дети долго болели. Старшие выздоровели, а двое меньших, мальчик одного года и девочка четырех лет, по переезде в сад один за другим умерли. При радушном содействии молоканской общины мы похоронили детей на молоканском кладбище.

В саду у Резанова жил еще молдаванин, у которого тоже умерло дитя. Для его погребения он пригласил православного священника. Во время совместной работы молдаванин передал мне, что священник подробно расспрашивал его обо мне и в свою очередь передавал ему в точности мою биографию почти за двадцать лет. В заключение священник сказал: «Лясоцкий здесь не будет долго жить, он только перезимует, а потом мы его турнем и отсюда».

Из Бендер — в Ставропольскую губернию

10 мая 1890 года, как раз в праздник Вознесения Господня, городовой позвал меня к уездному исправнику, который объявил,

что Бессарабский губернатор запрещает мне жить в Бендерах. При этом он предложил мне избрать новое место жительства в другой губернии и сообщить ему. Я избрал Ставропольскую губернию, с. Никольское Александровского уезда, причем заявил, что на этот раз я не могу ехать на свои средства и прошу отправить этапным порядком. Через восемь дней уездный начальник приказал мне явиться со всем семейством, чтобы арестовать нас и поместить в тюрьму для отправления на новое место жительства. А как до отправления этапа было еще двенадцать дней (до 30 мая), то я усиленно просил исправника, чтобы он до 30 мая оставил меня на свободе, дабы я мог еще что-нибудь заработать на дорогу. Когда эта просьба моя не была уважена, то я просил, чтобы хоть жену и детей оставил на свободе до этапного дня, а меня одного арестовал, но и эта просьба не достигла своей цели.

После заключения нас в тюрьму 18 мая Иван Кириллович Резанов тоже усиленно просил исправника об освобождении нас до 30 мая. Но так как такое строгое распоряжение было со стороны губернатора, то исправник предложил Резанову телеграфировать об этом губернатору. Я просил Резанова, чтобы он не тратил напрасно денег, так как я неоднократно испытал уже, что, попав в руки полиции, не стоит рассчитывать на милость. Но он не послушал меня и потратил на телеграмму рублей 5. Вышло по-моему: мы все остались в тюрьме до этапного дня – 30 мая 1890 года.

Почти вся молоканская община собралась на вокзал, чтобы попрощаться, когда нас приведут из тюрьмы к арестантскому вагону. Но из-за немилосердной и несострадательной полицейской стражи я едва мог открыть уста, чтобы сказать собравшимся, может быть, последнее «Прощайте!». Мы отправились в путь в количестве уже не десяти душ, а только девяти, ибо в Бендерах двое детей умерли, а один сын родился.

Из Бендер мы выехали в 2 или 3 часа пополудни, а на другой день утром приехали в г. Балту Подольской губернии. В тюрьме мы пообедали, а после обеда нас отправили по железной дороге в Елизаветград.

В елизаветградской тюрьме мы пробыли дня три или четыре, откуда нас отправили в Харьков. В харьковской пересыльной тюрьме нам пришлось покормить клопов две недели. Затем нас отправили в Ростов-на-Дону. Из Ростова нам следовало через семь дней отпра-

виться дальше, но пришлось прожить там более тридцати дней. По прибытии в Ростов меня взяли в тюрьму, а семейство мое, по случаю большой тесноты, поместили на вольном дворе, нанятом вблизи тюрьмы. Через семь дней (какого числа, не помню) при отправлении этапа начальник не принял нас на этап, так как у наших детей заболели глаза. Таким образом мы остались до следующего этапа еще на две недели.

Так как почти все семейства пошли на этап, за исключением тех, которые оставлены по болезни, то оставшихся перевели в тюрьму. Мое семейство поместили в секретную, против которой на нижнем этаже лежал умерший турок, отчего невыносимая вонь наполняла секретную. В первую же ночь все дети до одного заболели сильной горячкой, а потом на всех появилась корь и скарлатина. От моего семейства все удалялись, чтобы не заразиться. По распоряжению тюремного начальства нас поместили в больнице в отдельную палату, в том числе и жену мою с грудным ребенком, а меня назначили к ним служителем. Тем временем прошел и другой этап. От этой болезни умерли два моих мальчика – шестимесячный и шестилетний.

Наконец мы приготовились на третий этап, но начальник не принимал нас, так как дети после болезни и от тяжелого тюремного воздуха были очень слабы, а один мальчик, трех лет, был болен при смерти. Но я попросил доктора, и он написал этапному начальнику записочку, чтобы принял нас на этап. Он принял. Это было во второй половине июля 1890 года.

Проехав по тюрьмам от Бендер до Ростова и прожив в ростовской тюрьме более тридцати дней, я должен сказать, что обхождение с арестантами в прочих тюрьмах теряет свою жестокость, если увидеть обхождение с арестованными в ростовской тюрьме. В ней тюремные служители относятся к арестованным, как самый лютый зверь к своей добыче. Это я приметил в 1890 году.

Пробыв более тридцати дней в этой тюрьме и оставив двух детей на кладбище, мы выехали из Ростова уже в количестве семи душ, и один мой мальчик был болен при смерти. Нас привезли на ст. Незлобную и препроводили в георгиевскую тюрьму, а оттуда через три дня должны были отправить сельским этапом в Александровское уездное правление. В георгиевской тюрьме больной ребенок скончался. В одно и то же время нас выводили за тюремные ворота на этап, а его понесли на кладбище.

Отправился я сельским этапом с семейством моим, которое состояло уже только из шести душ. Идти нам было не очень тяжело – особого стеснения от сельских провожатых не было. Во многих местах препровождали нас почтовыми тройками, при которых ехали два или три казака конвоя. Так проехали мы в Александров, в уездное правление, а оттуда – в с. Никольское (население – исключительно баптисты). Мы прибыли 1 августа 1890 года, как раз через два месяца со дня выезда из Бендер.

Из Ставропольской губернии — в Герюсы

По приезде нашем в Никольское, братья Прянишниковы, овцеводы, приняли нас в свой дом, где мы пробыли несколько времени в гостях. Потом они отвели нам бесплатно квартиру в своей экономии. К ним я ходил на поденную работу, когда таковая случалась, а жена занимала место кухарки в их же кухне. Не имея в виду более никакого переселения, я начал заниматься хозяйством. При содействии тамошних некоторых братьев посеял две десятины пшеницы, но, к сожалению, не пришлось нам ее убрать.

Мы прожили спокойно в Никольском с 1 августа по 20 декабря 1890 года, а потом подоспели к нам новые скорби. 20 декабря 1890 года тамошний сельский староста предъявил мне бумагу с приказом, чтобы меня с семейством немедленно арестовать и препроводить к становому приставу в м. Воронцовку для отправления в г. Ставрополь, а затем в Закавказский край.

Итак, мое хозяйствование в Ставропольской губернии не длилось и пяти полных месяцев. Нас немедленно отправили сельским этапом в с. Воронцовку к становому приставу, а оттуда – в Ставрополь, тоже сельским этапом, через Александровское уездное правление. Тогда мы узнали, для чего Бог отобрал у нас детей и оставил только четверых старших, более взрослых. Он знал, что нам предстояло зимой идти этапом и с малыми детьми было бы очень трудно, поэтому Он сделал нам облегчение. Праздник Рождества Христова застал нас в дороге во время следования сельским этапом в Ставрополь, куда мы прибыли 29 декабря 1890 года.

В Ставропольском губернском правлении мне объявили, что по распоряжению министра внутренних дел я посылаюсь в Закавказье на пять лет, считая этот срок с 20 сентября 1890 года. Нас

поместили в ставропольскую тюрьму до отправления этапа. Продержав в ставропольской тюрьме две недели, нас отправили военным этапом в м. Армавир Кубанской области.

В семи верстах от Ставрополя по пути в Армавир находится большая гора, длиной семь верст, на которой постоянно дует сильный ветер, так что человеку трудно устоять там на ногах. Когда мы спускались с той горы, была сильная метель и бушевал такой ветер, что мы едва не погибли все вместе. Только особенной милостью Божьей мы спаслись от смерти. Ветер опрокидывал сани с продуктами и солдатской одеждой и сметал вместе с лошадьми в пропасть. Конвойные солдаты, опираясь штыками о землю, с большим усилием поддерживали всех нас, и таким образом с большой опаской мы спустились с той горы. Дети поморозили уши и колена так, что и теперь ощущают боль.

Через семь дней мы прибыли в Армавир. В армавирской тюрьме прожили до этапного дня три недели. В тамошней тюрьме особенного стеснения не было, камеры были отворены целый день. Далее нам суждено было опять видеть ненавистную ростовскую тюрьму и прожить в ней две недели. Из Ростова отправили нас в г. Новороссийск, а затем, после двух недель пребывания в тюрьме, отправили пароходом в г. Батуми.

В батумской тюрьме мы прожили также около двух недель, но там жить было очень хорошо, так как смотритель был расположен к нам: не отделяя меня от семейства, отвел для нас одну секретную камеру, и мы там жили как дома. Камеру запирали только на ночь, а днем мы всем семейством входили и выходили свободно, дети всегда свободно играли на дворе.

Из Батуми нас отправили в Тифлис, где мы просидели в тюрьме двадцать один день. Тюрьма эта своим порядком и обхождением похожа на ростовскую тюрьму. Из Тифлиса нас отправили в Елизаветполь, где мы просидели в тюрьме тоже недели две. Затем отправили нас в Зангезурский уезд Елизаветпольской губернии, в с. Герюсы. Из Елизаветполя ехали мы сначала три станции по железной дороге до ст. Евлах Закавказской железной дороги. От Евлаха отправились пешим этапом до г. Шуши. В шушинской тюрьме только переночевали и на другой день, по приказанию Шушинского уездного начальника, наняли за свой счет фургон до с. Герюсы. Заплатили по 1 рублю с души. Всех арестованных было двадцать два человека.

На место нашей ссылки, в Герюсы, приехали как раз в первый день праздника Пасхи, часа в 2–3 пополудни, в 1891 году. Погода была весьма ненастной и холодной. Благодаря бывшему уже там ссыльному брату Сазонту Капустинскому мы были встречены радушно. Он с семейством своим из восьми душ прибыл в с. Герюсы раньше нас и в ожидании нашего приезда приготовил самовар, а по приезде нашем угостил нас и обогрел.

Из Герюсов — в Джебраил

По приезде и водворении в Герюсы я уже более не думал ни о каком переселении до конца назначенного пятилетнего срока, но ошибся! В Герюсы прибыло в первой партии с Капустинским восемь человек одного исповедания. С нашей партией прибыло двадцать две души разных сект, и затем еще пригоняли по большей части баптистов. Таким образом нас, баптистов, собралось более тридцати душ, кроме детей. Мы собирались по воскресеньям и другим дням на молитву в моей квартире и у Капустинского. Так было со дня прибытия нашего в Герюсы (1 апреля 1891 года) до декабря месяца того же года.

В декабре полицейский пристав призвал всех нас одного убеждения и спросил, собираемся ли мы на молитву и где именно. Ему дан был утвердительный ответ с указанием на мою и Капустинского квартиры. Об этом донесено было Елизаветпольскому губернатору, и сей донес главноначальствующему на Кавказе. На это донесение в конце февраля или в начале марта 1892 года от главноначальствующего последовало распоряжение о выселении нас из Герюсов поодиночно: меня – в урочище Джебраил*, а Капустинского – на станцию Тертер Джеватского уезда Елизаветпольской губернии.

Таким образом, в Герюсах нам пришлось прожить ровно один год, ибо в Герюсы мы прибыли 1 апреля 1891 года, а из Герюсов выехали 31 марта 1892 года.

Из Герюсов нас препроводили глухой вьючной дорогой, где повозкой никак нельзя ехать. Я должен был нанять за свой счет четырех верховых лошадей для себя и семейства, так как здесь за казенный счет не дают лошадей для арестованных. Если бы я согла-

* Джебраил – военный пограничный пункт при речке Араксе на границе России и Персии.

сился быть отправленным за казенный счет, то мне одному связали бы руки назад и повели, а до семейства им нет дела – если хочет, то пусть едет. Здесь арестованных препровождают так: свяжут ему позади руки, а конец веревки, которой связаны руки, держит в руках провожатый всадник, который едет верхом и иногда подгоняет арестованного нагайкой по плечам, а всадники по большей части татары. Волей-неволей я должен был нанять лошадей. На одной лошади ехал я сам, на другой – жена с грудным ребенком, на третьей – два старших мальчика, а на четвертой – старшая дочь с меньшим мальчиком. Кроме того, на каждой лошади было навьючено понемногу вещей, из которых состояло наше имущество.

Если из Герюсов в Джебраил ехать почтовой дорогой, то будет более двухсот верст, а вьючной дорогой, по которой нас препровождали,– всего шестьдесят. Сопровождал нас только один всадник. Проехав дневной путь, мы переночевали в одном татарском ауле. На другой день нам предстояло переезжать через горную речку, которая разделяется на четыре или пять рукавов, быстро мчащихся с гор. При переправе через эту речку нами управляло провидение Божье. Вода очень быстро влекла, так что даже лошадей сбивало с ног, но по милости Всевышнего, с немалым страхом, мы переправились благополучно и прибыли в Джебраил часов в девять вечера 1 апреля 1892 года. Наем лошадей от Герюсов до Джебраила стоил 16 рублей.

По приезде в Джебраил переночевали в уездном управлении, а утром 2 апреля меня с семейством позвал к себе на дом уездный начальник и строго приказал ни с кем из русских солдат или казаков не сообщаться и ничего не говорить им. В противном случае он угрожал тотчас надеть кандалы на ноги, посадить в тюрьму и телеграфировать куда следует. По получении такого строгого приказания я отправился искать квартиру и нанял таковую за 1 рубль 20 копеек в месяц. Это было помещение, где прежде стояли лошади. С немалою скорбью и обильными слезами пришлось жене моей обмазывать потолок и стены в этой квартире, а мне – устраивать русскую печку. Вообще здесь и в жилых помещениях русских печек не существует, исключая бухары* в стене. Так мы принуждены были жить здесь до окончания пятилетнего срока ссылки,

* Бухара – прямая труба или отверстие в стене, где разводится огонь.

до которого со дня приезда в Джебраил оставалось три года, пять месяцев и двадцать дней. Мы ожидали конца срока с невыразимой торжественной радостью, питая надежду выехать из среды татарского населения к русскому народу, и особенно к единоверцам, дабы порадоваться и вознести единодушные молитвы к алтарю Царя царствующих.

Прежде окончания пятилетнего срока последовал и «всемилостивейший» манифест от 14 ноября 1894 года. На основании последних строк § 10 следовало бы и нам сократить на 1/9 срок наказания. Но по ходатайству людей, праотцы которых некогда научили народ кричать: «Варавву освободи, а Иисуса погуби!» – манифест был применен только к ворам и разбойникам, к узникам же, стремящимся проходить земное поприще под руководством евангельского учения, он не был применен.

Наконец дождались мы и 20 сентября 1895 года. Закончился срок наказания, один для десяти человек, из коих трое умерли, а семеро находятся в живых. Но так как из них никто (по мнению гонителей) не покаялся, т. е. не обратился в православие, то вместо освобождения, по общему совещанию департамента полиции, объявленному извещением от 13 сентября 1895 года за № 6557, всем назначены были новые сроки. Тем, которые пробыли свой пятилетний срок на одном месте, в Герюсах, дали по четыре года, а мне и Капустинскому, как переселенным из ссылки в ссылку, добавили к сроку по пять лет.

Когда мы выезжали из Ставропольской губернии, нас было шесть душ. В Закавказье родилось трое детей, и теперь семейство мое состоит из девяти душ.

Путешествие и странствование мое, сколько возможно было упомнить, я описал, но скорбей, печалей и горестей, сопровождавших эти странствования, я не в состоянии описать – это выше моих сил. От Бендер до Герюсов пришлось побывать в тринадцати тюрьмах, а если считать, что в ростовской тюрьме были два раза, то составится четырнадцать. Что же касается сельских арестантских, то этим не могу дать числа по многочисленности их.

Теперь, после всех этих странствований и после отбытия одного пятилетнего наказания, остается нести другое пятилетнее наказание, коего срок начался с 10 сентября 1895 года. Бог знает, придется ли еще увидеться в своей жизни с родственниками, друзьями и знако-

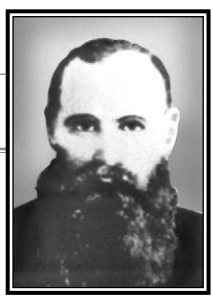
мыми, особенно со своими по вере, разделить с ними радость и горе, или, быть может, закончим земное поприще в скорбном молчании среди татарского населения в Закавказье. Но да будет во всем воля Божья. В настоящее время мне от роду пятьдесят четыре года. Родился я 25 сентября 1841 года.

Заключение

Проходя в мире сем всякие горести и скорби, человек научается соглашаться со Священным Писанием, что нет другого пути в вечное блаженное царство, кроме скорбного, тесного и тернистого пути, исполненного разного рода бедствий, горестей, приключений и опасностей (Матф. 7, 13–14). Если Сам Владыка неба и земли, Господь наш Иисус Христос, не мог миновать этого скорбного пути и не имел, где преклонить главу (Лук. 9, 58), а также и все святые, которых весь мир не был достоин, не прошли иным путем, как путем горести, бедствия, скорбей и озлобления (Евр. 11, 36–38), то что мы скажем о себе, желая достигнуть вечного блаженства? Одно только остается – предаться в волю Божью, ибо «и волос с головы... не пропадет» (Лук. 21, 18), и молиться Богу, дабы послал терпение и дух твердости, чтобы все преодолеть силою Возлюбившего нас, пройти это земное поприще до конца и водвориться в том блаженном и вечном приюте, где отерта будет всякая слеза с очей всех скорбящих (Откр. 7, 13–17). Да будет так!

Иван Лясоцкий

(В. Д. Бонч-Бруевич. Преследование баптистов, 1902)



КАПУСТИНСКИЙ САЗОНТ ЕВТИХОВИЧ

На заре становления русско-украинского братства среди лучших людей, искателей правды, высоко поднявших светильник Евангелия, был труженик-страдалец Сазонт Евтихович

Капустинский — украинец с длинной окладистой бородой, выразительными глазами. Его отличали светлый ум и горячая любовь в сердце. Жил он в селе Чаплинке Таращанского уезда Киевской губернии.

Уверовав во Христа как в Спасителя, он только и ждал, чтобы принять крещение. И вот в 1884 году Киев посетил известный благовестник из Тифлиса Василий Гурьевич Павлов. Услышав о нем, Сазонт Евтихович поехал в Киев. Это было в мае. Все цвело и благоухало. И там, на реке Днепре, Василий Гурьевич крестил С. Е. Капустинского.

Сазонт Евтихович каждую свободную минуту использовал для чтения Библии, не упускал ни одного случая сказать грешникам о спасении. Люди обращались к Господу. В соседних деревнях и других городах он распространял Евангелие и вскоре стал известным проповедником.

(Вестник спасения, № 4, 1972)

На съезде баптистов, проходившем 26–30 декабря 1886 года в Кубанской области, читали письмо брата И. И. Вилера, в котором он предлагал назначить благовестником для Киевской губернии брата С. Е. Капустинского. Съезд единогласно принял это предложение.

С того времени до 1890 года Сазонта Евтиховича ежегодно избирали благовестником.

Посеянные в разных местах России семена слова Божьего дали всходы и принесли обильные плоды. От духовенства в Святейший синод со всех сторон посыпались жалобы на сектантов, клевета, просьбы о вмешательстве полиции. Прокурором Синода в то время был К. П. Победоносцев, а помощником его — Саблер. Эти ярые враги истины возбудили жестокое преследование на верующих.

В 1890 году в полудикое Закавказье потянулись этапы закованных в тяжелые кандалы евангельских христиан и баптистов. Вели их под строгим конвоем, как самых ужасных злодеев. Среди кандальников был и С. Е. Капустинский. Его арестовали за проповедь Евангелия и вначале выслали в г. Орел. А потом с кандалами на руках и ногах он вместе с другими братьями прибыл в Тифлис. Их поместили в знаменитый Метехский замок-тюрьму. Там они встретились

с другим этапом братьев, тоже направлявшимся в Закавказье. Невозможно передать радость встречи гонимых. Они пели и возносили молитвы к Богу.

В то время в тифлисской тюрьме содержался убийца офицера Степан Бирюлькин. Сазонт Евтихович рассказал ему об Иисусе. Убийца упал на колени, воззвал ко Христу и стал новым человеком. Братья обнимали, целовали его и благодарили Бога за то, что Он послал их в тюрьму возвестить истину погибающим.

Из Тифлиса братьев-кандальников отправили в Елизаветполь, где они пробыли в тюрьме тринадцать дней. Затем по железной дороге страдальцы прибыли на станцию Евлах. Далее они шли пешком сто пять верст в уездный город Шушу, где пробыли в тюрьме одиннадцать дней. Из Шуши сто верст шли в кандалах по горам в село Герюсы Зангезурского уезда. Иногда в пути братьев заставал двадцатипятиградусный мороз, но конвой, не смотря ни на что, побоями принуждал идти дальше.

В Герюсы вместе со ссыльными братьями прибыло тридцать пять семей. Увидев, что здесь невозможно заработать кусок хлеба, страдальцы подумали, что им придется умирать голодной смертью. Положение их было ужасно.

Когда голодная смерть смотрела в глаза ссыльным, рука Всевышнего заботилась о них. Английские братья узнали, что в России большое гонение на христиан, и стали беспокоиться. Чтобы наглядным образом объяснить англичанам весь ужас и несчастное положение верующих в России, английские братья заковывались в кандалы и говорили в собраниях, что так преследуют наших братьев за проповедь Евангелия. Это до глубины души трогало верующих. Они навзрыд плакали и щедро жертвовали в пользу страждущих. Однажды пожертвования были собраны и вручены брату-старцу, известному доктору Бедекеру, чтобы он лично отвез и вручил их ссыльным.

И вот в такой критический момент, когда в сердце страдальцев готово было вкрасться отчаяние, вдруг до них дошел слух, что из Англии приехал брат посетить ссыльных. Они собрались для молитвы в хижине брата С. Е. Капустинского. Как они обрадовались, как оживились, как усилили свои молитвы к Богу!

Когда брат Бедекер прибыл в Петербург и явился к государю просить разрешения посетить страдающих за веру, тот удивился, пожал плечами и сказал, что в России полная религиозная свобода и преследований за убеждения нет. Брат сказал ему: «Если нет, то вы разрешите, и я сам поеду искать». Государь подписал пропуск, и Бедекер с большими трудностями прибыл в Герюсы.

Местная русская администрация допускала братьев на свидание в специальную комнату по одному человеку. Брат Бедекер русским языком не владел, но с ним был переводчик. Доктор каждому в отдельности говорил проповедь, давал наставление и утешал.

«Не думайте, что Господь вас забыл,– говорил он. – Знайте, что и волос с вашей головы не упадет без воли Отца вашего Небесного». Братья при этих словах рыдали, мысленно упрекая себя за малодушие и уныние. Брат Бедекер оставил им тысячу рублей. Кроме того, они каждый месяц получали средства на пропитание, пока смогли самостоятельно обжиться – кто занялся огородничеством, кто пчеловодством.

(Вестник спасения, № 4, 1972)

Петербургская церковь узнала, что ссыльные в далеких селениях больше не могут пользоваться помощью от английских братьев и обречены на смерть. Братья и сестры приняли живое участие в пожертвовании для нуждающихся ссыльных и собрали около двух тысяч рублей. Деньги вручили брату Долгополову, который отправился в Закавказье. Доехав до последней железнодорожной станции, он нанял подводу и поехал дальше. Дорога, извиваясь, шла среди скал. Путь был опасен. Шайки разбойников беспощадно грабили и убивали проезжающих, многие поплатились жизнью. Наслушавшись от своего возницы о страшных грабежах и убийствах, брат Долгополов помолился Господу, чтобы Он защитил и сохранил его. Вдруг послышался конский топот. Сердце брата охватила тревога.

– Стой! – закричали выскочившие из-за поворота вооруженные кавказские разбойники.

Тарантас окружили. Брату приказали сойти и следовать за ними, а возницу отпустили, что-то буркнув по-татарски.

Брата повели в горы по извилистой тропинке, местами проходившей по краю глубокой пропасти. Идти было очень трудно. Наконец приблизились к ущелью, с правой стороны которого зияла

страшная пропасть, на дне белели человеческие черепа и кости.

«Господи, Ты силен спасти меня! Да будет воля Твоя, в руки Твои предаюсь!» – в страхе молился брат.

Пройдя ущелье, разбойники нырнули в пещеру, освещенную факелами. На стенах висели роскошные ковры, а также оружие, сверкающее золотом и серебром.

Атаман шайки – азиат в высокой папахе,– бряцая дорогим оружием, сел на красивый сундук. Брат стоял в отдалении. В висках стучало, от ужаса холодела кровь, мысли работали молниеносно. Вспомнилось письмо ссыльных, где они сообщали, что их ожидает голодная смерть. Вспомнилось, как руководящий брат, провожая его в путь, прочитал стих: «...так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне». Вспомнилось, как верующие жертвовали деньги для гонимых. И вот теперь, когда он был почти у цели, его схватили бандиты.

«О Боже мой, почему это так? Но не моя, а Твоя да будет воля»,– молился брат.

Атаман еле сдерживал злобу. Его лицо и алчные глаза говорили, что он не знает ни жалости, ни пощады.

– Урусс,– хрипло спросил он,– деньги есть?

– Две тысячи.

– Зачем так мало торговал?

– Я не торговец. Я послан с пожертвованием к своим братьям. Они здесь, в Закавказье.

– Кто твой брат? Как звать?

– Капустинский...

– А-а-а... знаю такой. Хороший человек. Урусс, деньги такие не надо. Мы берем деньги, кто купил, торговал, а эти деньги не возьмем. Урусс, ты эти деньги не довезешь. Там стоит казак, ты придешь – он деньги заберет. Ты давай деньги нам, мы знаем другой дорога, нас казак не поймал. Деньги этот дадим твой брату...

Брат задумался от неожиданности, но другого выхода не было, и он, доверившись, отдал деньги атаману:

– Если вы можете сделать это, то, пожалуйста, отвезите. Брат и его семья умирают с голоду.

– Можно, урусс, сделаем,– ответил разбойник. – Живи тут, мы придем скоро.

...Капустинский переживал особо трудное время. Дети были

измучены голодом. Вместе с отцом они стояли на коленях и со слезами громко молились Богу, просили помощи.

Вдруг в двери сильно постучали.

– Кто там?

Стук повторился, и незнакомый властный голос произнес:

– Открой!

Было слышно, как несколько человек соскочили с коней. Брату ничего не оставалось делать, как открыть дверь. Запоры были слабые, и всякое сопротивление было бы напрасным. В комнату ввалилось несколько вооруженных татар. Дети, испугавшись, забились в угол.

– Как живешь? Деньги у тебя есть? Хлеб есть? – спросил один из бандитов.

– К сожалению, нет ни того, ни другого,– ответил брат.

«Наверное, опять наклеветали»,– подумал Капустинский. Недавно бандитам кто-то наговорил, что он занимается спекуляцией и у него есть деньги. Но, видя убогую обстановку и голодных, изможденных детей, бандиты поверили, что у него нет денег, и, сжалившись, дали тогда брату полтора рубля.

«Ну а теперь,– думал Капустинский,– они не поверят, начнут пытать и, не найдя денег, зарежут. А дети? О Боже!..»

Один бандит спокойно спрашивал у Капустинского, что он ест, как живет без денег, сколько тут ссыльных. Капустинский ответил, что ссыльных много и все живут в голоде.

– Держи,– бандит протянул большой сверток и письмо. – Это Аллах послал тебе и твоим братьям. Деньги передают из Петербурга. На бумагу, пиши ответ.

Капустинский растерялся. Его удивлению и радости не было границ. Он не знал, что делать – читать письмо или благодарить разбойников. Ему показалось, что под этими черными бурками и страшным оружием скрываются души Ангелов, посланников Божьих. Видя волнение Капустинского, бандит сказал, чтобы он приготовил ответ, а завтра они зайдут.

– Вот, детки, мы молились, и Господь нас не оставил, как и сказал в Своем Слове: «Не оставлю тебя и не покину тебя». Теперь мы можем купить хлеба и молока.

Дети запрыгали от радости. Отец пригласил к молитве, все встали на колени и со слезами благодарили Бога за избавление от голодной смерти.

Через несколько дней татары вернулись в свою пещеру с ответом от брата Капустинского. Долгополов поблагодарил разбойников и отправился в обратный путь. Разбойники сопровождали его до станции. Прощаясь, они сказали:

– Дальше нам нельзя, нас поймают.

Долго еще в ушах брата Долгополова звучало слово «урусс»...

Благополучно прибыв в Петербург, он рассказал братьям о чудной защите Божьей. Выслушав его рассказ и прочитав письмо Капустинского, братья и сестры в слезах умиления преклонили колени и благодарили великого Бога, Который и в самые трудные времена дивно ведет Свой народ.

(Вестник спасения, № 3, 1973)

Капустинский с женой и четырьмя детьми жил в старой заброшенной татарской хижине. Ветхая крыша плохо защищала от дождя, в комнате было сыро, на полу стояла вода. Недолго семья была здорова. Вначале заболел тифом Сазонт Евтихович. В это время у них родился сын. Жена его стирала белье для русской администрации. Однажды после родов, полоская белье на реке, она простудилась, заболела и в скором времени умерла. Двое детей тоже лежали больные.

Братья зашли в комнату, где лежал больной Сазонт Евтихович.

– Как там моя жена? – спросил он.

Братья сказали, что жена теперь уже «совсем здорова», и, взяв его под руки, повели в комнату, где лежала умершая. Как только он увидел ее, приготовленную к погребению, его парализовало – отнялась рука и нога.

Жизнь стала еще тяжелее. Шестимесячного Ваню отдали сестре Лясоцкой. У нее в это время родилась дочь, и она кормила грудью двух малышей. Ваня пробыл у нее два года, потом взяли его другие ссыльные из Ставрополя. Они очень любили маленького Ваню и впоследствии усыновили его.

(Вестник спасения, № 4, 1972)

Сазонт Евтихович Капустинский не успел оправиться от печали по умершей жене, как его постигло новое испытание. За то, что в его квартире ссыльные собирались на молитву, пришло распоряжение перевести его в другое татарское селение.

Капустинский нанял подводу, сложил вещи, посадил детей и отправился в путь. Не успели они выехать за селение, как вдруг подъехали два человека и привязали правую руку Капустинского к седлу одного верхового, а левую – к седлу другого верхового, так что ему пришлось бежать между двумя верховыми. Подвода с плачущими детьми и с вещами осталась позади. Случайно одна сестра увидела плачущих детей и сейчас же обратилась к местной власти. Она упросила начальство, чтобы дали распоряжение догнать всадников, а Капустинскому разрешили ехать с детьми.

(Вестник спасения, № 4, 1972)

Сестра с плачущими детьми на подводе догнала всадников, которые в это время отдыхали на пригорке возле дороги. Сазонт Евтихович сидел весь мокрый и тяжело дышал. Услышав о разрешении, верховые отпустили его.

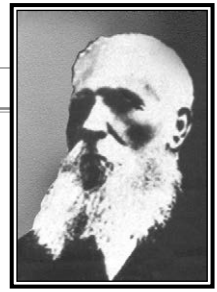
На новом месте ссылки Капустинского ждала еще худшая жизнь. Работы нет, дети голодные, никто не поможет – кругом армяне и татары. В большом горе он опускался на колени и молил Того, для Которого нет ничего невозможного, чтобы Он спас деток от голодной смерти.

(Вестник спасения, № 3, 1973)

Бог услышал молитвы Своего слуги и спас его детей от смерти. Однако для Сазонта Евтиховича Он усмотрел другое. 10 января 1898 года, после перенесения многих страданий, он перешел в вечные обители Небесного Отца. Тело С. Е. Капустинского похоронено в земле изгнания, на станции Тертер. «Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное» (Матф. 5, 10).

(Кроме означенных источников, составлено по материалам найденной в Тбилиси рукописи неизвестного автора, повествующего о жизни С. Е. Капустинского и других изгнанных за веру братьев; из статей журнала «Христианин» и книги В. Д. Бонч-Бруевича «Преследование баптистов».)

КОСТРОМИН ФЕДОТ ПЕТРОВИЧ



Среди героев веры, которые перенесли много страданий и до конца остались верными Богу, есть и Федот Петрович Костромин. В братском календаре «Добрый вестник» (за 1914 год) помещена его краткая биография, а в газете «Утренняя звезда» (за 1914 год) — автобиография. Зарубежная печать неоднократно описывала страдание и подвиг Федота Петровича.

После обращения к Богу этот казак-урядник все свои преимущества почел за сор. Его лишили всего и вместе с уголовниками отправили в ссылку в Закавказье. Над ним издевались в течение многих лет. В кандалах, с обритой наполовину головой и бородой, он ни на что не взирал и исповедовал имя Того, в Кого уверовал.

Историк Буфорд писал о Федоте Петровиче:

До сего дня он носит на своем теле следы от оков в тех местах, где они терли и саднили его. На страшном переходе из Владикавказа он был прикован к злейшим преступникам. Вновь и вновь его принуждали отречься от веры – били, секли за упорство,– но ни угрозы, ни злобные убеждения не имели никакого влияния на его решимость служить Господу Иисусу.

К сожалению, наше поколение, будучи плохо осведомленным о подвигах и жертвах первых подвижников истины в России, мало знает и о жизни брата Федота Петровича Костромина. Желая восполнить этот пробел, предлагаем познакомиться с его автобиографией, чтобы понять, как велика была вера и преданность истине героев веры, которые плыли против течения, жертвенно отдавая Богу все.

Родился я в 1846 г. Отец мой был человек малограмотный и жизнь проводил по обычаям мира. Был православный. Детей у него

было трое, когда его командировали на военную службу, где он прослужил восемь лет. Со службы он прибыл урядником. Мне тогда было уже тринадцать лет. Через год умерла моя мать, и отец вступил во второй брак. Спустя полтора года его опять командировали на военную службу по случаю набегов полчищ Шамиля. Прослужив три с половиной года, отец на обратном пути умер. Мачеха, взяв свою дочь, оставила нас и вышла замуж, а мы, трое круглых сирот, остались при дедушке с бабушкой.

Дедушка был человек горячий и любил выпивать, но все-таки у него была охота читать Слово Божье. С 1820 г. по 1845 г. в нашу местность ссылали молокан. Первая группа молокан была сослана в Таврическую губернию во главе с Ананием Ивановичем Стояловым. Вторую группу во главе с Жируевым сослали в Карабахские провинции, город Шемаху. Они-то и принесли семена слова Божьего в те края. Старички были увлечены и собирались по вечерам читать Евангелие и петь псалмы. Брали они и меня, и я с того времени знал некоторые псалмы. В моем сердце было посеяно семя слова Божьего. И хотя я пил и курил, оно все-таки сохранилось.

В 1864 г. меня женили. Жена моя была поставлена хозяйкой дома, так как бабушка была престарелой. Вскоре мою сестру выдали замуж, брата женили, а бабушка умерла, но мы все-таки не унывали.

В 1869 г. меня взяли на военную службу. Жена с двумя детьми осталась при дедушке. Ей пришлось нести на своих плечах непосильную заботу и о семье моего брата, который оставил семью и ушел. 20 июня 1873 г. умер дедушка. Я возвратился на родину 1 октября 1873 г., когда в хозяйстве не осталось ничего. Но я проводил жизнь героя-казака: не унывал, шапку набок – и завывал заунывные казацкие песенки. Проводя такую жизнь, я кормился и кормил семью. Хотя не был богат, но и не нуждался.

В 1877 г. меня опять командировали на военную службу в действующую армию на кавказско-турецкую границу, где я служил писарем в Донской конной батарее. По взятии крепости Карса, в 1878 г., я прибыл на родину. Семья моя стала расти, но Господь давал силы в трудах и на шесть сыновей и пять дочерей давал пропитание.

В 1883 г. общество хутора Гапкина выбрало меня атаманом, и я принялся за службу. Дабы увековечить память о себе, я начал хлопотать о постройке в своем хуторе православной церкви. Гордость, как ожерелье, обложила меня, и дерзость, как наряд, одела меня. Хотя

я и слышал о Боге, но не знал Его лично. Я знал о Нем не по религиозным убеждениям, а по слухам, как и все мои сограждане.

У нас были молокане, и я, как власть имущий, созывал сход и составлял приговор, так как был убежден, что эти люди вредны для общества и своим поведением мешают нам жить. Конечно, было возбуждено преследование против них, но главных улик не оказалось, и дело прекратили. Наконец в 1884 г. церковь все же начали строить, но я уже подал рапорт к увольнению, так как жалованье в то время было ничтожно. В последних числах декабря 1883 г. меня уволили.

4 января 1884 г. урядник Федор Михайлович Марков (мой родственник) пригласил меня в собрание, так как к ним приехал человек из Закавказья и должен читать Слово Божье. Я охотно согласился. На пути мне встретился офицер и пригласил выпить «по единой». Конечно, зашли и выпили, стали навеселе. Потом я все-таки пошел в собрание, так как меня что-то тянуло туда.

Придя к Маркову, я увидел многих собравшихся. Меня посадили к столу, так что приезжий из Закавказья Василий Васильевич Иванов сидел напротив меня. Вскоре он пригласил всех к молитве, а после молитвы прочитал из книги Второзаконие 27 главы 10–15 стихи. Он обратил особое внимание на пятнадцатый стих, где сказано: «Проклят, кто сделает изваянный или литой кумир, мерзость пред Господом, произведение рук художника, и поставит его в тайном месте!» Слова эти меня поразили, и я пошел домой, понес их своему семейству. Кроме того, я взял у В. В. Иванова Библию в пяти частях.

Две мои дочери, немного грамотные, принялись читать и рассказывать матери и бабушке, то есть моей теще. А потом пошли в собрание послушать, так как мой рассказ их заинтересовал.

На другой день, в субботу утром, я собрался идти на собрание, приглашал и жену, но она осталась к воскресенью поприбрать в хате, и я пошел один. С этого времени мое желание приблизиться к Господу более и более возрастало. Вся моя семья начала посещать богослужения. А летом 1884 г. Михаил Иванович Марков крестил меня, жену и мою тещу в реке Калальнике.

Со стороны православия с большою силою начались преследования. В 1888 г. на восемь человек возбудили судебное дело за «совращение детей» по ст. 196 Уложения о наказаниях. В августе потребовали к следователю на допрос всех наших жен и детей. Женам и детям нашим Господь Сам влагал в уста, что отвечать. Через несколько дней

потребовали и нас, причем когда я вошел, то следователь посадил меня на стул и подал мне статью закона. Я начал читать: «Родители, которые по закону обязаны воспитывать своих детей в православной христианской религии, но воспитывают их в другом вероисповедании, за это подлежат...» – и мера наказания.

Следователь спросил меня, считаю ли я себя виновным на основании этой статьи? Я отрицал. Если бы я был православным и воспитывал бы своих детей по-баптистски, то тогда, конечно, я бы был виновен, а так как я баптист, то и воспитываю своих детей в той религии, к которой принадлежу сам. Следователь, конечно, высказал, что и религия, и совесть человека не позволяют учить детей не своей религии. И тогда это дело разрушилось.

Местное духовенство и ревнители православия со всей злобой старались искоренить баптизм, дабы не мешал правоверным жить свободно. И вот, как хищная птица летает с одной стороны на другую, ища подходящей пищи, так и враги наши начали порхать по разным законам, ища подходящие статьи или подводя их под нашу категорию. К тому же подыскивали свидетелей и дознавались: где, кто, когда, с кем и о чем говорил и т. п. Ловушек такого рода было достаточно, для того чтобы осудить и сослать.

И вот в 1889 г. был прислан к нам в хутор судебный следователь по важным делам господин Калальницкий, и начались спросы и допросы.

Достаточно было подстрекательства казака Виктора Васильевича Костромина и священников Петра Михайленко и Александра Радионова, и нас предали суду за распространение молокано-баптистской секты. В это время всякий донос на христиан-баптистов был показанием. Это обстоятельство походило на первохристианские времена, когда доносы на христиан являлись прибыльным ремеслом, потому что доносчики получали часть имущества осужденного. Христиан отдавали львам и пантерам на съедение, а имущество оставалось доносчикам.

В наше время детей отдавали православным пьяницам на опеку, и они работали для чрева своих опекунов. Имущество христиан также стало жертвою их неряшливости и алчности.

На 14 мая 1890 г. нам нужно было найти адвоката. Нашли полковника Грекова, который и на суд не явился, а прислал своего помощника Русецкого. Какая могла быть защита, когда ссылка нам была заранее приготовлена, как видно было из дела?

И вот настал момент суда. Вывели нас девять душ: меня, П. Л. Костромина, П. З. Ращева, казаков Прокофия и Николая Кундраковых, П. И. Ермакова, С. Ф. Маркова, В. В. Лукьянова и его жену Пелагею.

Новочеркасский окружной суд с участием присяжных заседателей осудил шесть человек, лишив всех прав состояния, и сослал в Закавказский край за распространение молокано-баптистской секты. Троих оправдали – они отреклись от веры, остались православными.

(Вестник спасения, № 1–2, 1975)

Как только осудили меня и моих товарищей, то сейчас же заковали нас в железные кандалы и заключили сначала в Первую донскую окружную тюрьму. Для чего держала нас тюремная администрация закованными – я до сих пор понять не могу. Может быть, для того чтобы мы привыкли ходить в кандалах и могли совершать большие переезды из тюрьмы в тюрьму, или же считали нас за важных и опасных преступников, а быть может, просто для внушения страха другим сектантам.

(Баптист, № 9–10, 1914)

И вот, на третий день нашего заключения заявляется к нам в тюрьму урядник Михаил Стефанович Дьяконов. При осуждении нас он был присяжным заседателем. Он принес записку и три рубля денег. В записке он писал: «Дорогие друзья, извините меня, что вас напрасно осудили. Я не один, а нас двенадцать человек, и нас просили батюшки Петр Михайленко и Александр Радионов, чтобы вас сослать, а деньги примите на чай и не считайте меня за врага-каина. М. С. Дьяконов, 1890 г., 17 мая».

(Вестник спасения, № 1–2, 1975)

Спустя некоторое время нас препроводили в Новочеркасский тюремный замок, где каждому обрили половину головы и облекли в арестантские халаты.

(Баптист, № 9–10, 1914)

Там мы жили свободно, так как смотритель был очень хороший. Нам разрешили читать Слово Божье. Причем нас окружали благомыслящие, посаженные за разные проступки, С. В. Скрытченков, Тимофей Кравцов, Платон Пономарев, Н. И. Макаренков –

шестнадцатилетний юноша. Они начали с нами разделять братские беседы, так что по выходе их из тюрьмы и возвращении нас из ссылки нам было чему радоваться. Скрытченков освободился и пошел в свое село. Там он начал проповедовать Евангелие и образовал общину. Пономарев стал проповедовать в станице Камышевской, где обратилось двенадцать душ. Кравцов в Старобельском уезде нашел четырнадцать душ, а Макаренков в слободе Орловке и ее окрестностях приобрел несколько десятков душ.

Мы написали прошение в кассационный департамент Правительствующего сената об освобождении, но он утвердил приговор окружного суда. Жены наши подали прошение наказному атаману войска Донского о желании следовать за нами совместно с детьми. Наказной атаман женам разрешил, а детям отказал.

Жены наши не могли расстаться с детьми, потому что эти невинные крошки были бы отданы на опеку безнравственным пьяницам за то, что отцы их исповедуют Иисуса Христа...

(Вестник спасения, № 1–2, 1975)

Здесь мы тоже недолго пробыли, и в скором времени решено было отправить нас этапом в Закавказье по следующему маршруту: Ростов, Новороссийск, потом морем до Батуми, а оттуда в Тифлис. Братья и сестры тифлисские посещали нас в тюрьме по воскресным дням.

Из Тифлиса отправили нас в Елизаветполь, где, по сравнению с прочими арестантами, мы почувствовали себя менее стесненными и могли свободнее вздохнуть, ибо по приказанию тюремного смотрителя нас освободили от оков, поместив среди семейных заключенных.

Так проходили дни за днями, пока нас снова не погнали из Елизаветполя к месту нашей ссылки в Герюсы через г. Шушу. На станции Евлах нас встретили двое братьев из армян. Они утешали нас в наших скорбях, сообщив, что в Шуше есть братья-армяне.

В Герюсы мы прибыли на первый день Пасхи. Нас препроводили в уездное управление, где удостоверили нашу личность и отпустили на свободное проживание. Надолго останется мне памятным посещение брата Капустинского, сосланного сюда за ту же «пропаганду». Несмотря на то, что названный брат жил в мрачной сакле, изобиловавшей множеством насекомых, нам после тюремной обстановки показалось, что мы сидим в каком-то дворце.

Меня назначили старшим над остальными ссыльными, приказав являться ежедневно по утрам в полицейское управление с докладом.

(Баптист, № 9–10, 1914)

Герюсы – армянское местечко – окружено со всех сторон высокими горами. Горы частью покрыты хвойными лесами, и там же протекает очень бурная речка. Она берет свое начало высоко в горах, покрытых вечными снегами. Среди этих гор нас и поселили, более двухсот мужчин и женщин разного возраста.

Заработков там нет никаких. Хотя и есть пахотные участки, но очень малые и неудобные для хлебопашцев, а жить надо. Кроме того, разлука с семьями отражалась на нас так, что горестям нашим не было предела.

А что пережили дома жены с малютками?! У меня осталось шесть сыновей и две дочери, жена, престарелая теща. Самому старшему было шестнадцать лет. Отца нет, он страдает, а темный люд делает из семьи зрелище. И за что? За то что не по их вкусу молятся Богу: бей их, они не наши! И этого мало.

Когда жену мою вызывали в станичное правление, то опекун, брат мой по плоти, с родственником нашим насмехались над нею и говорили оскорбительные слова. Праведен суд на таковых.

Прибыли в Герюсы. О нас узнали молокане из села Базарчай, и так как их предки тоже были сосланы сюда, то они прониклись состраданием. Они собрали, кто что мог, по силам, и представили нам для раздачи. Все это привез старшина Тимофей Космынин. Когда об этом узнал уездный начальник Сущевский-Ракуса, то призвал Космынина и дал ему нагоняй:

– Зачем ты привез этим людям дары? Ты знаешь, что их прислали сюда не кормить, а голодом морить?! Если только ты позволишь еще сделать так или будешь сообщаться с ними, то я тебя загоню туда, где Макар телят караулит.

Вот как мы были дороги в глазах местной администрации! Я уже писал выше, что занятия на месте ссылки никакого не было и кормиться было нечем. Но мы знали, что Искупитель наш жив. «Кто приготовляет во́рону корм его, когда птенцы его кричат к Богу, бродя без пищи?» (Иов. 38, 41). «Близок Господь ко всем призывающим Его...» (Пс. 144, 18).

Как-то раз лежу я с братьями ночью в квартире, где нас было

пять человек. Приходит Никита, брат из Волынской губернии, стучится в двери. Я отозвался.

– Иди, Федот Петрович, тебя брат Сазонт Евтихович Капустинский зовет, там какие-то гости приехали к нам.

Я встал. Встал также и брат Петр Иванович Ермаков и изъявил согласие пойти со мною.

Тьма, зги не видно, а квартира наша под горой, и от этого было еще темней. Но все-таки, хотя и с трудом, мы дошли до караван-сарая. Отворили двери. Глазам нашим представилось какое-то неприглядное помещение. При тусклой лампочке сидят и беседуют брат Капустинский и приезжий брат Сумбат Багдасарянц. Войдя, поприветствовались. Брат Багдасарянц к утешению нашему сказал кратко:

– Дорогие братья! Не думайте, что Господь забыл вас! О нет! Он и скоту дает пищу, и птенцам ворона, взывающим к Нему. Он через детей Своих, а наших братьев, прислал вам нужное и потребное для жизни и для сохранения ваших душ.

Мы, не выдержав столь трогательного и утешительного для нас слова, пали на колени и стали со слезами благодарить Господа, что Он по Своей великой милости не лишил нас Своих благодеяний.

Брат Багдасарянц записал нас и всех страждущих, находящихся с нами в Герюсах, и здесь по указанию нашему разделил пожертвования и передал их нам для раздачи каждому на руки без объяснения от кого, а прямо сказал: «От Господа!»

Этот дар от Господа многих ободрил, и мы радовались и благодарили Бога.

От невыносимой скуки и безработицы мы, несколько человек, подали прошение Елизаветпольскому губернатору. Он перевел нас 21 августа 1891 г. в город Шушу Елизаветпольской губернии, а брата Ивана Дементьевича Лясоцкого – в Карабулак.

В г. Шуше я три с половиной месяца работал писарем в уездном управлении с оплатой 10 рублей в месяц. Когда об этом узнал губернатор, то приказал уволить меня с должности. Уволенным я был недолго – меня встретил начальник Шушинской почтово-телеграфной конторы и пригласил на почтовую станцию заведующим. Платили по 15 рублей в месяц и три фунта хлеба в сутки, квартира с отоплением и освещением. Я прожил таким образом около двух лет. В 1893 г. меня по ходатайству местного священника О. Леадзе перевели в г. Артвин Кутаисской губернии.

11 мая 1893 г. на основании циркуляра военного губернатора я был арестован и отправлен этапным порядком. Вещи мои и деньги, 67 рублей, были переданы сестре Марфе Однодолько. Она передала их в Тифлис брату Сосину. Когда я был там в тюрьме, то местные братья меня посещали по воскресеньям и приносили сахар и чай. При отправлении меня из Тифлиса брат Сосин принес мне на вокзал деньги, но я взял лишь семь рублей, а остальные просил переслать в город Артвин.

(Вестник спасения, № 1–2, 1975)

Из Тифлиса до Батуми я был переправлен по железной дороге. Дальше меня отправили пешком с полицейским из турок. На меня взвалили мои вещи, сковали руки кандалами, а плечи связали веревками и таким образом вели трое суток. Мой страж, турок, тащил меня прямой дорогой по крутизнам так, что я непрестанно подвергался опасности, боясь упасть, но благодаря Господу прибыл благополучно в г. Артвин.

Там меня представили начальнику Артвинского округа князю Эристову. Когда князь взглянул на меня и увидел на руках железные оковы, то закричал на стражника:

– Что, он – животное что ли? Зачем вы заковали его? Расковать сейчас же! – И меня освободили от оков.

Тогда я обратился к князю с просьбой позволить мне у него заварить чай и напиться. По окончании чаепития меня отправили к приставу г. Артвина. Пристав подозвал одного грузина и говорит шепотом:

– Ты знаешь этого дедушку? Он имеет в Тифлисском коммерческом банке двадцать тысяч! Ты отведи его в кофейную Мамед-Эфенди и там накорми его.

Сказал он это с целью, чтобы меня приняли.

На другой день я нашел себе у армянина квартиру. Там я сильно заболел, так как кофейная имела трещины из клозета (уборной), через которые просачивалось зловоние, и я от этого заразился. Пристав, видя мое безвыходное положение и большую слабость, отправил меня в Кубанский лазарет для лечения. Когда об этом узнал священник Мамитов, то приказал сейчас же отправить меня обратно, мотивируя тем, что я буду совращать казаков в свою веру.

Такое гостеприимство меня нисколько не опечалило. Наоборот, я

ободрился, так как знал, что Господь Иисус Христос тоже был пренебрегаем. И я сказал:

– Нет, я теперь не буду принимать никакого лекарства, Господь – мой Целитель. – И я остался у турка Мамед-Эфенди в кофейной.

Иду я однажды по базару, зовет меня один армянин к себе в лавку и спрашивает:

– Зачем ты сюда попал?

Я объяснил, что я – казак и что сослан сюда за религиозные убеждения. Погос Пилосян – так звали армянина – спрашивает меня:

– А деньги есть у тебя?

– Нет,– говорю я.

– А что же ты будешь кушать?

– Что Господь пошлет, то и буду.

Тогда Погос позвал армянина Алексея, который готовил кебаб (закавказское кушанье из мяса), и говорит:

– Он будет у тебя кушать. Ты давай ему и записывай. Если он не заплатит, то я заплачу.

Так я ходил кушать к Алексею. Мне стало до того переживательно, что я пошел, пал на колени и со слезами благодарил Господа за то, что Он пробудил сострадание в этом милостивом самарянине. Мне вспомнилось стихотворение: «При пути опасном страдалец лежал...»

Денег у меня не было, а корреспонденция моя была вся подчинена контролю жандарма. Всякое письменное сообщение мне было совершенно запрещено.

Однажды получаю через руки письмо из Тифлиса от брата Сосина. Он пишет, чтобы я взял на почте 60 рублей, им посланных. Я пошел и спросил об этом начальника почты господина Тухорелли. Он сказал, что деньги получены, но выдать их мне не могут. Я поинтересовался:

– Почему?

– Вы должны знать, что ваша корреспонденция вся подчинена контролю, и без разрешения я вам не могу выдать деньги.

Он посоветовал мне написать письмо к жандармскому полковнику с просьбой о выдаче денег. Я написал письмо и принес к начальнику. Он прочел и одобрил, и таким образом письмо было послано.

Через неделю прихожу я на почту. Тухорелли, бедный, сам не в себе и говорит мне:

– Вот так, наделали делов! Я из-за вас подвергся опасности, и неизвестно, что будет за то, что я объявил вам секрет, что ваша корреспонденция контролируется.

Его скоро уволили, а деньги через четыре месяца были отправлены обратно. Братья, не желая подвергнуться опасности, не получили их, и деньги были обращены в пользу казны. Во время этих мытарств с деньгами я питался за счет Погоса Пилосяна.

Однажды лежу в квартире и слышу: кто-то бежит по лестнице наверх (я жил на четвертом этаже), стучится. Я откликаюсь:

– Кто там?

– Отвори,– слышу голос Погоса.

Входит и несет в руках письмо, адресованное на мое имя, подписанное карандашом. Распечатываю и читаю: «Дорогой брат Федот Петрович! Если нуждаешься в средствах, то пиши, я пришлю. Адрес: Баку, Газар Арушанов». Эти нежные строки простого письма меня поразили, я пал на колени, со слезами благодарил Господа за неизреченный Его дар и за то, что Он не оставил меня без внимания.

Я написал письмо и через короткое время получил для себя потребное. В письме между прочим он писал: «В получении денег сообщи, а когда будет еще нужда, пиши, я помогу». Тогда я сообщил ему, чтобы письма адресовали на Погоса Пилосяна, а не на меня.

Болезнь же все продолжалась, и я с великим трудом выходил на улицу. И вот она меня свалила окончательно. Однажды, это было 15 марта, но год позабыл, часов в 10 утра, я лежал больной, вдруг чувствую – меня раздевает чья-то рука и торопит, чтобы я встал. Я пришел в себя, озираюсь и спрашиваю:

– Что вам нужно?

Жандармский офицер вежливо обращается ко мне:

– На основании закона и по воле начальства я пришел сделать у вас обыск.

На все просьбы оставить меня в покое он не обращал внимания. Меня раздели почти донага и ощупали все швы нижнего белья. Потом собрали мои книги, братские письма и разные черновые наброски прошений – словом, все бумаги. Принесли огромный лист хлопчатой синей бумаги и завернули все мои вещи. Потом запечатали все своей печатью, а также спросили и мою именную печать. Пригрев сургуч, запечатали и предложили мне, чтобы я все осмотрел хорошенько, после чего они взяли все и унесли, а меня оставили в покое.

Утром на следующий день прислали за мною полицейского урядника, дабы я шел к ним. Прихожу к окружному начальнику, князю Эристову, в дом, где собрались в столовой все начальствующие лица артвинской администрации во главе с жандармом. Когда я пришел, мне подали стул и предложили сесть. Я сел. Затем жандармский офицер предложил мне осмотреть печати, которыми они опечатали мои вещи. Я осмотрел и заявил, что все в целости. Меня заставили сломать печати. Когда книги и бумаги были открыты, то они в присутствии моем начали их просматривать. Две Библии, один песенник и некоторые книжки сейчас же передали мне, а письма и другие бумаги оставили у себя. И вот при чтении письма брата Николая Кондракова жандармский офицер спрашивает:

– Что это он тебе пишет: «Если нуждаешься в средствах, то пиши в кассу». У вас есть касса?

– Есть!

– А где она у вас?

– В кармане у каждого брата.

– А как это в кармане?

– Да так: брат нуждающийся напишет, что он в нужде, а братья соберут, кто сколько даст, и отошлют.

– Удивительный народ! Никогда у них не добьешься, чтобы они выдали своих,– заметил князь Эристов.

Потом стали читать письмо Сергея Алексеевича Акимочкина, в котором между строк он вставил букву «с». Жандарм спрашивает:

– Что означает буква «с»? Как вы понимаете?

– Не могу знать, ваше благородие.

– Да как же ты не знаешь? Ведь она тебе писана, а по смыслу она подходит к слову «сатана». Вы со мной согласны, князь Эристов?

Эристов в знак согласия кивнул головой, а жандарм обращается ко мне:

– А вы?

– Не могу утвердительно сказать, как бы не подпасть в погрешность, ибо я не очень-то грамотный.

При этом князь Эристов заметил:

– Удивительно, какие в этих письмах выражения умные и поучительные!

Пересмотрев все бумаги, жандарм сложил их в один пакет и взял с собой. Жандармский офицер составил акт обыска со своим заклю-

чением, что не нашел ничего подозрительного или предосудительного, причем мне предложено было расписаться. После этого меня отпустили на квартиру.

Пристав г. Артвина пригласил меня в канцелярию писарем, и я занимался этим делом, получая счета ничтожного жалованья на чужое имя. Исполнял я и должность секретаря, а так как все бумаги отсылались в полицию и шли через мои руки, то попадались и секретные документы, циркуляры по поводу наших стеснений и надзоров. Я таковые переписывал и отправлял в Россию, а оттуда их направляли в журнал «Беседа».

Эти секретные бумаги достигли Министерства внутренних дел, которое написало в Закавказский край расследование: кто виновник открытия секрета о сектантах? Тогда Кутаисский военный губернатор сделал распоряжение и послал правителя канцелярии Г. Парманова обыскать меня. У меня нашли набросок циркуляра на клочке бумаги. Парманов не стал далее разбираться и составил акт о предании суду артвинскую администрацию: князя Эристова, помощника Каберния,– а приставу посоветовал подать в отставку, меня же велел уволить из канцелярии, как не имеющего права занимать должности.

Однажды я пришел обедать в кофейную и увидел русского человека, босого и голодного. Я пригласил его покушать, и он охотно согласился. Я спросил:

– Как твое имя?

– Иван Бельчиков,– объяснил он мне. – Занятие мое – столяр.

Он рассказал мне о своем положении и о том, что завлекло его сюда. Как оказалось, он много пьет водки и через нее страдает безмерно.

– Напрасно ты так поступаешь,– сказал я и начал в свою очередь говорить ему из Слова Божьего, а потом пригласил его к себе на квартиру.

Дома я попросил его, как молодого человека, поставить самовар, дабы совместно напиться чаю, на что Иван охотно согласился. Мы с ним при этом побеседовали. Так как Иван был грамотный, то я подарил ему карманный Новый Завет с Псалтирем. Получив его, Иван принялся читать. Затем по его просьбе я нашел ему работу в столярной мастерской по 80 копеек в день, а квартиру Иван с товарищем, своим собутыльником, нанял обок меня.

Иван днем работал, а вечером постоянно читал Евангелие.

Он оставил пьянство и курение табака, на что собутыльник его начал серчать. Через это у них вышла ссора, так что собутыльник заявил священнику Мамитову, что Костромин совратил Ивана в баптисты. Мамитов написал донос окружному начальнику, который приказал приставу произвести дознание по поводу совращения Бельчикова.

Бельчиков был допрошен помощником пристава Тер-Антоновым. Бельчиков объяснил ему, что Костромин его не совратил, а научил, как надо жить:

– Вы, господин пристав, видели, что я прибыл в Артвин босой и голый? Теперь, по совету Костромина, я обут и одет, а кроме того, я теперь пьянство и курение, как видите, оставил.

Но все-таки пристав взял подписку с Бельчикова, чтобы он непременно на первой неделе поста говел. Отговевши, Бельчиков больше не пошел в православную церковь.

Через продолжительное время встречается со мной священник Мамитов с доктором Виктором Митрофановичем Димковичем. Священник едет на лошади впереди, а доктор сзади. Увидев меня, священник возвысил голос:

– Здравствуй, милый Федот Петрович, я тебя люблю! Как ты поживаешь? Почему не заходишь ко мне? Я овдовел, да и ты без жены. У меня пообедали бы совместно.

– Благодарю вас за приглашение. – Я вижу, он выпил. – Я охотно бы посещал вас, да боюсь, не поладим. – Кроме того я сказал ему: – Благодарю, что вы любите меня, однако из лазарета меня-то больного приказали вывести.

– Да ведь это не я, а доктор.

Доктор, слыша это, говорит:

– Врешь, это ты!

Священник начал уклончиво, елейным голосом:

– Да, Федот Петрович, это я по обязанности, как пастырь, дабы мне не было греха. Ведь доктора могли по ошибке отравить вас, а грех-то остался бы на мне. – И они поехали в свое место.

В другой раз встречается тот же священник, тоже верхом на лошади, выпивши, и опять ко мне:

– О, здравствуй, Федот Петрович! Я вас люблю!

– Благодарю за любовь.

– Только ты нехороший человек. Ты совратил Ивана Бельчикова в свою веру.

– Да кого же сюда хорошего сошлют?

Я знал, что и его сюда выслали за нетрезвую жизнь, а потому спросил:

– Вы давно ли сюда прибыли?

– Что-то плохо помню... Лет шесть-семь.

– Вы за это время сколько могли отвратить пьяниц от пьянства? В таком случае, я Бельчикова не совратил, а научил.

В г. Артвине мне жилось как-то скучновато. Да и как же не скучать-то без жены и семейства, да еще и без работы! В 1895 г. приехала ко мне жена с зятем и погостили у меня одиннадцать дней. Посоветовавшись, мы решили ходатайствовать перед начальством о выезде за границу, дабы быть вместе.

После отъезда жены я ходатайствовал, но безуспешно, а потом, 10 февраля 1898 г., подал прошение начальнику Артвинского округа. В десятый день июля 1898 г. мне было разрешено выехать за границу с женою Прасковьей Ивановной и тремя сыновьями: Андреем, Иваном и Василием. Въезд в пределы Российской империи запретили навсегда. Таким образом 10 ноября 1898 г. я выехал в Румынию, в г. Тулчу, а оттуда – в Болгарию, в г. Бургас.

В Бургасе жена моя постоянно сокрушалась по родине, так как там остались еще три сына и две дочери. Я, видя ее сокрушение, начал ходатайствовать о возвращении на родину, несмотря на то что меня исключили из русского подданства на основании высочайшего повеления.

Скоро я стал известен одному брату в Болгарии, Стефановичу, который письменно познакомил меня с несколькими нашими эмигрантами. От некоторых я получил письма.

Анна Константиновна Черткова советовала написать прошение на имя Ее императорского Величества Марии Федоровны. Получив такой совет, я тот же час написал и послал прямо Чертковым в Англию, а свекровь их, Елизавета Ивановна, поехала в Санкт-Петербург и лично подала мое прошение.

Елизавета Ивановна прислала письмо и утешала меня: «Дорогой брат, прошение твое я подала удачно, в руки самой Государыни, которой я сама прочла и рассказала все, что знала о вас. Но утвердительно не могу сказать, что разрешат. Это нужно ожидать от Господа».

Таких прошений за короткое время я послал не одно. В 1905 г. получаю от Анны Константиновны Чертковой письмо, в котором

она советует съездить к консулу или написать ему просьбу о выдаче семейного паспорта для возвращения на родину. Затем, по ее же совету, я послал прошение министру внутренних дел, на которое получил положительный ответ, а 10 января 1906 г. я выехал из г. Бургаса в Россию и прибыл на родину 25 января 1906 г. со всем семейством.

В марте я получил от русского консула бумагу, что на основании п. I именного высочайшего Указа от 25 июня 1905 г. я получил полное помилование.

(Вестник спасения, № 3–4, 1975)

Вернувшись на родину, Федот Петрович продолжал служение Господу. Журнал «Баптист» писал о нем следующее:

Собеседование православных с баптистами на Дону

30 мая все братья и сестры, находящиеся в нашем районе и принадлежащие к нашей общине евангельских христиан-баптистов, должны были съехаться в Камышевскую станицу для преломления хлеба. Так как это было назначено за месяц раньше, то это дело огласилось – именно, что баптисты будут совершать преломление хлеба в Камышевской станице. Об этом узнал, конечно, и местный священник, который не мог ничего более сделать, как пригласить к себе телеграммой миссионера Аркадьева, дабы он провел с нами публичную беседу.

К этому времени, 29 мая утром я отправился в станицу Николаевскую, где взял на подводу своего брата Федора Костромина и отправился с ним в станицу Камышевскую. На пути нас известил один человек, что нас ожидают православные камышевцы. 30 мая у них должен был состояться акт в церковно-приходской школе, но они отложили его на другое время и ожидают нас. Для встречи с нами прибыл и миссионер. Мы ехали и рассуждали с братом, что у нас нет способных вести беседы, но если это от Господа, то Он и даст «утомленному силу».

По прибытии в станицу Камышевскую мы известили о приезде миссионера братьев, которые об этом еще не знали. Мы с братом отдохнули на квартире порядочно, так как приезд наш был раньше

других. Вдруг смотрим – едут и наши братья. И что же? К нашему удивлению, с ними приехали гости – возлюбленные братья Лаврентий Сидорович Щулкин и Дементий Филиппович Александров. Вдруг у меня рисуется в голове: Господь, видя приготовление православных и заботу их о защите своего учения, посылает сильных ратоборцев защищать истину!

Камышевские братья к нашему приезду сняли дом для собрания. В это время местный священник, будучи извещен о нашем приезде, присылает казака и предлагает для собрания училище при нашем пожелании, а через несколько минут присылает еще двух и опять предлагает училище, а затем станичный атаман присылает полицейского, и тот приглашает в управление проповедников, без которых ему приказано и не являться. Тогда братья Дементий Филиппович Александров и Иван Прокофьевич Кундрюков отправились в управление, где находился уже и миссионер Алексей Осипович Аркадьев.

Атаман спросил:

– Для какой цели вы приехали сюда?

Они ответили, что прибыли по приглашению братьев для преломления хлеба.

Атаман сказал:

– Если вы дадите слово, что будете беседовать с нашим миссионером публично, то я разрешаю открыть собрание в нанятом доме, а если нет, то воспрещаю. А в своем доме,– добавил он,– у кого-либо из братьев ваших, собираться можете. Это дело не мое.

Тогда Д. Ф. Александров и И. П. Кундрюков дали слово посоветоваться с братьями и дать ответ. Открывать собрание атаман не позволил впредь до получения от нас ответа.

Посоветовавшись, мы решили и поручили вступить в беседу брату Дементию Филипповичу, на каковое и он изъявил согласие. О своем согласии брат Дементий Филиппович написал миссионеру записку следующего содержания: «На ваше предложение побеседовать я согласен в 4 часа пополудни. Предмет беседы: „О святом приобщении“, условия известны».

Об условиях, конечно, когда они были в управлении, говорили, что будут беседовать по 20 минут, каждый по три раза, и чтобы, как с нашей стороны, так и с их стороны, посторонние не вмешивались, и говорить каждый должен по три раза.

В 10 часов утра пришли мы в нанятую квартиру в доме Чеснокова.

Тут брат Александров получил ответ от миссионера Аркадьева, который предлагал беседу в 12 часов, а в 11 часов начнется звон колоколов. В записке миссионер писал: «Я не знаю, почему вы оттягиваете беседу до 4 часов. Это с вашей стороны некорректно». Брат Александров ответил ему: «Беседовать ранее 4 часов мы не придем, и нехорошо вы сделали – не условившись о беседе, объявили народу». Тогда миссионер пришел сам лично в собрание и снова начал предлагать начать беседу в 12 часов, а притом стал упрекать:

– Вы имеете хитрость, ведь вы побудете несколько часов и уедете.

Но братья не соглашались ранее 4 часов, так как было уже 11 часов. При начале своего собрания мы пропели одну песнь. Миссионер стал запрещать открывать собрание, отчего произошел шум, так что миссионер повелительно закричал своим православным:

– Идите за атаманом! Мы составим протокол на то, что они открыли собрание в частном доме. – А к нам обратился со словами: – Вы не смеете уходить до прихода атамана.

Тогда мы, ввиду неприятности и угроз миссионера, вынуждены были оставить этот дом и уйти в дом брата Ивана Филипповича Тарарина, где открыли собрание и совершили преломление хлеба. Туда к нам явился вышеназванный миссионер, но уже в другом обличье. По окончании собрания он опять начал предлагать беседу уже не в 12 часов, а, соглашаясь на наше предложение, в 4 часа. Но брат Александров отказал за его нехорошее отношение к делу беседы, так как он вел себя не как миссионер, а как уличный мальчик и по окончании собрания начал кощунствовать, насмехаться над нашим богослужением и над преломлением хлеба. Он говорил:

– Я сам обезьянничал, как вы, пятнадцать лет.

Около 2 часов брат Александров получил от станичного атамана записку следующего содержания: «Дементий Филиппович! Согласно данной вами подписки г. миссионеру, прошу вас пожаловать для беседы в церковно-приходскую школу в 4 часа дня, а если не заняты, то сейчас же. Звон на беседу уже начался. Нужно иметь в виду, что сектантам публичная проповедь запрещается законом, и вы неправильно поступаете, нарушая закон вашей беседой – публичной проповедью. Прошу не вынуждать меня по обязанности составлять протокол об этом нарушении закона. 30 мая 1910 г., ст. Камышевская. Станичный атаман Козьмин».

К 4 часам мы явились на беседу, которая состоялась за церков-

ной оградой, где нас ожидала многолюдная толпа. Как и условились, говорили по 20 минут. Начинал беседу брат Александров, и каждый говорил по три раза. Предмет беседы: «Преломление хлеба».

Миссионер в своей вступительной речи изъявлял согласие говорить о Божественной стороне причастия, так как он разделял его на Божественную и обрядовую стороны. Об обрядовой стороне почему-то миссионер не желал говорить, а только о Божественной, так как обрядовую сторону он считал второстепенной, а потому отлагал ее до конца беседы.

Александров изъявил желание, чтобы православный миссионер объяснил, как у православных совершается приобщение. На это миссионер долго не соглашался, сказав народу, что он знает цель Александрова: он спросит, почему употребляется смешение хлеба и вина и на каком основании пасхальный агнец прободается копьем. Наконец миссионер все-таки согласился беседовать по этим вопросам. Беседу православные открыли пением «Царю Небесный», затем брат Александров молился о ниспослании силы свыше.

Первая речь была брата Александрова на тексты: Лук. 22, 1–20 и 1 Кор. 11, 23–34.

Миссионер основывался на Иоан. 6: 51, применяя эту главу к приобщению, а также 1 Кор. 10, 6.

Во второй речи Александров доказывал, что 6 главу Евангелия Иоанна нельзя применять к приобщению, что есть Плоть и пить Кровь нужно не устами, а верою (ст. 35 и 36).

Между тем Александров спросил миссионера:

– Закалываете ли вы агнца?

На это миссионер ответил отрицательно. Тогда Александров открыл книгу «Новая скрижаль» и начал читать, как закалается агнец у православных и прободается копьем в ребро, отколь делается ссылка на Книгу пророка Иезекииля 11, 19.

Александров начал разъяснять и указывать на те факты, что православное духовенство воспоминает действия тех людей, которые надругались над Иисусом Христом, как то: Пилата, который умывал руки, и воина, который прободил копьем, и т. д., а что установлено лично Иисусом Христом, они отвергают.

Беседу кончили пением «Отче наш» совместно с гимном «За царя и родину» и разошлись по домам мирно. Толпа народа провожала нас до квартиры.

Казаки Камышевской станицы заслуживают справедливую похвалу, так как они вели себя очень сдержанно.

Из станицы Камышевской, по окончании преломления хлеба и беседы с миссионером Аркадьевым, мы отправились по домам. Но так как у нас были гости, то некоторые или большая часть осталась при них в станице Николаевской. А потом гости наши прибыли к нам на хутор Ганкин, где было несколько благословенных собраний, которые наполняли наши сердца радостью. Сюда явился и миссионер Аркадьев, следуя за нами по пятам. Он опять начал предлагать открыть публичную беседу, но братья не изъявили согласия, ввиду того что ко дню Троицы должны прибыть в станицу Николаевскую. И так прибыли на хутор Ганкин, где опять собрались около дорогих гостей все находящиеся в нашем районе члены общин: Николаевской, Камышевской, Богоявленской, хутора Савельева, Пирожки, Орловки, Золотаревки, Павлова и других мест.

За день до Пятидесятницы все были извещены, что будет собрание у баптистов. Тогда местный священник прислал одному из братьев официальное приглашение следующего содержания:

«Михаил Васильевич! Узнав о прибытии к вам приезжих проповедников баптизма из Казинки, Сибири и др. мест, чтобы устроить в станице демонстративное собрание (баптистов и православных) с целью пропаганды баптизма, причт местной церкви находит нужным просить ваших проповедников вступить безотлагательно в публичное собеседование по вопросам веры. Собеседование причтом назначено на завтрашний день, то есть 6 июня. Ваших проповедников просят предварительно указать время и тему собеседования. Народ желает беседовать о крещении младенцев и крещении вообще, а также и о других вопросах веры.

Почтительнейше просим ответить о желании ваших проповедников вступить в беседу. Всякое уклонение от собеседования будет понято и опубликовано как доказательство несостоятельности баптизма и боязни обнаружения недостатков и ложности баптизма. Священник Петр Дремачев. № 228, 5 июня 1910 г., ст. Николаевская».

С нашей стороны последовало согласие на беседу, которая была назначена на 4 часа дня 6 июня, на тему «Крещение младенцев».

В воскресенье утром, 6 июня, было благословенное собрание, на котором участвовали все состоящие в районе братья и ищущие Господа. Собрание началось в 9 часов утра и кончилось единодушною

молитвою в 11 часов. По окончании собрания двенадцать душ пришли к Господу.

После сего мы пошли на беседу. Для этой цели было отведено помещение школы, куда публика стекалась в большом количестве. Ровно в 4 часа прибыл и брат Александров. Жаждущих послушать собеседование было много. По условию, была открыта беседа со стороны православных пением «Царю Небесный», а с нашей стороны – молитвой брата Александрова о ниспослании силы свыше.

...Мы кончили беседу мирно, благодаря гуманности священников и казаков Николаевской станицы, которым мы сказали спасибо за скромность и сдержанность. Православные и мы в заключение спели «Отче наш» и разошлись.

Утром 7 июня при восходе солнца мы сошли к р. Дону, где брат Иван Прокофьевич Кундрюков совершил крещение над двенадцатью вновь принятыми душами. Публики при крещении было немного.

Федот Петрович Костромин
Хут. Ганкин, ст. Николаевская, на Дону
(Баптист, № 31, 1910)

10 мая 1913 года Федот Петрович лишился своей верной подруги Прасковьи Ивановны, ушедшей в вечность на шестьдесят седьмом году жизни. Брату в то время исполнился семьдесят один год. Кончина самого Федота Петровича неизвестна, поэтому повествование об этом герое веры хочется закончить его словами:

И доныне Господь не оставляет меня, все посещает испытаниями, и я не имею пристанища и покоя. Конечно, я разумею, что Господь желает переплавить меня, чтобы я вышел, как золото. Мне приходится размышлять: как это я скорблю, переношу страдания, а нечестивые благоденствуют в веке сем и живут спокойно? И я думаю, что ни одна слеза наша не осталась неотмеченной у Господа!

Господи, приди, помоги, успокой остатки дней моей жизни и утешь в скорби, ибо я на Тебя уповаю, так как у Тебя запасы всяких благодеяний для удовлетворения надеющихся на Тебя! Аминь.

Ф. П. Костромин
(Вестник спасения, № 3–4, 1975)

ГОНИМЫЙ ЗА ВЕРУ

Егоров родился в 1860 году в Московской губернии, в деревне Строково. Оставшись сиротой, он с 13 лет скитался по чужим людям, работал батраком. Еще подростком он попал на железную дорогу, где самоучкой прошел грамоту, постепенно дошел до должности железнодорожного мастера и зажил самостоятельно.

Однажды Егоров сильно заболел и пролежал в постели несколько месяцев. Будучи с самого детства религиозным, он серьезно задумался о загробной жизни. Он ощущал страх при мысли, что может умереть в грехах, а потому дал обещание Богу, что если останется жив, то совершит далекое путешествие в святые места.

Оправившись от болезни, Егоров посетил Палестину, Киев и другие места. Пройдя сотни верст пешком, он вернулся домой с неудовлетворенной, томящейся в грехах душой.

Как-то вечером, идя с работы, Егоров зашел в чайную. Владелец чайной Бабенков, знавший о путешествии Егорова, подошел к нему с Библией и показал несколько мест, говорящих о том, как надо искать спасение и что прощение грехов нисколько не зависит от паломничества. Егоров слушал молча, он сильно разобиделся на еретика и дал себе слово ни за что не заходить в чайную.

Однако не прошло и двух недель, как Бабенков, увидев идущего по станции Егорова, начал усиленно звать его к себе. Егоров всеми силами старался отвязаться от него, но в конце концов настойчивость Бабенкова заставила его зайти в чайную. Опять Бабенков взял Библию, опять начал говорить о покаянии. Когда же он прочитал места, из которых следовало, что иконам не следует поклоняться, возмущенный Егоров заявил:

– Довольно! Не хочу больше слушать! Я никогда не читал Библию, да это и не наше дело. Дайте мне карандаш, я запишу все места, которые вы читали, куплю Библию, но только православную, и, если найду в ней все, что вы читали, тогда поверю.

Егоров отправился в книжный магазин покупать Библию. Каково же было его удивление, когда, придя домой и раскрыв страницы Библии, он нашел все, что читалось в чайной! С этого момента у Егорова начались дни тщательного изучения впервые читаемой им книги.

Прошло немного времени, и у него появилась вера, что прочитанные им слова есть слова Самого Господа. Ему стал ясным путь спасения, и чем больше он читал, тем светлее делалось у него на душе. Понял Егоров, что через веру и искреннее покаяние можно получить прощение грехов и жить жизнью истинного христианина. Став на колени перед Господом, он в глубоком сокрушении излил Ему свое сердце. Омылась душа Кровью Агнца и родилась для новой жизни. Исцелился Егоров от многих пороков. Вскоре он снял в своей избе иконы и начал молиться живому Богу.

Весть о непонятной перемене Егорова быстро облетела его соседей, и ему дали прозвище «еретик». Жену его стали упрекать, что она не сохранила иконы, а детей на улице дразнить «новой верой». Егоров же с каждый днем, читая Слово Божье и имея близкое молитвенное общение с Господом, все больше и больше укреплялся в вере.

– Добрый человек, пустите переночевать! На поезд запоздал, а обратно в деревню идти далеко,– услышал как-то у дверей своего дома Егоров в один из темных дождливых вечеров.

Обрадовавшись, что предоставляется случай оказать человеку любовь и побеседовать с ним о Боге, Егоров принял путника. Обогрев и накормив его, Егоров открыл Библию и начал читать.

– А почему у вас нет икон? – спросил незнакомец.

Егоров прочитал ему из Евангелия Иоанна 4, 20–24.

– Так-так, правильно писано. Это все попы ввели людей в заблуждение, научили народ кланяться дереву,– начал он поносить духовенство. – На одну веревочку их всех, да и потопить-то не жаль.

– Зачем поносить? Не христианское это дело,– останавливал его Егоров.

Но гость не унимался. Как ни старался Егоров говорить с ним о Господе, незнакомец засыпал его вопросами о духовенстве. В сердце Егорова шевельнулось недоверие: «Что это он все выспрашивает?»

Ночью гость собрался уходить.

– Куда это вы? – спросил Егоров.

Но вместо ответа он услышал, как хлопнула дверь.

Через несколько дней после беседы со странным посетителем Егоров получил от начальника телеграмму: «По вызову главного мастера немедленно явитесь на станцию Чусовую». Егоров прямо

с работы, с закопченным лицом и в вымазанном мазутом костюме, поехал на вызов. Встретив Егорова, начальник заявил:

– Вы получили телеграмму в искаженном виде. Не мастер вас вызывает, а православный миссионер, который приехал из Перми, чтобы устроить для вас публичное увещание в присутствии рабочих, служащих и местных жителей.

Егоров удивился. С печалью он вспомнил, что меч для защиты (Библия) остался дома. Почувствовав себя беспомощным, он обратился к Господу с просьбой дать ему мудрость для ответов. Успокоившись, он вышел на перрон и стал ожидать предстоящее собеседование. Стрелка вокзальных часов приближалась к двум, когда мимо Егорова потянулась вереница лиц в здание диспута.

Наконец показался миссионер в сопровождении местного священника и двух жандармов. Через несколько минут жандарм пригласил Егорова в зал. Открыв двери, Егоров увидел многочисленную толпу, глаза всех были устремлены на него. Впереди за столом, на котором лежали пять толстых книг, сидело духовенство. Расступившаяся перед Егоровым толпа осыпала его насмешками. До его слуха при общем шуме долетали отдельные слова: «еретик», «святой», «богохульник», «иконы потоптал», «неуч», «даже против священника пошел»...

Миссионер пригласил Егорова сесть рядом.

– По какому делу вы меня вызвали? – спросил Егоров.

– Хотим всенародно побеседовать с вами, чтобы православные перестали смущаться вашей ересью.

Егоров попросил себе Библию.

– У нас нет Библии. Мы будем говорить с вами по этим книгам,– указывая на сборники по борьбе с сектантством, заявил миссионер.

– Ваше преосвященство, у меня дома есть Библия, может быть, принести ее? – предложил свои услуги жандарм.

– Не надо,– коротко ответил миссионер и обратился к Егорову: – Приступаем к беседе. Вы будете отвечать на вопросы перед народом.

«Господи, напомни мне Твои слова, помоги мне, малограмотному, постоять за истину библейских слов перед ученым духовенством!» – мысленно воззвал Егоров.

– Почему вы перестали почитать иконы? – спросил миссионер.

– Потому что Бога никто никогда не видел. Божество не подобно золоту или серебру, получившему образ от вымысла человеческого. «Не сотвори себе кумира»,– говорит нам заповедь Божья. «Бог

есть Дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине»,– вспоминая тексты из Священного Писания, ответил Егоров.

– А почему вы не поклоняетесь кресту? Этим самым вы попираете подножие Господа Христа.

– Во-первых, крест есть изделие рук человеческих, а во-вторых, крест для Христа был орудием позора. А где подножие Господа? Он говорит: «Небо – престол Мой, и земля – подножие ног Моих».

– Вы уподобляетесь татарину: не говеете, не причащаетесь, не ходите на исповедь.

– А как вы думаете, ежели меня Господь не простит, может ли священник простить мои грехи? – спросил Егоров.

– Конечно нет.

– Так вот знайте, что меня Господь простил, омыл Своею Кровью, избавил меня от пьянства, злоречия и всякого беззакония. Так зачем же мне идти на исповедь к батюшке? Один Ходатай у нас перед Отцом Небесным – это Сын Его, Христос,– засвидетельствовал Егоров.

Последовало длинное объяснение миссионера о кресте, иконах, исповеди и т. п.

– Зачем вы самостоятельно читаете Евангелие? Вы же малограмотный, и можете толковать Священное Писание, как вам нравится, и в этом заключается причина вашего отступления от истинной веры,– сказал миссионер.

– Прежде чем читать Слово Божье, я молюсь, чтобы Господь открыл мой ум к уразумению, а толковать я не толкую, потому что понимаю так, как написано, а чего не понимаю, то верю, что Господь откроет после,– сказал Егоров.

– Вот-те и неграмотный! Смотри, как знает Евангелие, какой начитанный! – крикнул кто-то из толпы.

Слушатели заговорили, зашумели – кто за Егорова, кто против него. Миссионер увидел, что приближается момент, когда ничем не успокоишь народ, и объявил:

– Беседа продолжится в следующий раз, а теперь будем расходиться.

– Отпускаете меня домой? – спросил Егоров.

– Да, поезжайте.

С легким, радостным сердцем и славословием на устах возвратился Егоров домой и обо всем рассказал своей недавно обратившейся

жене и единственному другу Бабенкову. Втроем они в горячих молитвах воздали Господу славу за проявленную Им силу.

А на другой день Егоров получил уведомительную записку об увольнении со службы, а также указание выехать в другое место.

* * *

Егоров переехал со своей семьей в г. Муром и провел несколько дней в поисках работы. Не успел он еще осмотреться на своем новом местожительстве, как местный следователь потребовал его к себе на допрос.

– Пожалуйста, изложите в письменной форме ваши религиозные убеждения. Паспорт свой оставьте у меня. Его возвращение всецело будет зависеть от того, как вы изложите свое учение. Без паспорта вы не сможете никуда поступить на службу,– сообщил следователь.

Пока Егоров шел домой, в голове его пронеслось много мыслей. Дома он сел за стол и написал: «Я верю во Христа как в личного Спасителя. Бог есть любовь. Если мы любим друг друга, то Бог живет в нас (1 Иоан. 4, 12). Иконе я не молюсь и рукою не крещусь, потому что Бог не требует Себе служения рук человеческих (Д. Ап. 17, 25). Признаю все написанное в Слове Божьем и верю всему, чему учит Бог».

Егоров подал следователю это объяснение, и паспорт ему не выдали.

Для семьи Егорова наступили тяжелые дни испытаний. Шестеро детей часто плакали от голода. Они жаловались, что мальчики на улице бьют их и называют басурманами и богохульниками. Егорову приходилось продавать вещи и кое-как существовать на вырученные деньги. Каждый день какая-нибудь вещь исчезала из дому. Дети ходили в оборванных платьях, спали на голом полу и питались одним картофелем.

Не с кем было Егорову разделить духовного общения, негде было послушать живого слова Божьего. Чтение и беседы с кем-либо в его доме были строго запрещены.

Несколько раз ходил Егоров к следователю с просьбой возвратить ему паспорт и разрешить выехать в другой город. После долгих ходатайств Егоров наконец получил паспорт. Поселившись в другом месте, он поступил на службу.

Не прошло и месяца, как местный следователь вызвал Егорова на допрос.

– Скажите, за что вы меня так преследуете? – спросил его Егоров.

– За то, что вы заделались еретиком, да еще и других совращаете. Перестаньте распространять свою ересь, иначе мы загоним вас туда, где некому будет говорить! Представьте мне свидетельство, что вы причащались,– заявил следователь.

От такого предложения Егоров отказался. На другой день он был уволен со службы и принужден вернуться в г. Муром. Здесь на него был составлен протокол, в котором его обвиняли в богохульстве, кощунстве и святотатстве. Было принято решение предать Егорова суду.

Потянулись долгие, томительные, голодные дни в ожидании суда. Куда бы Егоров ни являлся, везде ему отказывали в работе. Случайно попадавшиеся заработки кое-как давали возможность не умереть с голоду. Ходатайство, чтобы скорее разобрали его дело, осталось без ответа.

Проходил день за днем, месяц за месяцем, пришел к концу третий год, а суда все не было. Егоров выбился из сил, впал в уныние, ему начало казаться, что гонения для него уже нестерпимы.

Однажды ночью, когда все спали, Егоров, сидя на скамье, не мог сомкнуть глаз. Он смотрел на бледненьких, измученных голодом детей, раскинувшихся на полу в лохмотьях... Ему вспомнилось, что уже несколько месяцев, как они не видели ни белого хлеба, ни горячего обеда, ни сахара, на столе у них все время только сухая картошка да чай. Мучительной болью сжалось его сердце, слабость охватила все его существо. Но недолго продолжались минуты тяжелой внутренней борьбы. Перед его духовным взором предстал образ Христа, и сердце наполнилось любовью к Нему. Вспомнились Его страдания, пришли на память гонения, воздвигнутые на учеников Христа и, наконец, тяжелая их смерть. Вот Павел, избитый, в крови, а вот Петр, закованный в цепи... Померкли, побледнели собственные его страдания рядом с подвигами этих великих мучеников.

– Боже, благодарю Тебя, что Ты удостоил меня великой чести страдать за Тебя! Дай силы, Господь, не унывать, но радоваться в скорбях! – с успокоенным сердцем вознес Егоров свою молитву Господу.

Надежда на Христа укрепила его. Безмятежный сон успокоил его усталое тело.

На другой день утреннее солнце залило своими лучами убогую каморку Егоровых. Собрав всю семью, Егоров прочитал несколько мест из Библии. День начался в радости. Раздался стук в дверь,

и Егорову была вручена повестка, сообщающая о суде. Сердце его наполнилось благодарностью Богу.

Егоров помолился, попрощался с семьей и отправился на суд. В ожидании суда его охватила тревога. Но он вновь помолился и получил твердую уверенность, что сегодня будет оправдан судом. Наконец дверь распахнулась, и Егоров спокойно и смело предстал перед судьями.

Суд проходил при закрытых дверях. Егоров увидел двух свидетелей: первый был совершенно незнакомый, второй – его сослуживец, туннельный сторож, которому из-за его бедности Егоров часто помогал.

– Что вы знаете о Егорове? – спросил судья первого свидетеля.

– Ничего плохого о нем я не могу сказать. Знаю только, что он не молится иконам.

Второй же свидетель запутался в показаниях так, что судье пришлось его остановить.

Наконец очередь дошла до самого Егорова. Прямо, честно и правдиво он засвидетельствовал о своих убеждениях. После длинного ряда вопросов суд ушел на совещание и через некоторое время вынес Егорову полное оправдание. Уходя из зала, Егоров подошел к своим свидетелям и пригласил их к себе на чай.

Паспорт Егорову был возвращен, и через несколько дней он поступил на службу.

Для Егорова начались дни усиленного свидетельства о Господе среди сослуживцев. Несколько человек серьезно заинтересовались евангельскими беседами и начали регулярно посещать домик Егорова. Весть о его убеждениях быстро разнеслась по станции.

Однажды начальник вызвал к себе Егорова и мягко сообщил ему:

– Я очень ценю вас и дорожу вами как честным и трезвым работником. Очень хорошо, что ваши убеждения сделали вас порядочным человеком. Но дело в том, что закон не разрешает распространение вашего учения. Не можете ли вы прекратить свои собеседования?

– Нет, не могу. Иисус Христос сказал: «Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие» и «Кто постыдится Меня, того постыдится и Сын Человеческий»,– решительно заявил Егоров.

– Да, я понимаю это, но должен сообщить, что вам грозит увольнение и, может быть, даже арест. Мне жаль вас и вашу семью,

и потому я постараюсь перевести вас в другое место, а оттуда вас будут переводить дальше.

Егоров был тронут таким отношением к нему и со слезами поблагодарил начальника. С этого времени начались годы переезда с одного места на другое, а вместе с тем – новый посев евангельских истин.

Переезжая с одного места на другое и не встречая себе подобных, Егоров засомневался: «Уж не заблудился ли я в самом деле? Что-то ни одного человека не встречал я с такими мыслями, как у меня!» Но, обращаясь к Священному Писанию и проверяя свои убеждения, он успокаивался.

Егоров начал присматриваться к тем, кого гнали за веру, и искать среди них единомышленников. Таким образом он разыскал хлыстов и начал посещать их тайные собрания. Вскоре он заметил, что хлысты искажают Евангелие, и перестал их посещать. Далее он встретился с молоканами, у которых начал проповедовать слово Божье. Молокане отнеслись к его проповедям отрицательно, заявив, что они иначе понимают Писание.

Однажды молокане сообщили Егорову, что их приглашают на съезд в Петербург братья пашковцы.

Со съезда молокане привезли несколько духовных брошюр. С трепетом Егоров выпросил себе брошюру под заглавием «Пшеница или солома». Прочитав ее, он нашел, что она вполне согласуется с его взглядами. На брошюре стоял прейскурант и адрес, где можно выписать духовную литературу. Все, что можно было, Егоров выписал, и сердце его наполнилось радостью о том, что в этих людях, писавших брошюры, он встретил наконец своих братьев.

Спустя немного времени, в 1894 году, один молоканин сказал, что в Самаре есть верующие, немного похожие на Егорова. Егоров быстро собрался в путь – разыскивать своих братьев. Действительно, его поиски не были напрасны: в Самаре он встретил небольшую группу верующих, которые тайно проводили евангельские собрания. Побеседовав с ними, Егоров предложил вместе помолиться и в своей горячей молитве воскликнул:

– Господи, благодарю Тебя, что наконец-таки Ты соединил меня с искупленными Твоими детьми!

Вскоре ему было преподано водное крещение по вере.

Ликующим вернулся Егоров из Самары домой, в село Кривая Лука, и начал усиленно проповедовать Евангелие. Братья из Самары

стали посещать Егорова. Прошло немного времени, и в селе образовалась небольшая группа верующих.

Однако преследования не прекращались, и Егоров был опять переведен на новое место, на ст. Дымка. Здесь он встретил очень темный народ – мордву. За свои беседы он подвергся преследованиям со стороны суеверных жителей, которые покушались даже на его жизнь, но он вовремя успел скрыться. Несколько раз у Егорова сжигали амбар с сеном, часто врывались с кольями в его избу, ежедневно бывал он в поношении и злословии за новую веру, но невидимая Божья рука продолжала охранять его. Он жив и продолжает усердно и успешно работать на ниве Божьей.

В. Ш.

(Христианин, № 7, 1927)

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД

I

Зовут меня Иван Васильевич Лисицын. Родился я в 1834 году. Жил сначала я, как и все живут. Пьянствовал здорово, пил водку, как вол воду. Мог пить и чистый спирт. Что греха таить – любил выпить. Да и занятие мое было трудное – работал в хлебопекарне.

В 1873 году переехал я с женою в местечко Игнатьевку, где поступил к помещику Свичину пекарем. Готовил я хлеба более чем на тысячу душ. Кроме жалованья 270 рублей в год, пользовался двумя десятинами земли. Помощник был важный, силач, но о нем в другой раз.

Пригласил я к себе засеять эти две десятины одного мужика по имени Семен Троян. Человек оказался занятный, рассказчик интересный. Оказался «штундой», да я про это узнал потом. Ходит он по полю, засевает, а сам все рассказывает мне про Божественное. Я иду за ним и слушаю. Вот и спрашивает он меня:

– А как ты думаешь спасти свою душу?

– Вот уродится много пшеницы, тогда поеду в Иерусалим,– ответил я.

– Разве спасение в Иерусалиме или в Киеве? Бог повсюду. Если мы здесь преклоним колени и помолимся, Он услышит нас.

Мне это понравилось, и я уже хотел было начать молиться с ним, но вдруг стало стыдно перед соседями – кумовьями, которые пахали недалеко. Еще увидят, а потом проходу не будет от них в кабаке, засмеют меня, что я молюсь с «поганым человеком».

– А вы видите Иисуса Христа? – спросил я его.

– Вижу! – отвечает. – А ты хочешь видеть Его?

– Хотел бы.

– Тогда преклони колени и скажи: «Отец Небесный, Иисус Христос, я желаю видеть Тебя». И увидишь.

Я сейчас же пошел домой. Было еще рано. Я подложил хворосту в огонь и, став на колени, начал молиться:

– Отец Небесный, Иисус Христос, я хочу видеть Тебя!

И знаете, встал я радостный, я чувствовал, что Он стоит около меня. Легко у меня стало на душе. И правду говорит Троян, что можно и здесь познать Бога и вовсе не надо для этого ходить куда-то в Иерусалим.

Пошел я в собрание баптистов, которых там было много, и понравилось мне. Особенно приятно было слышать чтение Евангелия на понятном мне языке.

Стал я чаще посещать собрание и других приглашать. Если Евангелие меня обновило, почему оно не должно сделать это с другими?!

Скоро об этом узнал помещик Свичин. Позвал к себе. Служил у него в то время баптист Федор Вирич, который мне потом и пояснил, откуда все это дело началось. Лакей доложил барину о моем приходе.

– Дать сюда Лисицына! – закричал он, да так сильно, что во мне дух захватило.

Знал я, что он здорово дерется и многим уже выбил зубы. День тогда был воскресный. Братья собрались для молитвы. Вирич слышал, как крикнул помещик, и побежал в собрание, где рассказал все. Братья решили, что мне придется плохо.

Вошел я в зал. Там сидел мировой посредник. Помещик увидал меня да как закричит:

– Ты что делаешь в моей экономии? Совращаешь людей! За что ты меня проклинаешь и говоришь, чтобы у меня хлеб не уродил и скот посдыхал весь?.. А?

– Я не говорил этого,– спокойно ответил я, а сам молюсь внутренне.

– Не говорил? Позвать ключницу Дарью Семеновну, повара и сторожа,– распорядился он.

«Ого, сколько свидетелей нашлось против меня!» – думаю и удивляюсь.

– Говорил Лисицын, чтобы скот сдох и хлеб не уродился? – спрашивает он.

– Говорил.

Я начал снова внутренне молиться: «Господь, Ты спасал Своих учеников от ложных свидетелей, спаси и меня...»

– Вот видишь,– говорит Свичин и повелевает всем идти по местам, а потом говорит: – Ты знаешь, Лисицын, на Куликовом поле в Одессе большой дом?

– Знаю, это – тюрьма.

– Вот я тебя туда и запеку на фунт хлеба и фунт воды, там ты попроповедуешь у меня...

Свичин был предводитель дворянства и почетный мировой судья. Считался человеком гордым и жестоким. Однажды к нему в экономию пришел пристав, чтобы сделать обыск среди рабочих. Свичин схватил его и выбросил в окно, а вслед ему бросил две бумажки по сто рублей. Вот какой был здоровяк! А известно ведь, что с богатым судиться и с сильным бороться – ничего не выйдет.

Но вдруг он мне говорит мягким тоном:

– Молись Богу, как знаешь, может быть, это и правда, только в моем доме не проповедуй... Представьте себе,– обращается он к мировому посреднику,– какой хороший человек, а вот пристал к баранам с толстым черепом, к немцам, и испортился человек. – Свичин сразу стал спокойный и спросил: – А ты, кажется, просил денег?

– Да, ваше благородие, пожалуйте!

Он дал, и я пошел в собрание, где братья думали уже, что я убит.

– Вот так, Лисицын, поборол такого льва! – смеялись они.

А я радостный и веселый пошел домой.

II

Теперь уже люди немного привыкли к появлению верующих, а раньше они в представлении людей были какими-то выходцами

с неведомого острова. Некоторые смотрели на них даже со страхом...

Жена моя, Анна Васильевна, не сразу доверилась Господу. Когда я начал посещать собрания, она присоединилась к моим гонителям. Конечно, она поступала по неведению. Однажды я простудился. Начала трепать лихорадка, и как раз в ту пору, когда я стал читать Евангелие. Жена моя и решила, что это мне наказание от Бога за измену старой вере. И в ожесточении сердца, находясь в поле, она молилась:

– Николай Угодник, сделай так, чтобы его затрепало. Я поставлю тебе рублевую свечу.

Поистине, не знала она, что говорила. Приходит вечером домой и смотрит, жив ли я? А я и говорю:

– Анна, дай мне напиться... Голова сильно болит.

– Еще жив? – удивилась она и дала воды.

Потом я уговорил ее пойти в собрание. И она сразу изменилась. Понравилось ей чтение Евангелия и призыв к чистой жизни по Слову Божию.

Вскоре жена стала ревностнее меня. Бывали дни, когда я провожал ее в собрание, а сам возвращался на базар, покупал себе семечки и, щелкая их, разговаривал с мужиками. Ей это не нравилось. Как-то, идя в собрание, жена шла по дорожке, а я шлепал по грязи. Она говорит:

– Видно, Бог хочет, чтобы мы шли вместе, а не врозь...

И мне стало стыдно, что я не только по дороге, но и в жизни шлепаю еще по грязи. С тех пор я перестал отставать от нее. Курить тоже бросил.

Вся дворня у помещика стала смеяться надо мною и женою. Жить стало трудно, и я решил поехать в Одессу.

Когда мы уверовали, то сейчас же сняли иконы, и я подарил их своей куме. Было у меня два зеркала, которые я продал, считая, что смотреться в зеркало грех. Был как дитя! Продал я эти зеркала волостному писарю, и, когда пришел за деньгами, в волости была большая толпа. Писарь был уже выпившим и, подходя ко мне, крикнул:

– Кланяйся иконе!

– Деньги давай,– возразил я.

– Кланяйся, а не то голову размозжу,– замахнулся он на меня кулаком. Но я благополучно ушел...

Зашел я в бакалейную лавочку к Янкелю. Там находился крестьянин Панасенко, который смеялся:

– Прислали ризы штундовым.

– Какие ризы? – спросил Янкель.

– Серые свитки с бубновым тузом.

– Слава Тебе, Господи, что народ увидит тех, кого будут гнать и ненавидеть за слово Твое! – радостно заявил я.

Сердце мое усиленно билось. Мы тогда радовались предстоящим гонениям...

Я не унывал, продолжал проповедовать Евангелие, как умел. Был у меня водовоз – поляк Франц. Долго я беседовал с ним. Наконец и он уверовал в Господа. Подарил я его жене Евангелие. Она долго читала, а потом убедилась в истине евангельской и уверовала. Висели у нее какие-то польские картины, она сняла их и повесила в курятнике, приговаривая:

– Побыли у нас, теперь повисите у курей.

III

Наконец я решился переехать на жительство в Одессу. Нанял квартиру на М-ской улице и совместно с единоверцем из немцев И. И. Вилером открыл пекарню. Верующих в городе никого не было, и мы целый год прожили сами. Скучно было без братьев, да что же делать – приходилось мириться.

Говорил я понемногу о Господе знакомым, да понимали они меня плохо.

Стал нашу квартиру посещать один семинарист Юрий Каличев. Хороший был молодой человек, учился на попа. Когда он приходил к нам, мы вместе молились Господу и беседовали о слове Божием. Тяготился он своим положением и скорбел о слепоте людей, окружавших его, особенно о своих товарищах по семинарии, которые готовились стать священниками, а сами ничему не верили. Думал милый Юра много поработать для Господа, да не вышло по его. Через год он умер от чахотки.

Прошел год, и я открыл свою пекарню на Ольгиевском спуске в доме Северинова. Брат Вилер в это время переселился на жительство в Таврическую губернию.

Мою пекарню стали навещать интересующиеся, и мы начали,

с Божией помощью, устраивать молитвенные собрания. Говорили из Слова Божия и молились как могли. Хотя и не было так складно, как это совершается теперь в собраниях, но ничего, мы радовались и тому...

Еще живя у помещика Свичина, я познакомился с пресвитером баптистов Михаилом Тимофеевичем Ратушным. Дело было так: на суд к мировому пригнали М. Ратушного, А. Капустяна и Родиона Архипова с женою. Их судили «за совращение». Мировой судья Добрянский присудил их к трем месяцам тюрьмы. Когда Ратушный выходил на двор, я подошел к нему и сказал:

– Прощай, брат Ратушный, если мы здесь не увидимся, то увидимся у Отца нашего Небесного.

Он ничего не ответил, и их погнали в тюрьму.

На Троицу 1875 года я поехал в село Основу, где жил брат Ратушный. Там я заявил о принятии меня в общину через крещение. Со мною было еще человек пятнадцать. Народу собралось много, душ двести, и все верующие. Крещение совершалось в ставке, который теперь совсем высох. Обошлось все благополучно, если не считать выходок со стороны некоторых парней, которые со словами «Во имя Отца, Сына и Святого Духа» окунались сами в воду...

Радость наша была велика.

По возвращении домой я еще ревностнее принялся за работу. Ратушный несколько раз посещал меня и устраивал собрания. А также проездом в Гамбург, в Германию, у меня остановился однажды Василий Гурьевич Павлов и провел собрание.

На слободке Романовке в то время жило два семейства – Левицкого и Кузьмы Гребенюка,– которые искали истины Господней. Они жаждали спастись, а для этого решили поехать в Галац, в Румынию, чтобы там обрезаться у иудействующих. С ними встретился как-то немец Вюнше, которому они рассказали о своем желании. Он указал им на меня и послал с ними своего мальчика, который и привел их ко мне. Я начал с ними беседовать и прочитал им из книги Исаии 44 главы, Иеремии 10 главы и Откровения 9 и 20 глав. Они с удивлением слушали меня и соглашались во всем. Тут же они уверовали в Господа и, придя домой, сейчас же поснимали у детей с шеи крестики.

Моя пекарня стала знаменитой. Все, проходя, указывали пальцем. Хлеб пек я хороший, покупали люди охотно, хотя за глаза и ругали

меня... Но доброе свидетельство способствовало тому, что дело Божие пошло еще быстрее вперед.

На обратном пути из Гамбурга ко мне снова заехал В. Г. Павлов. Мы устроили собрание. Толпа набралась громадная. Вся площадь была запружена народом. И откуда их только набралось такое множество? Толпа вела себя неспокойно. От напора людей в моей квартире трещали окна. Видно было, что готовилось что-то недоброе. Но мы все же благополучно провели собрание до конца. Чтобы избавить гостя от беды, я говорю ему:

– Василий Гурьевич, пойдемте, я проведу вас черным ходом.

– Не надо,– отвечает он. – Если что случится, то Господь пошлет Своих двенадцать легионов Ангелов, и они защитят меня...

Сказав это, он надел свое пальто, котелок и вышел на улицу, прямо в шумливую толпу. Люди расступились и пропустили его молча. Он скрылся благополучно. Их обманул его господский вид. Они, видно, не допускали мысли, что «барин» может быть «штундой».

Разошлись и остальные. Остался в доме я с женою. Толпа же все увеличивалась. В пекарне стоял перерез для воды, накрытый скатертью.

– Вот откуда у них анчутка вылазит! А на полу Николай Угодник валяется!.. Они топчут его ногами...

– Где? – спрашивали другие.

– Вот, вот!

Но никто ничего не видел.

– Неправда!

– Нет, правда...

Конечно, ничего подобного не было, но какие-то темные личности возбуждали толпу.

Не только теперь появляются всевозможные «ревнители», которые действуют насилием, а были такие господа и тогда!

В это время в разговор вмешался какой-то незнакомец в цилиндре и начал успокаивать людей:

– Господа, что вы делаете? Здесь ничего такого нет, здесь только Евангелие читается. Вот я вам прочту. – Он достал Евангелие и прочитал что-то.

Толпа успокоилась и понемногу стала уменьшаться. Бог послал этого господина, и мы остались невредимыми, за что благодарили Господа.

IV

Через неделю после того, как толпа окружила мой дом, приехал к нам Ратушный. Мы были рады дорогому гостю.

Еще до этого дня ко мне зашел как-то слободской священник Афанасий Лохвицкий и, показывая мне крест, спросил:

– Вы не верите этому кресту?

– Нет, этому не верю,– ответил я.

Он начал уговаривать меня, приводя стихи из Евангелия, чтобы я перешел в православие, причем обещал «сделать меня человеком».

– Господь уже сделал меня Своим чадом,– ответил я.

Тогда он преклонил со мной колени и молился так:

– Господь Иисус Христос, спаси этих людей от зла и сохрани их в руках Твоих. Аминь.

Я тоже помолился, и на этом мы разошлись. Он остался недовольным мною.

Теперь, когда приехал Ратушный, мы совершили преломление хлеба, но окончить служение не могли. У моей квартиры вновь появилась толпа, и все начали громко кричать, указывая на меня:

– Вот он, сам дьявол!

Как потом оказалась, этих темных людей ко мне послал священник Лохвицкий.

Когда я услыхал этот крик, то так испугался, что даже сердце задрожало, верно говорю. Жутко мне стало. А толпа все кричит и напирает на нас.

Тогда Ратушный заявил, что мы не будем продолжать собрания, и я благополучно вывел его из дому. Кое-как удалось проводить из квартиры и других посетителей. Остались мы вдвоем – я да жена. Взяли мы лом и подперли дверь. А толпа все увеличивалась, аж темно стало... Двери трещат... Дом дрожит... Кто-то говорит:

– Если бы мы знали, что нет других дверей на двор, то выломали бы эти и убили бы его.

Холодно мне стало на душе, и я молился внутренне. Потом снарядил работника, послал его в херсонский участок и стал ждать. Через некоторое время является пристав, два надзирателя и четыре городовых.

– Что вам тут нужно? – крикнул пристав на двух мужиков, которые ломали двери.

– Помилуйте, ваше благородие, какая-то вера тут появилась!

– Какое вам дело до веры? Взять их! – распорядился он.

Голубчиков схватили и повели в участок. Мы обрадовались этой защите и открыли дверь.

– Много вас тут? – спросил пристав Бортников, входя в комнату.

– Нас двое, и тем некуда деться,– ответила моя жена.

Городовые разогнали толпу. Мы стали беседовать. Пристав спросил, как мы относимся к власти.

– Мы поступаем, как написано: «Бога бойтесь, царя чтите»,– ответил я.

Ему такой ответ понравился. Тогда моя жена пожаловалась на постового городового Козимирова, который, вместо того чтобы помочь, говорил: «Мало того, что бьют вам окна и двери, а нужно и вас убить». Пристав обещал разобрать это дело и распорядился, чтобы у моей квартиры по праздничным дням стояло два городовых, а в будни – по одному. Мы зажили господами.

На другой день мою жену позвали в участок. Там ее встретил городовой Козимиров и начал ругать.

– Чего вы кричите? Я и так испугана! – возразила она.

– Вот там тебе покажут! – грозил он, указывая на кабинет пристава.

Позвали их к приставу. Козимиров начал объяснять, что я турецкий подданный и завожу здесь какую-то веру. Рассказывая это, он размахивал руками и волновался. Пристав хлопнул его по рукам и вытолкал в коридор со словами:

– Тебе какое дело до веры?

Потом он успокоил жену и отпустил с миром. Хороший был человек!

Позже слышно было, что Козимиров хвалился на базаре, что мы якобы дали ему рубль на чай. Мы только смеялись...

Из всего этого происшествия мне стало ясно, что верующий в Господа не должен ничего бояться, ибо его защищает Сам Бог. Мне самому стыдно стало за мой страх, и я уже потом шел бодро вперед. А приключений было еще много.

V

По соседству со мною жил один кузнец. Он всегда был чем-то недоволен, всех ругал. А меня особенно не любил «за перемену веры».

Выхожу я как-то на улицу. Он подбегает ко мне с молотком в руках и кричит:

– Штунда ты, я тебе вот голову размозжу...

– Если тебе Господь позволит, то ударишь, а если не позволит, то ничего не сделаешь,– ответил я спокойно.

Он так и замер с молотком в руках, точно столбняк нашел на него...

Позже он стал посещать собрания и уверовал. Теперь он в Америке.

Был еще один пожилой человек, который часто приходил ко мне. Придет, что-то рассказывает, а я все не могу разобрать, чего он хочет от меня. Звали его Антоном.

– Чего вы желаете – добра или зла? – спрашиваю его как-то.

– Добра,– отвечает.

Я пригласил его в комнату и стал читать ему Евангелие. Дочитали мы до того места, где говорится, что человек не должен бросать своей жены.

– А я вот такой,– перебил Антон меня. – Жена моя живет в деревне, а я здесь, служу дворником и не хочу ехать туда.

Я стал уговаривать его. Вскоре мы поехали к Ратушному. Антон тоже поехал с нами. Там он обратился к Господу и снова сошелся с семьею.

Господь дивное творит с нами. Много разных людей пришлось встретить мне на пути.

Как-то вечером возвращаюсь я усталый домой. Смотрю – сидят у меня пристав и городовой.

– Что угодно, ваше благородие? – спрашиваю.

– Вам повестка от его сиятельства графа Левашова, градоначальника. Здесь вот написано, что вы должны десятого числа явиться к нему. Вы согласны?

– Как же я могу отказаться от повеления начальства?! – ответил я и расписался на повестке.

Они ушли.

VI

Дождался я назначенного дня, помолился Богу и пошел в канцелярию градоначальника.

Это теперь многие люди стали смелые и развитые, а в то время мы всяких блестящих пуговиц боялись...

Стою я в приемной, жду, что будет? Выходит граф и начинает отбирать у просителей прошения. Все обходится чинно, тихо. Один я оказался без бумаги. Подходит моя очередь, граф и спрашивает:

– Что нужно?

– Ваше сиятельство изволили меня требовать.

– Кто вы такой? Фамилия!

– Лисицын.

Он велел подождать. Стою я и невольно думаю: «Что теперь будет?» Увидел я проходившего полицмейстера и решил, что наступил мне конец. Не скоро я увижу теперь свою жену и братьев!.. Позвал служитель в кабинет.

– Кто вы такой? – спрашивает граф.

– Христианин,– отвечаю.

– Какой христианин?

– Христианин-баптист.

– Что это за вера? – спрашивает, а сам так строго смотрит на меня.

– Это вера от Самого Господа и Его апостолов,– говорю я.

– А Государю вы повинуетесь?

– Государь от Господа Бога, все начальство тоже поставлено для поощрения добра и для наказания зла.

– А солдат надо иметь?

– Что Государю требуется, мы это признаем.

– А подати платите?

– Как же, подати платить тоже нужно.

– А детей нужно воспитывать?

– У кого есть средства, капитал, то отчего же не воспитывать? Можно и до высшего образования дойти.

Граф улыбнулся, и у меня стало легче на душе. Я и говорю:

– Ваше светлое сиятельство, дозвольте мне сказать. Вы, наверно, знаете, как евнух царицы Ефиопской, высокий, знатный человек, ехал на колеснице домой и читал Книгу пророка Исаии? И вот Господь послал к нему Филиппа, простого человека. Филипп этот и говорит ему: «Разумеешь, что читаешь?» Евнух отвечает: «Как могу разуметь, если кто не объяснит мне?» Тогда Филипп сел к нему в колесницу, и они стали беседовать. И вот они ехали и ехали, пока не увидели воду. Евнух говорит: «Вот вода, что препятствует мне креститься?» – «Если веруешь, что Христос есть Сын Божий, можно»,– отвечает Филипп. Евнух обрадовался: «Как же, верую!» И крестил его Филипп...

Знаете, целую речь сказал я тогда графу. Сам удивляюсь, как это у меня хватило смелости, верно говорю!

Граф подошел ко мне и, ласково смотря на меня, сказал:

– Это хорошо!

Поговорили мы еще о евнухе, потом я и заявляю:

– Я имею жалобу к вашему сиятельству.

– На кого?

– На слободского священника, который нагнал на меня народ, и у меня все растащили и даже последнюю лошадь украли.

– Кто такой, как фамилия?

– Лохвицкий.

– Лисицын нанял квартиру у безпоповца,– объясняет градоначальнику полицмейстер.

– Нет,– возражаю я,– это православный народ налез ко мне в квартиру, а безпоповцы – народ смирный. И вот еще, полиция отняла у меня паспорт и уже около года не отдает.

Тогда граф велел выдать мне новый паспорт и отпустил меня со словами:

– Благодарю, Лисицын, что я вас увидел. Когда вам что нужно будет, приходите ко мне без всякого прошения. Скажете вашу фамилию, и я вас приму.

Истинно сказал Господь, что скорбь наша обратится в радость! Я поблагодарил графа и вышел. В вечерней нашей молитве мы вспомнили доброго графа Левашова.

Но если нас не трогала полиция, то сильно доставалось от темных и грубых товарищей по работе. Всегда приходилось молиться, чтобы Господь дал терпение все перенести.

Как-то на заводе во время завтрака я сидел с одним братом и пил чай. Беседовали мы о Господе. Противники же наши взяли сажи, закатали ее в снег и бросили этот комок в столб над нами. Сажа рассыпалась и замазала нас.

– Эй, вы, штунды, примите! Это вам Господь благодать послал! – смеялись они.

– Благодарим, что прислали,– ответили мы и начали вытирать сажу...

Был там один мастеровой. Интересовался Словом Божиим, расспрашивал. Я отвечал охотно. Когда другие мастеровые узнали, что он беседует со мной, то стали смеяться над ним. Ему это не нравилось. Они ему и говорят:

– Поколоти Лисицына, тогда будем знать, что ты наш.

Он согласился. Выхожу я вечером с мастерской, он и напал на меня. Хотя я был сильнее его, но считал, что как христианин не имею права отвечать дракой. Я возвратился в мастерскую. Мастер смотрит на меня и удивляется:

– Что же ты ему уступил? Возьми ружье и хлопни его!

– Нет, христианам драться нельзя,– ответил я.

Меня пропустили в другие ворота, и я ушел благополучно.

VII

Чтобы улучшить пропитание, жена моя начала торговать на базаре хлебом.

Пока торговки не знали, кто мы такие, дело шло сравнительно хорошо. Рундук наш помещался на возвышенном месте и считался самым удобным для покупателей.

От полиции вышло распоряжение, чтобы все рундуки держались в чистоте. Городовой прибил это объявление около нашего рундука. Тогда другие торговки, наши противницы, начали кричать покупателям:

– Смотрите, вот даже полиция предупреждает, чтобы не покупали хлеба штундовского!

Бабы-кухарки были большею частью неграмотные и неразвитые. Услышав это, они начали обходить наш рундук, считая, что и полиция против нас. От этого дело продажи сильно пошатнулось.

Насмешкам же и всяким издевательствам над моей женою не было конца. Но Господь давал силы переносить все это.

Как-то сидела она у рундука. Покупателей было мало. Подошел один мужчина, похожий на глупых «ревнителей» теперешнего времени. Сел он около рундука и начал свою болтовню. Ругал уж как хотел.

– Отойдите отсюда,– сказала жена.

Он поднялся, плюнул ей в глаза и пошел прочь. Все торговки заголотали. Только евреи начали защищать ее. Жена моя вытерла плевок и заплакала от горя.

А то еще такие вещи проделывали перед нею, что, извините, стыдно и говорить. Но все это мы переносили за имя Господа с радостью и молились за наших противников.

В это время на слободке Романовке поселился Козьма Гребенюк, который начал устраивать собрания у В. Собиралось очень ма-

ло людей, и вообще дело шло вяло. Тогда собрания были перенесены в город на Кузнечную улицу. Собирались тайно. В. за это обиделся на Гребенюка и сказал полиции, где устраиваются собрания. В воскресенье утром, по дороге в собрание, я встретил В., который и говорит мне:

– Не ходите туда, а то сейчас полиция придет.

– Почему так? – удивился я.

– А вот я им покажу,– возбужденно говорил он.

И правда, полиция всех забрала и отправила в участок, где был составлен протокол. За это В. все осудили. Позже он помирился с Гребенюком...

Наконец я решил переехать на жительство из слободки в город. Поселился по Ямской улице, в доме Лазарева.

За это время был уже назначен новый градоначальник Косоговский. Мне удалось выхлопотать разрешение на собрание, и мы начали собираться для молитвы. Так прошло некоторое время.

Кстати, отмечу одно мое наблюдение. Как только мы получаем свободу, то есть перестают нас преследовать, так между нами начинается какое-то недовольство и смуты. Когда же нас начинают притеснять, то мы сразу воодушевляемся и соединяемся вместе.

Так было и здесь. Заступил на место градоначальника Зеленый, и сразу картина переменилась. Он был друг духовенству, по просьбе которого и закрыл собрание. В то время я отсутствовал. Явились городовые, повыносили скамьи на двор и закрыли квартиру, а дворнику приказали:

– Как только явится Лисицын, сейчас же доставить его в участок!

Со мной так и поступили.

– Давай сюда разрешение,– приказали в участке.

– Не дам,– уперся я.

Мне объяснили, что за разрешением нужно послать в Петербург.

– Ну что ж, если мы такие знаменитые стали, что вы не можете разрешить, то посылайте, дело ваше,– сказал я и отдал бумагу.

Из Петербурга пришел нам отказ. Тогда я перебрался в другое место, и мы стали собираться тайно.

В этом месте нас снова посетил В. Г. Павлов и ободрял нас, уговаривая держаться друг друга.

Собрания проходили благополучно.

(Слово истины, 1914)

НАСИЛЬНОЕ КРЕЩЕНИЕ

Свидетельство, записанное со слов Ивана Васильевича Лисицына:

Это было 8 сентября, когда потребовали в нашу волость меня и еще троих братьев. Так как те трое были в поле, то я пошел в волость один (до нее было четыре версты) и встретил там урядника, священника и волостного старшину. Последний спросил меня, не знаю ли я, где трое других и придут ли они? Я ответил, что они не придут, потому что их нет дома. Тогда он сказал мне:

– Иван Васильевич! Завтра вы должны со своими детьми ехать в село Екатериновку, находящуюся в семи верстах от нашей деревни, чтобы миссионер окрестил их в силу Указа от 4 февраля.

Указ этот гласит: «Местная полиция, священники и миссионеры должны употреблять все меры к приведению отпадших в церковь». Под всевозможными «мерами» иные понимают, что надо убеждать народ, уговаривать и затем уже действовать. Но люди в уезде А. поняли это по-своему, как мы это увидим ниже.

Я ответил им:

– Господа, вы знаете, что я не сделаю этого.

– Хорошо,– сказали они,– мы и не ожидали от тебя другого ответа. Поэтому не удивляйся, если завтра поутру сотский с десятскими приедут к тебе во двор, возьмут у тебя детей и отвезут их в церковь. Мы это делаем для тебя, Иван Васильевич, и говорим тебе это сегодня, чтобы вы познакомились с этой новостью, для других мы бы не сказали этого до завтра. Мы советуем тебе и вам всем: привезите сами детей, чтобы не употреблять насилия, потому что мы все равно сделаем завтра крещение – все уже готово для этого. Наша вся деревня знает это, и ваша вся деревня знает об этом, так что до завтрашнего утра вам не позволят никуда выехать, а противиться – на этот раз вам все равно не поможет.

Получив такой ответ, я пошел домой и сговорился с тремя другими, что на этот раз мы действительно ничего более не можем сделать, а будем сопротивляться – из этого произойдет только большое насилие, а может быть даже убийство. Порешили взять здоровых

детей и отвезти туда. Из десяти детей трое были больные. Семь детей и двух матерей мы, трое отцов, повезли в шесть часов утра в Екатериновку. Когда мы прибыли туда, солнце только что взошло, а там уже собралось необозримое множество народу, равно полиция, священники, становой пристав и купцы – последние в другое время почти не ходят в церковь.

Н. П. подошел ко мне и спросил:

– Иван Васильевич, все ли дети тут?

– Нет,– сказал я,– трое остались, потому что больны.

– Везите детей в церковь,– приказал Н. П.

– Нет, мы не хотим этого,– ответили мы. – От нас вчера потребовали доставить их сюда, но мы не позволяем ничего делать над ними.

После того Н. П. отправился в церковь и приблизительно через час возвратился оттуда с полицией и восприемниками и сказал:

– Вот духовные родители для детей. Теперь мы будем их крестить.

Мы убедили детей идти с ними (старшему было всего семь лет, а младшему – два года) и ничего там не делать, ничего не говорить, но позволить делать с собою все, что хотят.

Когда детей увели в церковь и прошло опять с час времени, пришел Н. П. с полицией и просил нас идти в церковь, но мы не хотели. Потом он сказал, что не будет никакого насилия, священник имеет нам нечто сообщить. Затем мы протеснились через множество народа, который не мог поместиться в церкви. Нам дали место, и, когда мы были там, священник сказал нам:

– Не думайте, братья, что мы это насилие совершаем добровольно. Нет, по нашему мнению, следует крестить только таких детей, которых приносят родители, как во время Иисуса, когда он благословил детей. Но царь приказывает, и закон требует этого, и мы должны делать это. Поэтому не гневайтесь на нас и не считайте нас за особенных врагов, мы должны это делать, и вы должны это позволить. А теперь хотите – оставайтесь тут или выйдите вон, мы приступим к крещению.

Мы все вышли, кроме одной женщины, которая потом рассказывала, как происходило дело. Старшего мальчика окунули в бочку с водой три раза. Мальчик сильно сопротивлялся и расплескал при этом много воды. И когда затем накинули на него одежду, он побежал из церкви к повозке, говоря:

– Меня хотели утопить, но я все же убежал. Уже три раза меня окунули!

С того времени шестилетняя девочка все еще не придет в себя от страха. Маленьких детей привели к повозке кумовья, которые помогали и переодевать их. Затем пришел Н. П. и сказал:

– Теперь ваши дети крещены по Слову Божьему, так крещены, как вы крестите, и еще лучше.

– Да,– сказал я ему,– но жаль, что не по вере.

Потом я спросил, можем ли ехать домой.

– Да,– ответил он. И мы уехали.

(В. Д. Бонч-Бруевич. Преследование баптистов, 1902)

НАШИ СТАРЦЫ

Помещаемые ниже свидетельства принадлежат простым людям, достигшим старости. Их судьбы — типичны для россиян, живших в конце девятнадцатого — начале двадцатого века. За веру в Бога и стремление исполнить Его волю многие и многие вынуждены были идти путем страданий и лишений. В кандалах они прошли тысячи верст. Их страдания не были бесплодными. Многие каторжане обретали мир с Богом, хотя за это тоже терпели всевозможные лишения.

Вместе с верными Божьими свидетелями ужасы гонений переносили их семьи. Некоторые дети и жены физически не выдерживали этих лишений и умирали. И все же герои веры шли дальше, оставаясь верными Господу, свидетельствовали другим о Христе, являясь для окружающих людей живым примером истинной христианской любви. Пусть и для нас они станут примером непоколебимой преданности Господу во всевозможных переживаниях!

Шесть тысяч верст в кандалах за убеждения

Воспоминания Вербицкого Григория Самойловича — мученика, сосланного за веру евангельскую.

Родился я в 1844 году в д. Островке Савраньской волости Полтавского уезда Каменец-Подольской губернии в семье однодворца. Отец не имел своей земли, а вел свое хозяйство на арендованной помещичьей земле. Когда мне было двенадцать лет, отец отдал меня для обучения грамоте старику-поляку, но обучение мое продолжалось недолго, два с половиной месяца. Читать научился больше сам.

С раннего детства я помогал отцу в работе по хозяйству вместе с другими членами семьи. Жили мы бедно, отец всегда посещал корчму (кабак) и пропивал заработки. Когда я подрос, то стал служить вне дома и так провел три года, а когда старший брат отделился, то я вернулся домой. Отец умер, и я жил с матерью и младшими братьями, пока они подросли, а затем, женившись, начал сам хозяйствовать и пошел по следам своего отца: посещал корчму по праздникам. Так дожил до сорока пяти лет.

Однажды мне нужно было по делу пойти в волость, в другое село, и я зашел к одному из своих родственников. Между прочим он рассказал мне, что у них появились люди, которых называют штундами, и звал меня пойти к ним. Я отказался и предложил: «Пусть они придут сюда, а я посмотрю и послушаю». Так и поступили: пригласили некоего Бризицкого, который не замедлил прийти и спросил, для чего его позвали. Мы ответили, что нам интересно знать, почему он оставил православие и иконы. Он вкратце объяснил, как он верит. Меня это удивило, а вместе с тем заинтересовало. Евангелие до этого времени я не имел и не читал, поэтому все это казалось мне чем-то непонятным.

По соседству со мной жил сельский писарь, который взял у меня книжку «Сочинения Дмитрия Ростовского» и не хотел ее возвращать, а предлагал за нее Евангелие. Я отказался, говоря: «Эту книгу я не пойму, да ее нельзя читать простым людям, а только священникам». Он возразил, что это неверно, можно читать что угодно, запрету нет. Не желая нарушить дружбу с добрым соседом, я взял Евангелие и стал понемногу читать, правда не понимая смысла прочитанного.

В свободное от полевых работ время я делал людям печи и читал Евангелие. Люди удивлялись и говорили: «Почему нам батюшки об этом не говорят и не читают?» Потом опять мне пришлось быть у родственника и беседовать с теми людьми, которые живут по Евангелию.

Так прошло около двух лет, и я начал новую жизнь – пьянствовать

перестал, икону убрал, и сила Евангелия начала действовать на меня и через меня на других. Священник всполошился, начал меня увещать, но с помощью Евангелия я выходил победителем. Он грозил высылкой в Сибирь, но это меня нисколько не страшило.

Проходили дни, и гроза постепенно надвигалась. Пристав собрал дознание, и делу был дан законный ход. Оно было передано следователю, который опросил меня и свидетелей и передал дело в окружной Балтовский суд, а меня предали гласному надзору. Так длилось с августа 1890 года по апрель 1891 года.

2 апреля 1891 года суд вынес приговор – лишение всех прав состояния и высылка в Сибирь. Из суда отправили прямо в тюрьму, а после двух недель пребывания в тюрьме вывели меня во двор к кузнице и надели ножные кандалы весом в десять фунтов. Затем пришел фельдшер и обрил половину головы. Одели меня в шинель с желтым тузом на спине. Теперь я был отмеченный и заклейменный обитатель тюремного мира.

После всех опросов и обжалований при посещении высоких особ, как, например, генерал-губернатора и других, нам разрешили взять с собой семейства. Моя семья, состоявшая из шести душ, продав свой домашний скарб за ничтожную цену, отправилась со мной в Сибирь.

Из Балты мы направились по пересыльным тюрьмам, где нам пришлось встретиться со всякого рода страданиями, а в московской тюрьме – с избиением нас надзирателями. Скорбно вспоминать перенесенное, но Господь подкреплял меня и семью, когда мы проходили через тюрьмы России и Сибири, переносили нужду, болезни, голод и холод, совершали длинный, скорбный путь по железной дороге, по рекам на пароходах, по трактовой дороге пешком.

Наконец 4 марта 1892 года прибыли на место ссылки в д. Очуры Шушенской волости Минусинского уезда Енисейской губернии.

Поблагодарив Господа за все пройденные испытания, мы принялись созидать себе жилье, как ласточки, прилетевшие с теплых краев. Вместе с тем меня беспокоил и духовный вопрос: надо было поспешить к совершенству – сослан я был некрещеным и таким оставался, что меня очень беспокоило.

На пути следования моего я сеял духовные евангельские семена. Из места ссылки я написал на родину письмо, описав привольную жизнь Минусинского края в то время. Мое письмо в России читалось с великим интересом и привлекло внимание многих. Аренда

одной десятины земли на лето стоила 20 коп. Ну а что еще нужно крестьянину? Хлеб родит хорошо. Многие подумали переселяться, но куда? В Сибирь? А есть ли там солнце, в Сибири? И такие страшные, суровые мысли удерживали.

Лишь в 1895 году, осенью, судьбами свыше прибыли ко мне два семейства: Ткаченко Яков и Патковский Григорий с сыновьями. К их приезду Господь уже послал плод: уверовал один ссыльный из Вятской губернии – Кокорин Петр. Это первый колос на минусинских целинах Божьей нивы. С этого момента Господь начал созидать здесь церковь, которая теперь насчитывает в районе более тысячи членов, в которой и я состою с 1902 года и прославляю моего предвечного Господа. А все страдания вспоминаю, как сон. И как в утреннюю пору луч солнца удаляет ночные грозы и наступает радость дня, так и мои скорби исчезнут, ибо уже близко вечный день!

Из долины смертной тени — в райский Божий свет

Воспоминания Кокорина Петра, первого уверовавшего в Минусинском крае.

Родился я в 1857 году в г. Омутнинске Вятской губернии в семье кузнеца. Семья наша была старообрядческой. В детстве мне преподали нравоучение согласно убеждения родителей.

С раннего детства я помогал отцу в кузнице, а в двенадцать лет поступил в земскую школу, которую в три зимы окончил с похвальным листом. По окончании учения начал работать с отцом в кузнице. Жили мы очень бедно, так как отец был пьяницей и по несколько дней мог не являться домой, а когда приходил, то избивал мать.

Когда мне было около двадцати лет, я однажды вступился за мать и отец хотел зарубить меня топором, но дядя спас меня. Года через полтора после этого отец ушел на заработки и больше не возвратился.

На двадцать четвертом году я женился и ушел в дом к тестю, а оставшиеся мои братья и сестры вынуждены были питаться милостыней. Однажды поздно вечером пришел ко мне мой шурин Семен Самойловский и попросил помочь ему принести вещи, которые он решил украсть у кузнеца – две новые и одну старую подрезь.

Он хотел подложить их другому кузнецу, на которого злился за то, что тот утаил сто рублей. Нас поймали, судили как воров и сослали в отдаленные места Сибири, меня – в Минусинский край Енисейской губернии.

В Сибирь я прибыл в 1885 году и решил после лишений и испытаний начать жизнь трезвую и благочестивую. Но недолго было так. Поступив в д. Средняя Шуша к кузнецу Мошеву мастером, я начал с его сыном дружбу, которая закреплялась совместной выпивкой, тайно от самого Мошева. Постепенно вошло в привычку: пить после трудов, пить с радости, с горя и по настроению – пить и пить.

Спустя некоторое время я переселился в д. Ново-Покровку, приобрел домик и кузницу. Во вновь приобретенной хате нужно было переложить печь, и я пригласил печника, жившего в трех верстах, Вербицкого Григория Самойловича, также ссыльного, но не за воровство, как я, а за религиозное убеждение. Во время его работы мы разговорились с ним о жизни, и он просил меня оставить пьянство и вести трезвую жизнь. Я и сам сознавал это, но не было силы. Он посоветовал мне читать Евангелие, но его у меня тогда не было. Он предложил мне в подарок свое Евангелие, и я, чтобы не остаться в долгу, подарил ему Сытинский настольный календарь. Прочитав несколько глав Евангелия, я ничего не мог разобрать, что к чему и для чего.

При встрече в следующий раз он мне сказал: «Пей живую воду». А я не знал, где она. Тогда он указал мне на главу Евангелия от Иоанна. Я прочитал эту главу, и она произвела на меня сильное впечатление. Я перечитывал ее несколько раз. При дальнейших беседах мне стал открываться путь Божий, и я увидел себя погибшим грешником и стал молиться Богу, каяться, просить у Него прощения моих тяжких грехов, которые я совершил в неведении. Господь услышал мое моление и облегчил страдания моего грешного сердца прощением грехов. Это было в 1894 году. Уверовала также и моя жена.

Вскоре Бог послал к нам в Сибирь братьев, которые приехали из Херсонской губернии прямо в нашу деревню. Здесь начали проходить молитвенные собрания, а через год из России приехало еще два семейства и две семьи ссыльных. Таким образом у нас в Минусинском уезде оказалось двенадцать членов. Тогда братья, по письменному поручению из России, избрали из среды себя пресвитера И. А. Зелинского, и церковь начала работу, завещанную Иисусом

Христом в Евангелии Марка 16, 15–16: «Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари. Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет».

В 1899 году, 10 июня, я присоединился к Церкви Христовой через святое крещение. Теперь уже тридцать три года радуюсь в Господе, прославляю Его сердцем и душою, что Он призвал меня в Свой чудный свет из тьмы, в которой я блуждал. Молю моего Господа, чтобы Он еще многих, находящихся во тьме, привел на этот чудный, радостный, светлый путь!

По бушующим волнам — к тихой пристани

Воспоминания Корницкого Федора Васильевича.

Рожден я в 1830 году. Отец мой был безземельным крестьянином д. Станиславчук Балтского уезда Каменец-Подольской губернии и занимался хлебопашеством. Землю снимал у помещика. Приходилось прилагать все силы, чтобы оплатить землю и разные повинности как деньгами, так и трудом. Помещик нередко ставил условие – платить половину деньгами, а половину трудом.

От юности моей я читал церковные молитвенники, акафисты и славянскую Псалтирь. Предпраздничные ночи просиживал над чтением всего этого, ища утоления духовной жажды. Семью свою также воспитывал по всем правилам, которым я следовал, будучи ревнителем православия. Временами читал я и Евангелие, которое брал у односельчанина. Очень многое меня интересовало, и я любил читать его, но чтобы жить по нему – этого не разумел. И если бы меня кто спросил: «Разумеешь ли, что читаешь?» – я бы ответил вместе с евнухом: «Как могу разуметь, если кто не наставит меня?» (Д. Ап. 8, 31).

Но Бог, смотря с высоты небес, сжалился над моей жаждущей душой и послал Своего вестника. В 1887 году приехал ко мне из Херсонской губернии мой родственник Завродский, который был уже верующим, принадлежал к Куликовской общине. Он указал мне на путь, который есть Иисус Христос, и я, пробудившись от сна греховного, духовным взором увидел моего Искупителя и пошел за Ним. В 1888 году я через крещение дал Ему обещание служить доброй

совестью. Через два года у нас в поселке было уже четырнадцать членов, принятых в церковь через святое крещение. Мы вместе радовались и прославляли нашего Небесного Отца.

В 1890 году на нас возникло гонение. Меня арестовали и посадили в тюрьму одного, и я сидел один год до суда. А затем взяли еще шестерых братьев и вместе нас судили. Представили ложных свидетелей, обвинявших нас в тяжком богохульстве и совращении, и суд присудил нам ссылку в отдаленные места Восточной Сибири.

Заковав ноги и руки в кандалы и обрив половину головы, нас отправили в путь. Ножные кандалы нам, как страшным преступникам, дали в тридцать фунтов весу, и в таком положении нас вместе с женами и малолетними детьми отправили в Сибирь по пересыльным тюрьмам. Взрослых наших детей отняли и оставили на родине. Это разлучение с детьми усугубляло наши великие страдания, к которым мы еще тогда не привыкли. Тяжело мне было видеть, как страдала моя семья. Пересыльные тюрьмы и условия жизни в них отняли у меня двоих сыновей: в Киеве я похоронил одного сына пяти лет, а в Томске умер другой – шестнадцати лет.

В пути следования мы переносили болезни, голод, нередко пинки от конвойных солдат. По железной дороге ехали до Волги. На Волге пароходами, потом пешком следовали до сибирского г. Томска, так как от Волги в Сибирь железной дороги еще не было.

Из Томска нас в кандалах отправили пешком через Томскую, Енисейскую и Иркутскую губернии, более двух тысяч верст, до реки Лены. По дороге пересыльно-тюремная обстановка, конвойная «вежливость», болезни, недоедания выкачивали из нас последние физические силы, но винтовочными прикладами конвойных солдат мы «подбодрялись». Таким образом этот путь великих страданий совершался ровно один год.

На место ссылки прибыли в первых числах августа 1892 года. Денег у меня было 20 коп. на шесть душ семейства. Вошли в предназначенную для нас деревню. Нас встречали местные жители, увидев которых мы испугались: они были обезображены какой-то местной заразной болезнью – с головы и до груди какая-то страшная опухоль. По-местному эта болезнь называлась зобом. Все это наводило ужас, потому что эта болезнь неминуемо должна была коснуться и нас. Эта болезнь заставила нас думать, как удалиться оттуда с нашими детьми, чтобы избегнуть этого ужаса.

Но нам нужно было отбывать здесь ссылку, и мы начали думать о заработке для пропитания и для постройки хижины. К нашему счастью, был вызов на постройку Сибирской железной дороги, и мы через три года оставили место ссылки и прибыли на постройку железной дороги. Проработав один год, мы приехали в Красноярск, где мне пришлось оставить еще одного сына, старшего, двадцати трех лет, которого завалило землей в подвале.

Из Красноярска я со своим семейством направился в Минусинский край, где уже некоторые братья, как ссыльные, так и вольно переселившиеся Ткаченки и Патковские из Херсонской губернии, начали собираться и строить дом духовный из живых камней, Божий дом, в котором я нахожусь по сие время, уже тридцать девять лет, и благодарю моего Господа, что Он знает, как избавлять Своих от искушения (2 Петр. 2, 9).

Насытившись днями жизни, я теперь ожидаю переселения в те вечные обители, где Господь утешит и отрет слезы страдания моего земного, которое я понес ради имени Его святого. И я желаю всем братьям стоять твердо на пути Евангелия и трудиться, и Бог вас не оставит на всяком месте, как и меня не оставил после всех страданий до девяностосемилетнего возраста. Нахожусь в Его святой церкви и радуюсь: все страдание прошло, как сон, а вечность и радость – впереди!

г. Минусинск
(Баптист, № 8, 1927)

ИЗ ПРОШЛОГО

I

В 1886–1887 году у нас, в Кубанской области, в станице Отрадной, в первый раз появились благовестники слова Божьего для посещения Алексея Андреевича Стоялова, который в то время проживал здесь. Это были Г. И. Мазаев, Е. М. Богданов, Ф. П. Балихин, С. Е. Капустинский, М. Д. Чечеткин и другие. С этого времени в станице Отрадной образовалась община баптистов. Первоначально уверовал Г. М. Кавунов, а потом и другие.

Недолго продолжалась усиленная деятельность общины. Вскоре

обнаружилось крайнее самолюбие Димитрия Маншина, который стал наглым отступником и предателем. Он донес на тех братьев общины, которые не потакали его капризам, а именно: на А. А. Стоялова, Г. М. Кавунова, И. А. Кводченко, Г. Н. Лыкова, Тарасенко и меня, М. К. Яцука. Мы находились под надзором полиции около четырех лет. Маншин в течение этого времени все более и более говорил всякую хулу на истину и клеветал на братьев, находя себе поддержку у местного духовенства. Наконец из числа нас, шести подсудимых, окружной суд осудил троих – А. А. Стоялова, Г. М. Кавунова и И. А. Кводченко – на вечную ссылку в сибирские пределы. Братьев из зала суда взяли прямо в тюрьму, где им пришлось испытать сильное мучение от насекомых. Потом этих «преступников», в арестантских костюмах, с обритыми наполовину головой и бородой, в цепях на руках и ногах, в арестантских вагонах отправили в ссылку. Мы провожали их на ст. Невинномысскую. Там с женой А. А. Стоялова от скорби приключился глубокий обморок.

Предатель Маншин недолго пожил на земле. После тяжких мучений он лишился рассудка и в страшных судорогах кусал свой язык. Его связывали, как бесноватого, а жена и дети боялись приблизиться к нему. Он окончил жизнь в сильных муках, как нераскаянный грешник, хулитель и предатель.

Вслед за этим нас постигло новое горе. Урядник Григорий Лыков с женою своею, убоявшись гонения и позора, отпали от истины, обратились в мир, предались пьянству и всем беззакониям мира. А Иван Кводченко уже на пути в ссылку в Красноярск отрекся от убеждения баптистов и снова принял православие. С помощью духовных властей он освободился от ссылки. И все же некоторое время он отбывал свое наказание в туруханских краях по православному порядку... Потом ходатайство его о возвращении из ссылки было принято, и его отпустили на прежнее жительство. Но в заточении ему пришлось переносить много неимоверных страданий.

Тарасенко после избавления от подсудности впал в слабость, изменил своему обещанию и перешел на сторону адвентистов.

Стоялов же и Кавунов отбывали свое наказание в ссылке и после высочайшего манифеста получили освобождение. Они остались верными тружениками на ниве Божьей.

По освобождении из ссылки Г. М. Кавунов с семейством поселился в Благовещенске, на Амуре, и Господь вознаградил его, как пра-

ведного Иова. Стоялов поселился на хуторе Усово, близ ст. Марьяновки Сибирской железной дороги, братья-баптисты приютили его на своей земле.

Григорий Лыков с женою, благодаря тому что дети его познали истину, снова покаялся и обратился к Господу.

II

В то время, когда мы с братьями состояли четыре года под следствием на поруках, бывший брат Маншин всемерно старался изыскивать на нас всякие дрязги и клевету.

Однажды он донес станичному атаману, что в доме А. А. Стоялова на стенах приклеены разные картины животных и прочее. Атаман Дулин в одно время подъехал к дому Стоялова с помощником Навадниковым. Они вошли в дом и осмотрели стены, где нашли лишь некоторые тексты из Священного Писания. От него они направились к моему дому. Я вышел им навстречу, они вошли в мою комнату и, осмотрев стены, тоже не нашли никаких зверей, а только несколько текстов Писания. Тогда атаман, устремив свой взгляд на текст: «Кровь Иисуса Христа очищает нас от всякого греха», спросил меня:

– А где же у вас эта кровь, ведь вы, басурманы, не причащаетесь святой крови?

– Господин атаман, мы находимся под судом в настоящее время, и когда суд признает нас за это виновными, тогда и будем отвечать. А теперь мы по закону евангельскому совершаем преломление хлеба и пьем вино в воспоминание страданий Господних,– ответил я.

Тогда он, озлобившись, схватил меня и так потряс, что я чуть не задохнулся. Он вывел меня на двор, забросил в свой тарантас и повез. Дорогою я получил множество пощечин.

– Вот я вас всех переберу по одному! – грозил он мне.

Догнали двух вооруженных казаков. В правлении, куда меня повели, все писари были удалены, остались только атаман и его помощник...

Что потом было, я с трудом представляю себе. Сбитый с ног, я только чувствовал, что по мне топчутся ногами и рвут мое тело. Я лишился чувств.

Очнулся я в коридоре, когда казаки приподняли меня и дали холодной воды. Два казака проводили меня иною улицею от площади,

и я едва добрел до одного знакомца на мельницу, где и переночевал – избитый, израненный, истекший кровью.

На другой день мои сыновья приехали и забрали меня. После такого «угощения» я целый месяц болел, но все же молился Господу за обижающих и ненавидящих меня. Подавал я заявление участковому приставу, но что-то все обошлось без последствия. Через некоторое время этого атамана не стало. Однажды он в ожидании начальства сидел в пивной лавке на табурете и вдруг свалился на пол, как сноп, и умер внезапной смертью, умер в цветущих летах...

Наш отрадненский хор был приглашен на один хутор, где жило несколько семей баптистов. Это было на третий день Пасхи. Нас приняли с восторгом, и во время утреннего собрания, находясь в убранной хате, мы стройно пели духовные песни. Одна старушка, мать хозяина, недолго думая, пошла и пригласила всех православных ревнителей того хутора. Они во главе со старостой вторглись в дом и начали ругаться, а когда хозяин попросил их успокоиться, то они тут же схватили его и начали колотить. Затем принялись за нас – вытолкали на двор и прогнали сквозь размахивающую кулаками толпу душ в двадцать пять. Некоторые из наших братьев-хуторян даже лишились чувств от побоев. Вырвавшись из рук этих жестоких истязателей, мы начали убегать через степь до ст. Невинномысской, без шапок и почти без верхней одежды. До станции было верст пятнадцать. Нас, мужчин, было восемь, и четыре женщины. К счастью, женщинам попало мало, а мужчины после «угощения» долго еще испытывали боль в голове и костях. В молитвах перед Господом мы просили, чтобы Он простил врагам нашим, ибо не знают, что творят! В этом посещении участвовали А. А. Стоялов с дочерью, Г. Лыков с женою, Рематов, Ф. Лузин, С. Сорокин, В. Сорокин, я и др.

III

В 1903 году я был приглашен на годовое собрание Союза баптистов в Царицын. Когда на нем коснулись вопроса о братьях, которые в то время еще томились в ссылке, меня всем собранием обязали посетить находящихся в сибирских пределах.

По возвращении домой я однажды утром был в собрании на Тамбовском хуторе близ села Казминского. Староста арестовал меня и вернул в мой дом. Там я застал администрацию во главе с жан-

дармским полковником из Екатеринодара Кубанской области. Он тщательно обыскал мой дом в надежде найти политические прокламации. Но все усилия его остались тщетными, и он уехал, оставив меня в полном покое, лишь захватив с собой мое полномочие, выданное из союза.

Посоветовавшись с братьями, я с Божьей помощью отправился в путь 14 июля 1903 года. По пути я заехал к братьям на хутор Усово, у ст. Марьяновки Сибирской железной дороги, где брат А. Л. Евстратенко ознакомил меня с городами и селами Минусинского уезда Енисейской губернии, в которых я должен был посетить ссыльных братьев.

По приезде в Красноярск я разыскал некоторых ссыльных братьев и сестер. На пересыльном пункте в казенном подворье нашел служащего сторожем Дорофея Понос, сосланного из Подольской губернии, старика лет восьмидесяти. С ним мы пошли на квартиру сосланного семейства Василия Ефимовича Кирпичника. Меня приняли с великим воодушевлением, и я после продолжительной сутолоки в пути нашел благоприятный покой. Затем собрались сосланные за евангельское убеждение, которые еще не были приложены к церкви. Все они очень обрадовались моему посещению, встретили меня, как Ангела Божия.

До отправления парохода вверх по реке Енисею, дней пять я много беседовал со всеми, утешал их словом Божьим и тем, что братья имеют большое попечение о них. Там была старушка Анна Сижотова, лет семидесяти пяти, сосланная из Екатеринославской губернии, деревни Софиевки.

Распрощавшись, я на пароходе отправился до г. Енисейска, пятьсот верст, а оттуда – до г. Туруханска. С парохода пришлось наблюдать, как две собаки против течения тащили лодку, в которой почтовый чиновник развозил почту. На шестые сутки мы достигли д. Саморокиной, куда судом за совращение были сосланы наши братья Власенко из ст. Упорной Кубанской области. И еще оказался там сосланный в 1898 году из Херсонской губернии, Ананьевского уезда, Т. С. Логишевский с семейством. Они встретили меня с великою радостью. В беседе я утешал их и передал братский привет от всего союза, а также вручил пожертвование от брата С. М. Лазаренко из Курской губернии.

После благословенного собеседования я узнал подробно, что в Туруханске братья А. А. Стоялов и С. К. Поддубный по милостивому

манифесту освобождены из заключения и уже распродают свои скудные пожитки и собираются ехать в Красноярск.

Печальный вид имеет место ссылки: голые скалистые берега над рекою, а дальше – лес и тайга. Только однажды в год, во время навигации, каждый житель заготовляет для себя ржаную муку для пропитания, а овощи припасают только зажиточные. Занимаются там исключительно рыболовством и звероловством...

Мне пришлось много плакать с плачущими и иметь участие в их скорбях, а также и радоваться с ними, что Господь приурочил к этому времени их освобождение из ссылки.

Побывав в д. Саморокино, я, в надежде увидеться со всеми братьями, поехал обратно. Минуя Енисейск и Красноярск, я по Енисею поднялся вверх до г. Минусинска, пятьсот верст от Красноярска. Там наших братьев не оказалось, и я нанял подводу в д. Новопокровку, за сто верст, где нашел брата Петра Герасимовича Кокорина, с которым познакомился еще в Благовещенске. У него я нашел приют и отдых после трудного пути. Там оказались братья Семен Даниленко, Григорий Вербицкий с семейством и его сын Михаил Вербицкий. Все вознесли горячие молитвы к Господу за чудное посещение посланника церквей, и радости не было конца...

Потом Петр Кокорин повез меня на своей подводе в д. Иджа, где мы нашли И. А. Зелинского, сосланного из Подольской губернии. Он был среди ссыльных избранным пресвитером. Брат принял меня как драгоценного гостя. Пробыв там дней семь, я поехал с ним в д. Жеблахты к брату Терентию Реброву, сосланному из ст. Тихорецкой Кубанской области. Он созвал нескольких знакомых, которым я прочитал Слово Божье в назидание, затем мы спели, помолились Господу и по окончании собрания довольно еще беседовали.

Распростившись, мы отправились еще в д. Богословку, за сто верст, в глубокую тайгу. Там мы нашли восемь семейств баптистов, которые были обрадованы приезду нашему и благодарили Господа за неожиданное посещение посланника из России. За время их ссылки я был первым, кто посетил их. О, сколько тут было пролито слез умиления и радости – этого описать невозможно, только одному Господу известно! Три или четыре души пожелали стать членами церкви, и Господь помог принять их через святое крещение. Это было в ноябре месяце. Приняли также в церковь одну отлученную сестру. Собрания были весьма благословенные. После обильного утешения в десятидневном моем

пребывании в Богословке братья на своей подводе свезли меня в Минусинск, где я последним рейсом парохода отправился в Красноярск.

На вторые сутки после моего приезда прибыл пароход из Туруханска, и мы радостно встретили наших братьев, остававшихся в Туруханске,– Стоялова и Власенко с семействами. Поддубный не успел на пароход, и ему пришлось добираться до Красноярска с большим трудом на подводах. Мы собрались в продовольственном пункте, чтобы воздать благодарность Господу. Во дворе стоял дом, принадлежащий подрядчику по постройке казенных зданий Г. Л. Павликовскому, который некогда приближался к Богу и отчасти познал истину. Он разрешил собраться в том здании для богослужения, и мы совершили вечерю Господню в присутствии внешних. Мы с радостью приветствовали друг друга святым целованием. По окончании богослужения я обратился ко всем присутствующим и сказал:

– Мы и вчера вечером приходили сюда, чтобы провести вечер в этом доме, но не посмели потревожить вас, Гиларий Львович! А более подходящего помещения нет, где бы собираться. Вот, если бы хоть такой зал был у кого из вас, братия, то было бы здесь что-то похожее на церковь...

Когда я окончил речь, тогда хозяин дома Павликовский сказал:

– Вы, братья, приобретите себе где-нибудь уголок, местечко в городе, а я вам этот дом дарую, вы снесете его с этого подворья и поставите в своем уголке. Вот вам и молитвенный дом.

Мы все сердечно приветствовали его в знак нашей благодарности. Еще он подарил много лесу в добавление.

Я пожил там дней двенадцать. В течение этого времени были благословенные собрания и шесть душ Господь приложил к Своей святой Церкви через крещение в реке Енисее.

...Будучи посланником церквей, по уполномочию я крестил девять новых членов и принял двух отлученных. Четыре месяца пятнадцать дней было использовано мною на славу Царства Божия, о чем я дал отчет перед союзным собранием в Ростове-на-Дону в 1904 году.

Я и поныне желаю служить Господу в духе кротости тем даром, который имею от Господа, хотя мне уже шестьдесят пять лет от роду и около тридцати лет от рождения свыше. Я состою членом Казминско-Отрадной общины.

Максим Яцук

(Слово истины, 1914)

НОВОЕ О СТАРОМ

В Москве, по Садовой Землянке, имеется сектантское молитвенное помещение. Чинно и мирно проходят в нем собрания сектантов. Но бывает у них и шум, кончающийся судебными процессами: случается, сектанты начинают петь свой духовный гимн, а ревнители православия затягивают «Достойно есть». По распоряжению Московского градоначальника здесь же присутствует административное лицо, обязанное... защищать богослужения иноверцев. И действительно – собрания были защищаемы.

Однако картина начинает меняться. Не то чтобы защиты стало меньше, наоборот – на собрании присутствуют два пристава с несколькими околодочными и городовыми... Должно быть времена стали другие.

– Хочется душу отвести,– говорит одна сектантка из простых,– хочется в собрании, в молитве к Богу ближе стать, а тут шпоры и шашки все гремят. Того и гляди в часть заберут – боязно и ходить-то.

А после каждого собрания протоколы составляются один за другим. По окончании собрания у выхода обыкновенно производится сбор добровольных пожертвований для уплаты молитвенного помещения. Помощник пристава деньги опечатал и унес, а на проповедника составлен протокол.

Кроме того, в собрании нашлись две православные, шестнадцати и восемнадцати лет,– и новый протокол; нашелся воспитанник технического училища, которому около двадцати лет,– опять протокол; оказалась сектантка с трехлетним ребенком – приказание немедленно удалить ее. Член общины С. Ф. Ю. стала молиться: «Благодарю Тебя, Боже, за то, что верю в Тебя и вижу исполнение Твоих слов, что всякий верующий будет гоним», и за допущение подобной молитвы привлекли к ответственности и ее саму, и проповедника.

Было время, когда ревнители в борьбе с сектантством все находящееся в молитвенном помещении подвергали собственной цензуре. Под сомнением осталась одна фисгармония.

– Ведь апостол Павел никогда не носил с собой такой машины! – рассуждали они. – Фисгармония – немецкая выдумка...

Несчастную «машину» обвинили в способности совращать в сек-

тантство и объявили ей войну. Борьба с ней велась печатно и устно в продолжение нескольких лет и кончилась вничью.

Но времена настали другие, и в подозрении оказалась другая «машина».

– Не подложна ли Библия, по которой читает проповедник?!

Решили убедиться. Библия была истребована помощником пристава для осмотра, и заглавная страница списана.

– Издание Синодской типографии, обыкновенная Библия, только год издания, вот, неразборчив.

Но общими усилиями разобрали, и дело уладилось.

– Грустно у нас нынче в собрании,– передает член общины, одетый в форму кондуктора,– и молиться-то нельзя так, как чувствуешь, все по указке.

– Как «по указке»? – спрашивают.

– Да так вот: нашему проповеднику было сказано, что сущность нашего вероучения излагать нельзя и к покаянию призывать пусть не смеет, а то за пропаганду... А «пропаганда» нынче ж знаете, что значит? – обратился ко мне наш собеседник.

– А вот вчера, так хоть совсем из собрания уходи! – передает молодой человек лет двадцати шести, с усиками. – Помощник пристава говорит проповеднику: «Ваши проповеди слишком возбуждают народ. Я этого больше допустить не могу. Или вы не должны больше пускать на ваши собрания православных, или же после каждой проповеди у вас должен будет говорить православный миссионер». Что ж это мы – в наше помещение будем ходить слушать, как нас ругают «антихристами»?!

– Что ж вы ничего не предприняли? – спрашиваю.

– А что предпринимать?! На бумаге-то нет ничего.

– А вы бы спросили что-нибудь официальное.

– Да вот, официально пристав истребовал список лиц, говорящих проповеди, и список членов общины.

– Ну, да поможет вам Господь!

– Да мы больше ниоткуда и не ждем помощи. До свидания!

Я сел в трамвай.

Значит, еще не всегда можно свободно молиться! Но когда ж, когда?!

(Слово истины, 1914)

ЗАКРЫТИЕ СОБРАНИЯ БАПТИСТОВ

На миссионерском совещании еще осенью было признано, что одной из причин успешного развития баптизма в Белгороде является то, что молельня баптистов расположена на лучшей улице города. Харьковский миссионер архимандрит Арсений подал совещанию мысль обратиться за содействием к полиции.

– Я сделал так в Харькове,– признался энергичный миссионер,– и в результате баптисты не могут найти себе помещения для молельни: полиция каждый раз что-нибудь да возразит и не дозволит...

Миссионерское собрание воспользовалось гениальной мыслью харьковского миссионера. Однако попытки найти содействие у местной полиции были безрезультатны.

– Нет оснований к закрытию молельни,– конфузливо оправдывался исправник. – При всем желании не могу ничего сделать: у них все по закону!

Иной результат получился, когда ходатайство духовной власти дошло до губернатора Муратова. Он так заинтересовался этим вопросом, что сам, инкогнито, в сопровождении своего чиновника, явился на молитвенное собрание баптистов 22 декабря. Некоторое время губернатор тихо сидел среди богомольцев и слушал проповедь. Но скоро ему это надоело, и он, поднявшись с места, объявил, что закрывает собрание.

– Потому что присутствуют малолетние и учащиеся,– пояснил Муратов юридическую сторону своего распоряжения.

О «незаконном» собрании был составлен протокол.

– Как вы, люди неразвитые, темные, осмеливаетесь здесь молоть чепуху? – строго спрашивал Муратов.

– Апостолы тоже были простыми рыбаками, ваше превосходительство,– скромно ответствовали ему.

– Вы решаетесь равнять себя с апостолами? – негодующе вскричал губернатор. – На них сходил Дух Святой, благодать Божия!

– Дух дышит, где хочет, и подается каждому, ищущему истины.

– А сколько вы дали исправнику за разрешение открыть молитвенный дом? – переменил тему беседы Муратов.

– Ничего не давали.

Муратов объявил, что им разрешены были собрания, а они устроили молитвенный дом.

– Это незаконно. На главной улице, против православного храма не могу дозволить.

Баптисты пытались указать на высочайшее разрешение.

– Ищите квартиру где-нибудь на краю города, тогда, может быть, и разрешу.

Губернатор уехал, а помещение молитвенного дома день и ночь стало охраняться полицией, не допускавшей никого в помещение.

В силу этого вся община оставалась в праздники без молитвенных собраний, что, конечно, причинило много скорби и нравственного страдания всем членам. Особенно тягостно оказалось положение баптистов, приехавших на праздники издалека с семьями, с детьми. Их не допускали даже на ночлег.

Сейчас община озабочена вопросом о новой квартире, хотя бы на окраине города. Вследствие опасения давлений со стороны полиции, никто из хозяев не решается сдать общине помещение.

Лично убедясь в существовании еретического собрания, в широких размерах пропаганды баптистов, начальник губернии, возвратясь в Курск, потребовал к себе Белгородского исправника Ф. П. Логинова для объяснения по этому делу. Оказалось, что исправник разрешил баптистам иметь молитвенный дом в Белгороде и в двух селах уезда, тогда как по закону такие разрешения даются лишь начальником губернии. Исправнику было предложено немедленно подать в отставку за превышение власти, а молитвенные дома в городе и в селах были закрыты, как незаконно разрешенные местной администрацией.

(Слово истины, 1914)

ОТ МАГОМЕТА К ЖИЗНИ ВО ХРИСТЕ

Родился я в 1891 году в Ялтинском уезде, в горной татарской деревне. Мои родители занимались выращиванием табака. Они были религиозны до фанатизма.

Учился я в татарском мектебе (мусульманская школа для мальчиков), где учили меня всем догматам нашей религии. На переднем плане

было учение Магомета и толкования разных учителей ислама, но больше всего имела значение обрядовая сторона. Я был самым ревностным учеником и исполнителем всех предписаний закона до самых мелочей.

Я заучивал много молитв из молитвенника, чем старался достичь блаженства и найти покой для души.

Как-то на уроке русского языка, во время чтения рассказа «О воробье и голубе», учитель сообщил нам одно христианское предание – легенду о смерти Иса (Иисуса). Я, будучи любопытным, начал расспрашивать, почему, как говорят, распяли Иисуса.

Учитель стал горячо доказывать, что Иисус не умер, а вознесся на небо живым и вместо Него распяли другого. Это объяснение, хотя и в такой форме, дало мне первый толчок к исканию и возбудило интерес к Иисусу, Его жизни и учению.

Позже я попал в учительскую семинарию для продолжения своего образования. Моя жажда разобраться в учении Христа не прошла. Я жил в городе С., где встретился с одним человеком, сказавшим мне, что есть такое общество, которое разбирается в учении Христа. Я спросил, можно ли мне увидеться с такими людьми, но тот человек не мог дать их точного адреса. После всего этого я случайно увидел на базаре двух мужчин, сидящих у своего товара и читающих какую-то объемистую книгу. Она была, по-видимому, религиозная. Думал я так потому, что лица этих людей горели необычайной радостью. От них я услышал слово о Боге. Я стал каждый день проходить мимо них, чтобы послушать что-нибудь о Боге, но в то же время старался не подать виду.

Один раз, проходя по этому же кварталу, я увидел ужасную картину: к тому месту, где обыкновенно сидели мои незнакомцы, сбежались любопытные, окружили их и с бешенством устремились избивать их всей толпой. Были, конечно, и сочувствующие, но большинство из толпы злорадствовало. Я горел местью к тем, которые били моих дорогих незнакомцев.

На другой день я не удержался, пошел к ним и попросил дать мне книгу, которую они всегда читали. К моей великой радости и счастью, я получил ее на своем родном татарском языке. Это было Евангелие. Они пригласили меня к себе на собрание.

На собрании меня больше всего поразило общение моих друзей со всеми присутствующими. В первый раз я услышал проповедь брата Ф. Ф. Все, что он говорил, близко касалось моей бедной души. Он

открыл жажду познания и томление моего сердца, обрисовал мое жалкое положение язычника, не знавшего Того великого Учителя, Который спасает и таких, как я. Казалось, все говорилось ко мне: все слова, все обличения. Я сидел возле окна и старался спрятать свое лицо за ставнями, но слова продолжали поражать мое сердце. Я потел, краснел, дрожал от переживаний и чувствовал, что нигде нельзя скрыться от голоса, призывающего грешника. Поневоле сердце мое говорило: «Куда скроюсь от лица Твоего?» Когда пели гимн: «Грешных всех Христос зовет», мне казалось, что этот зов обращен лично ко мне. Для меня все это было необыкновенным и удивительным. Меня, гонителя и грешника, Он зовет! Его любовь победила меня, пленила, и я уже не мог распоряжаться собой, я был побежден.

Для меня, как для магометанина, эти переживания были прямо-таки потрясающими, но вместе с тем чрезвычайно радостными. На одном из собраний, когда говорили об отдаче сердца Господу, я открыл свое сердце перед Тем, Кто меня так возлюбил.

Это было в 1907 году. Я ощутил полную перемену в моем сердце, и с того дня все приняло другое направление и все кругом для меня стало ново. Я уже был не жалким, оставленным, обреченным на погибель грешником, но наследником любви и мира. Много пришлось мне перенести от моих единоплеменников: меня избивали до полусмерти, принимали всевозможные меры, чтобы разубедить меня, но все это еще больше углубляло мою веру и укрепляло мою стойкость и непоколебимость в истине.

В 1909 году через крещение я присоединился к общине, после чего были еще бóльшие искушения и гонения. Меня приводили к общественному суду, также к духовному увещеванию и суду, проклинали, а в 1912 году были сильные репрессии против меня со стороны царской полиции. До самой военной службы я был под надзором полиции. На военную службу отдали для того, чтобы избавиться от меня и затушить огонь в моем сердце.

В 1914 году мне пришлось ехать на фронт, где я из-за убеждений проходил нестроевую службу. Но и там сила Божья была со мною. Все свободное время было отдано на посещение лазаретов, где много пришлось переживать радостей. В лазаретах устраивали собрания, и некоторые обратились к Господу, как из татар, так и из русских.

В 1918 году я женился на своей единоплеменнице и стал жить и работать в горной деревне.

В 1919 году, 23 октября, в деревне была организована татарско-русская община баптистов из пяти членов и нескольких приближающихся. В этом же году проезжавший брат из Либавы, разъездной пресвитер-проповедник, совершил крещение трех наших членов, а меня рукоположил на служение пресвитера. Наша маленькая община пережила много гонений.

Господь благословил меня потрудиться и на литературном поприще для Его славы. Более двухсот духовных песен переведены мною на татарский язык, а частью составлены лично мною. Также мною написано и переведено на татарский язык несколько духовных брошюр. Во мне живет глубокая вера в то, что Господь поможет осуществить издание моих трудов для распространения истины Божьей среди мусульманского народа, а также пошлет еще многих работников на Свою обширную ниву. Нужда в работниках на ниве среди мусульман огромная.

Господь одарил меня знанием, кроме русского и татарского, и других языков – польского, чешского, арабского, персидского, сартского, киргизского, турецкого и других восточных языков тюрко-татарского и персидского корня.

Закончить автобиографию и описание обращения ко Христу хочу словами Писания: «Итак, моли́те Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву Свою». И все мы, призванные Христом, припомним Его повеление нам, как последнее указание: «Идите, научите все народы...», «...возведите очи ваши и посмотрите на нивы, как они побелели и поспели к жатве».

Да найдет рука Господня еще многих таких жалких язычников, как я, и приведет их в Свое небесное стадо. Аминь.

Абдулла

Следы Магомета

Я стою у старинной мечети –
Во дворе молчаливая грусть...
Всюду вижу печать Магомета,
Вновь ценить Иисуса учусь.

Веет смертью от каждого камня
И от келий забытых, пустых...
Нет ни света, ни жизни, ни знанья
Среди камней и сводов немых.

Во дворе сидят несколько женщин,
Им нельзя на молитву в мечеть...
Магомет, Магомет правоверный,
Как же будут они тебе петь?..

А мулла, и больной муэдзини,
И седых полдесятка татар
Холодны к поучениям длинным,
Ведь кипит за стеною базар...

Я стою у старинной мечети...
Мои думы – когда же Христос
Озарит темный люд Магомета,
Что в неведенья тине зарос?

И таю я в душе моей веру –
Будет некогда радостно здесь,
Придет лучшее, светлое время,
Запоют: «Он воскрес! Он воскрес!»

И. А. Кмета-Ефимович
(Баптист Украины, № 6, 1926)

ВОТЯКИ

На правом берегу реки Камы, где начинаются отроги Уральских гор, раскинулась Вотская автономная область, коренное население которой составляют вотяки, или удмурты (от вотского слова «мурт», что значит «человек»).

Несмотря на близкое соседство, русским этот народ мало известен. Ученые, изучающие историю этого народа, полагают, что вотяки принадлежат к финскому племени. Еще во времена Ивана IV Грозного, будучи теснимы правительством, вотяки ушли в глубь приуральских лесов, образовали там деревни и занялись сельским хозяйством и охотой.

Как в те отдаленные времена, так и теперь вотяки живут обособленно. К русским относятся недоверчиво и враждебно. Боясь влияния русских, как чужестранцев, они оказались вне всякой культуры. В их быту сохранился древний уклад жизни, примитивное ведение хозяйства, а с религиозной стороны – язычество с его невежеством

и массой чудовищных суеверий. Мало отличаются от язычников и православные вотяки, у которых язычество перемешалось с христианством. Так, посещая церковь, они в то же время приносят в рощах жертву богу Кереметти, на Масленицу палками выгоняют из своих домов шайтана (дьявола). Часто, прося Николая Чудотворца наказать врага-соседа, они в то же время произносят угрозы этому святому, если он не исполнит их желание.

Одеваются вотяки в холщовые и грубо-шерстяные ткани собственной выработки. Серая свитка, широкий кожаный пояс, нож и лапти – вот обычный национальный костюм вотяков.

Одна из характерных черт этого народа – пьянство. Крепкий напиток, так называемый кумышка (самогон), приготовляют сами. Употребление кумышки связано с религиозными обрядами, семейными и общественными праздниками и считается священным обычаем предков, а потому пьют все: мужчины, женщины, старики, молодежь, подростки. У вотяков есть поговорка: «Без кумышки вотяк – не вотяк».

Большинство вотяков нечистоплотны, болеют трахомой (глазной болезнью), некоторые даже слепнут.

И вот, среди языческой темноты вотяков вспыхнул евангельский огонек.

В 1912 году ушедший на военную службу крестьянин-вотяк Андреев, житель деревни Кыч, писал из Владивостока своим родственникам, что он стал новым человеком и ведет иную жизнь, что Бог спас его от греха и погибели... Родители недоумевали, не зная, чему приписать такую перемену в сыне, и думали, что он просто шутя описывает свое новое положение на военной службе.

Лишь младший брат Андреева понял, что в жизни брата случилась перемена на религиозной почве. Заинтересовавшись письмами брата, в которых тот советовал ему познакомиться с Евангелием, младший Андреев усердно принялся за чтение Священного Писания. Читая эту книгу, молодой человек начал внимательно всматриваться в жизнь и религию своих сородичей, и ему становилось понятней, в чем заключался вековой обман язычества и суеверия, окутавший непроницаемой тьмой родной его народ. При свете Слова Божьего ему открылась безобразная нагота того, что раньше он считал вполне допустимым. Жизнь его под влиянием евангельского света стала меняться – он перестал пить, курить, ругаться.

Такая перемена встретила протест со стороны родных, и осо-

бенно жены, которая должна была лишиться многих языческих удовольствий. Трудно было одинокому Андрееву! Но Господь помог ему: чтение Евангелия больше и больше укрепляло его, вселяя бодрость и веру в его порой сомневающееся сердце.

Наступил грозный 1914 год. Началась германская война, а вместе с ней и мобилизация. Взяли в солдаты и Андреева. На службе он не расставался с дивной книгой, открывшей ему так много светлого. Молился он только молитвою «Отче наш» и больше ничего не знал.

Когда Андреев был в Киеве, у него впервые произошла встреча с верующими. Идя как-то по улице, у открытого окна одного дома он увидел человека, читающего вслух Евангелие. Несколько человек внимательно слушали. Андреев остановился, прислушался и решительно зашел в дом.

– Кажется, вы тут читаете Евангелие? – спросил он собравшихся.

– Да,– ответили ему. – А вы что, интересуетесь им?

– Очень,– ответил Андреев. – Я сам всегда читаю его, потому-то и зашел сюда: хочу слушать родную и любимую мною книгу. – При этих словах он вынул из кармана потрепанный Новый Завет.

– Так вы, значит, брат?! – радостно воскликнул читавший Евангелие и поцеловал Андреева. – Садитесь, расскажите, из какой вы общины, где обратились?

– Не знаю... О чем вы спрашиваете? – ответил смущенный Андреев.

– Я спрашиваю, где вы познали Господа, в какой общине или через какого брата? В общем, где и когда вы отдали свое сердце Богу?

Андреев продолжал смотреть с недоумением, не понимая, о чем его спрашивают.

– Значит, я поторопился приветствовать вас? Вы, оказывается, не брат?

Последняя фраза озадачила Андреева.

– Что же нужно сделать, чтобы стать вашим братом? – спросил он.

Вместо ответа беседующий с ним человек пригласил его на собрание евангельских христиан. Сначала Андреев попал на вечерю любви, а затем на призывное собрание, где после краткой беседы отдал свое сердце Господу. Для него начались счастливые дни... Через некоторое время он принял водное крещение.

В 1917 году Андреев возвратился домой, в деревню Кыч, и стал проповедовать слово Божье своему народу. Нелегко ему пришлось на первых порах. Соседи были глухи к его проповедям, ни одна

душа не сочувствовала евангельской вести. Непробудное пьянство сильно мешало проповеди.

Вскоре в деревне появился вотяк, уверовавший на военной службе. Вернувшись на родину, он тоже начал свидетельствовать о живом Боге, но долго не имел успеха. Где бы он ни был: в поле, на улице, дома – он пел христианские гимны. Спустя немного времени во многих домах дети начали петь песни из «Гуслей». Старшие слушали и не могли понять, что́ поют их дети.

– На уличные песни не похожи! Что-то все про Бога поминают,– толковали между собой вотяки. – Церковные молитвы? Тоже нет. Не так они поются, да и не на таком языке...

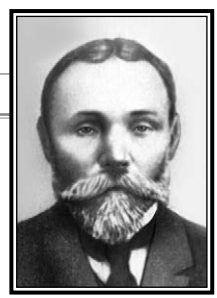
Пение многим стало нравиться. Сельчане ближе познакомились с верующим вотяком и начали слушать чтение из Евангелия. Доброе семя падало в сердца, и несколько семейств обратилось к Господу.

Так с 1922 года стал пробуждаться от векового сна вотский народ. Там и здесь появились в деревнях верующие, но были настолько разрознены, что даже не подозревали о существовании друг друга. И только тогда, когда их посетила группа евангельских христиан из г. Ижевска, была впервые устроена вечеря любви.

Велика была радость верующих вотяков, когда они увидели друг друга и узнали, что их уже много и что некогда далекие грешники, пьяницы стали близкими и родными по Крови Иисуса Христа!

М. Плецкий

(Христианин, 1927)



МАЗАЕВ АНДРЕЙ МАРКОВИЧ

Хриплым, надтреснутым голосом Андрей Маркович Мазаев, подвижный и бодрый семидесятисемилетний старик, все еще поет свою любимую песню:

Наш меч не из стали блестящей,
Не молотом кован людским...

Сам Андрей Маркович тоже не блистал внешними талантами.

Это был полуграмотный мастеровой, сын бедного деревенского портного. Но «послушайте, братия мои возлюбленные: не бедных ли мира избрал Бог быть богатыми верою и наследниками Царствия, которое Он обещал любящим Его?» «Посмотрите, братия, кто вы, призванные: не много из вас мудрых по плоти, не много сильных, не много благородных; но Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное; и незнатное мира и уничиженное и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее,– для того, чтобы никакая плоть не хвалилась пред Богом». Поистине, Андрей Маркович Мазаев принадлежит к числу тех избранников Божьих, в немощи которых явлена Его сила.

21 февраля 1925 г. исполнилось пятьдесят лет со дня вступления Андрея Марковича в церковь, и это дает нам повод познакомить братьев и сестер с жизнью и деятельностью нашего ветерана.

Андрей Маркович Мазаев – сын крестьянина Тамбовской губернии, села Большой Бурнак. Еще в молодости его отец переселился в Закавказье, в село Воронцовку Тифлисской губернии, где в 1848 г. родился Андрей Маркович. Вскоре после его рождения Мазаевы переселились в Тифлис, который и сделался родным городом для Андрея Марковича.

Отец Андрея Марковича занимался портновским ремеслом. По вероисповеданию он был молоканин. Мать Андрея Марковича умерла, когда ему было всего три года. Но можно с уверенностью сказать, что от нее Андрей Маркович унаследовал ту восторженность и постоянную пламенность духа, которая неугомонным вулканом клокочет в его тщедушном теле и делает его вечно юным воином, с триумфом шествующим за незримым Вождем.

С ранних лет отец приучал мальчика к портняжному делу и учил его читать по-славянски. Но вот над семьей разразилась гроза: отец был посажен в тюрьму за участие в поставке для таврических молокан (в село Ново-Васильевку) наемных рекрутов, которые заменяли их сыновей в военной службе. В тюрьме отец просидел восемь с половиной лет. Девятилетний Андрюша, оставшийся круглым сиротой, был отдан мачехой к портным Щербаевым и там жил вплоть до выхода отца из тюрьмы.

Щербаевы были молокане, но склонялись к иудейству. Под их влиянием и Андрей Маркович, юноша религиозный и ищущий, сильно

увлекся иудейством и готов был оставить молоканство. Но тут произошли события, которые дали духовному развитию молодого человека совершенно другое направление. В 1867 г., когда Андрею Марковичу шел девятнадцатый год, отец его вышел из тюрьмы, взял его от Щербаевых и женил.

В это время весь молоканский мир Закавказья был взволнован событием, вскоре приобретшим историческое значение: пресвитер Тифлисской молоканской общины, влиятельнейший и известный всему Закавказью, Никита Исаевич Воронин принял водное крещение (в 1867 г.) и основал в Тифлисе общину баптистов, к которой вскоре присоединился еще один из влиятельнейших молоканских деятелей – Семен Герасимович Родионов.

Событие это произвело на молокан потрясающее впечатление. Во многих собраниях при известии об этом был большой плач и пение предостерегающих слов Господних: «Бодрствуйте, потому что не знаете, в который час Господь ваш придет» (Матф. 24, 42). На молодые умы это произвело тем более сильное впечатление. Андрей Маркович в числе других молодых молокан усердно принялся за изучение Слова Божьего, участвуя в кружке молодежи, поставившей себе задачу отстаивать молоканство от нового «водного» течения. В то же время он изредка посещал собрания баптистов.

В его душе происходила мучительная борьба, и он не знал покоя.

«Какой-то неизвестный тогда для меня неотвязный дух твердил мне: „Откажись от Христа, и тебе будет легче“»,– рассказывал Андрей Маркович в своем кратком жизнеописании.

Внутренняя борьба продолжалась, молодой человек метался между неверием и полным признанием Сына Божьего как Искупителя. Однажды ночью, когда злой дух нашептывал свои гибельные речи об отступлении от Христа, Андрей Маркович встал с постели и в душевной тоске наудачу открыл Евангелие. Взгляд его сразу упал на следующее место Слова Божьего: «...невозможно не прийти соблазнам, но горе тому, через кого они приходят; лучше было бы ему, если бы мельничный жернов повесили ему на шею и бросили его в море, нежели чтобы он соблазнил одного из малых сих» (Лук. 17, 1–2).

Андрей Маркович пришел в трепет, увидев страшную опасность, перед которой он стоял, и вечную гибель для отступников. В этот момент Христос победил в его душе, и тяжелый гнет упал с его сердца. Андрей Маркович стал постоянным посетителем собраний

баптистов, ряды которых усилились многими новыми членами, в том числе В. Г. Павловым и В. В. Ивановым, присоединившимися в 1871 г.

Несмотря на то что отец и родственники жены были против, Андрей Маркович все же решил присоединиться к Церкви Христовой и 21 февраля 1875 г. был крещен В. Г. Павловым в реке Куре, в Тифлисе.

Отличаясь неудержимой ревностью, Андрей Маркович вскоре стал проповедовать в собраниях и вместе с Е. М. Богдановым был избран учителем воскресной школы.

16 декабря 1879 г. Тифлисская церковь избрала Андрея Марковича на диаконское служение. 17 августа 1880 г. одесский пресвитер А. Либиг рукоположил его, и с того дня до сего времени он несет свое служение. Таким образом он является ныне старейшим диаконом в нашем русском братстве.

В мае 1882 г. Андрей Маркович был послан в качестве делегата на братский съезд в колонию Рюкенау Таврической губернии и там был избран членом Миссионерского комитета. С того времени началось его деятельное участие в деле миссии. Он заведовал всей миссионерской работой в Закавказье вплоть до 1891 г., то есть до ссылки. В силу этого Андрей Маркович получал отчеты миссионеров и платил им жалованье, получал отчеты от закавказских общин о приросте и убыли членов в общинах. К нему со всех сторон стекались просьбы о присылке благовестников.

В декабре 1886 г. Андрей Маркович участвовал на Всероссийском съезде баптистов в Кубанской области, где был избран вице-председателем съезда и принимал в работе съезда живейшее участие. В январе 1889 г. на съезде в селе Никольском Ставропольской губернии Андрей Маркович был избран заведующим закавказским отделением союзной миссионерской кассы и в этой должности проявил много заботы о миссии.

Сам Андрей Маркович не отличался проповедническим даром, однако в меру своих сил потрудился и в деле проповеди, сопровождая в миссионерских поездках наших известных проповедников: В. Г. Павлова, В. В. Иванова, П. Г. Демакина и других.

На съездах 1889 г. и 1890 г. он был избран благовестником на срок в три месяца с полномочием совершать крещение.

В своей Тифлисской общине Андрей Маркович нес служение диакона, проповедовал, а в отсутствие пресвитера руководил заседаниями общины. Неутомимая деятельность Андрея Марковича

в распространении баптизма обратила на себя внимание правительства, и в августе 1891 г. Андрей Маркович в административном порядке был выслан из Тифлиса в Кубу Бакинской губернии сроком на пять лет. Препроводили его туда этапом в ручных кандалах.

Когда пятилетний срок ссылки истек, власти добавили к нему еще четыре года. В ссылке, живя среди татар и армян, Андрей Маркович к своему портняжному ремеслу прибавил еще одно – хлебопечение. Он открыл пекарню и таким образом обеспечивал пропитание своему семейству. Лишь в 1899 г. Андрей Маркович вновь вернулся в Тифлис.

По возвращении из ссылки Андрей Маркович продолжал участвовать в деле Божьем. По назначению Всероссийского съезда он четыре месяца работал в Закаспийском крае, участвовал в съездах, работал также в Кубанской области, где многих крестил. В Майкопе он крестил семнадцать душ и тем положил там основание общине баптистов.

В 1923 г. А. М. Мазаев участвовал на XXV Всероссийском съезде баптистов в Москве, где был избран почетным членом президиума.

Ныне Андрей Маркович еще здравствует и по-прежнему горит любовью к делу Божьему. Да благословит Господь закат его земной жизни, как благословил Он ее восход и расцвет.

П. В. Иванов-Клышников
(Баптист, № 2, 1925)

В первые годы XX столетия Андрей Маркович побывал с проповедью Евангелия в городе Ашхабаде. Прибывший в этот город после Андрея Марковича М. Д. Чечеткин крестил там семь душ. Некоторые подробности дальнейшего служения Андрея Марковича в этот период известны из отчета Миссионерского общества за 1907 год.

Брат Андрей Маркович Мазаев из Тифлиса трудился в проповеди слова Божьего большей частью между молоканами в Карской области и Елизаветпольской губернии. Из Тифлиса в Карскую область он ездил в сопровождении брата Ф. А. Аришина из с. Малхазовки, которому на путевые расходы отпустил средства брат Т. А. Фефелов.

Русские селения в Карской области населены сектантами разных толков: молоканами тамбовского толка, духовными или прыгунами, иеговистами, иудействующими и адвентистами. Баптисты есть лишь

в одном селе, а именно в Новодубовке, где они имеют правильное богослужение. В других селениях есть лишь отдельные члены нашего братства.

При посещении этих сел во многих местах братья встречали враждебное отношение со стороны почти всех сектантов, из которых очень немногие позволяли им говорить слово Божье в своих собраниях, но зато очень много приходилось проповедникам разговаривать с отдельными группами и личностями, в особенности на свадьбах, похоронах и обедах.

Поездка эта длилась два месяца, с 10 октября по 10 декабря 1907 г., и они возвратились в Тифлис.

Вторая поездка была по Елизаветпольской губернии. Брат Мазаев совершил ее частью в сопровождении брата П. М. Зольникова, который ездил для возвещения слова Божьего по собственному побуждению и на свои средства.

Сначала они посетили город Елизаветполь, затем станцию Тертер и село Борисы, где все прыгуны и всего лишь три баптиста. Братья посетили прыгунов, но там им не дали говорить слово Божье, посему они устроили свои собрания, которые посещали некоторые прыгуны.

Из Борисов проехали через православное село Орлово-Денисово, где недавно присоединились к Елизаветпольской общине два брата. Сельское общество хотело изгнать их по приговору за перемену веры, но губернатор не утвердил этого приговора. Один из близких к нам был уволен со службы из земской стражи также за свои евангельские убеждения.

«Пристав, увидев нас в этом селе,– пишет брат А. М. Мазаев,– попросил нас явиться к нему в канцелярию, просмотрел наши паспорта, запретил проповедовать и приказал назавтра выехать».

Отсюда проехали через село Ходжалы, где есть три души верующих. Имели там собрание и ободряли детей Божьих переносить лишения. Далее благовестники продолжали свой путь на волах в село Алексеевку, где тоже имели собрание и где тоже есть трое верующих. Доехали до урочища Хан-Кенды, где наши ссыльные братья оставили следы своего пребывания, посеяв семена жизни в некоторые души.

В Хан-Кендах есть семь армян-баптистов, один из которых занимается сапожным ремеслом. Этот брат своей честностью и аккуратностью приобрел себе такую репутацию, в особенности среди

военных, что ему шлют заказы со всех сторон, даже с Дальнего Востока, но он нимало не гордится, но за все благодарит Бога, Которому жертвует от своего заработка. Здесь братья тоже имели собрания, в числе слушателей были и военные. Здесь П. М. Зольников оставил брата А. М. Мазаева и возвратился домой, а А. М. Мазаев поехал в Шушу.

В Шуше тоже есть братья из армян, и А. М. Мазаев полагал пробыть здесь не больше двух дней, но пробыл целую неделю, возвещая слово Божье через переводчика брата Арама.

Отсюда А. М. Мазаев отправился в Казахский уезд и был в духоборческом селе Славяновке, где посетил их богослужение и говорил слово Божье. Затем посетил молоканские села: Новосаратовку, Новоивановку и Михайловку. Во всех этих селах есть наши небольшие общины, но молокане крепко держатся «религии предков» и ветхой жизни и не принимают слово Божье в неискаженном, чистом виде.

(Отчет Миссионерского общества, 1907)

Осенью 1909 года Андрей Маркович посетил Ташкентскую церковь, и его посещение принесло радость и благословение всем посетителям собраний.

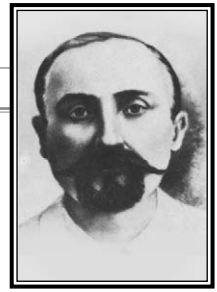
Последние сведения об Андрее Марковиче находятся в журнале «Баптист Украины»:

С 1 по 5 декабря 1927 г. в Баку проходил VII Закавказский съезд христиан-баптистов. На этом съезде Андрея Марковича снова избрали в совет Закавказского союза.

Заключительное слово на прощальном собрании после съезда говорил брат Ф. Д. Сапожников. После него на кафедру поднялся Андрей Маркович и предложил спеть общим пением его любимую песнь. «Какую? – спросил он. – „Наш меч...“» Дружно, восторженно все собрание спело эту песню. Андрею Марковичу в то время шел уже восьмидесятый год.

(Баптист Украины, № 3, 1928)

КАНДЕЛАКИ ИЛЬЯ МИХАЙЛОВИЧ



В 1888 году в Грузии родился мальчик, который впоследствии стал проповедником среди своего грузинского народа. Подростком он окончил ремесленное училище в Тифлисе. Неизвестно, как складывалась жизнь Ильи Канделаки в юности, но на двадцать пятом году жизни он оказался в столице Эстонии Вильнюсе и там уверовал в Господа Иисуса Христа. Там же 31 января 1913 года он был крещен братом Моронцом.

После крещения Илья Михайлович вернулся в родную Грузию. 12 марта 1919 года в молитвенном доме Тифлисской общины баптистов прошло собрание, на котором слово Божье впервые проповедовалось на грузинском языке. С тех пор один раз в неделю, по субботам, регулярно устраивались собрания на грузинском языке. Каждый раз, читая перед проповедью текст Священного Писания, Илья Михайлович переводил его на современный грузинский язык, так как Библии были только на старогрузинском языке, который грузины почти не понимали.

Начиная с 1919 года Илья Михайлович отдался служению благовестия в Тифлисе. Он издавал трактаты и брошюры на грузинском языке.

В мае 1924 года брата Илью Михайловича Канделаки рукоположили на учителя в Тифлисской церкви. А 1 января 1926 года Союз баптистов пригласил его на служение союзного благовестника среди грузин.

Илья Михайлович принимал участие в работе XXVI съезда баптистов. В своем докладе о работе среди грузин он в частности сказал:

В 1925 году издан маленький грузинский песенник, составленный из духовных песен, переведенных с русского языка. Имеется немного и другой духовной литературы на грузинском языке. Верующих

и крещенных по вере грузин имеется в Грузии за полсотни. Центром духовной работы среди грузин является город Тифлис. Работа ведется нами и в других местах Грузинской республики. Грузины – большие любители пения. Поэтому создан небольшой грузинский хор, которым руководит способный регент, верующий грузин...

Главное же, для расширения святой работы Божьей среди грузин требуется Евангелие на современном грузинском языке...

(Материалы XXVI съезда баптистов, 1927)

Союз баптистов поручил брату И. М. Канделаки начать работу по переводу Евангелия на современный грузинский язык.

Илья Михайлович жил и работал в Тифлисе, но выезжал для проповеди Евангелия и в другие места Грузии. Однажды, 21 августа 1927 года, после собрания в Тифлисской общине, он сказал о своем желании выехать на неделю для благовестия в Кахетию, предполагая вернуться к воскресенью.

— Молитесь обо мне,— прощаясь, просил он братьев и сестер.

На 24 августа было назначено собрание в с. Кихицкели, где жил один брат — Захария. Служение началось в пять часов вечера. Из местных жителей было больше четырехсот человек. После собрания Илья Михайлович отвечал на множество вопросов. Беседа перешла в диспут. Народ явно был на стороне брата Канделаки, и это очень раздражало его оппонентов, которые высказывали угрозы.

Уже после девяти часов вечера Илья Михайлович закончил собрание и сказал, что ему надо идти на станцию, чтобы уехать в следующее село.

Около десяти часов Илья Михайлович с братом Захарией пошел на вокзал, до которого было километра три. Узкая тропинка шла через кусты, сады и яры. Братья беседовали о предстоящем собрании в с. Урия Тубане. Так они дошли до железнодорожного полотна. Была темная ночь.

Вдруг с железной дороги раздался голос:

— Стой!

— Что вам нужно? — спросил Канделаки.

Раздался выстрел из винтовки, и пуля разорвала кисть левой руки Ильи Михайловича. Затем последовал еще один выстрел. Илья Михайлович упал, крикнув:

— Меня убили!

Захария бросился бежать. Неприятель выстрелил еще раз и ранил бегущего в ногу. Захария упал прямо в кусты. Злоумышленник, вероятно, подумал, что он убит, и возвратился к Илье Михайловичу. Последовало еще несколько выстрелов.

На выстрелы прибежали с вокзала люди. Они нашли Илью Михайловича лежащим в луже крови, но еще живого. В это время шел поезд. Остановив состав, добрые люди положили Илью Михайловича в вагон и повезли на вокзал, но по пути он умер. На вокзал был доставлен и раненый брат Захария, там ему оказали медицинскую помощь.

Один из проводников поезда знал Илью Михайловича. Приехав утром в Тифлис, он сообщил верующим о смерти брата. Тело убитого доставили в Тифлис, где и состоялись похороны.

В своей родной Грузии сложил он голову и испустил дух 24 августа 1927 г. «Пролитая кровь мучеников – семя будущего благословения».

Брат Илья Михайлович Канделаки умер, но он не забыт и не может быть забыт. За слово Божье и за свидетельство Иисуса Христа он положил душу свою. «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих»,– сказал Господь (Иоан. 15, 13). «Кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее» (Марк. 8, 35) и получит венец от Господа.

(Баптист, № 9, 1927)

ФЕТЛЕР ВИЛЬГЕЛЬМ АНДРЕЕВИЧ

Видное место в истории развития русского евангельского движения занимает Вильгельм Андреевич Фетлер: его исключительной энергии обязаны мы постройкой самого большого молитвенного дома в России – Дома Евангелия в Ленинграде, образованием

самостоятельной баптистской общины в Москве и широким распространением среди русского народа духовной литературы.

(Из доклада Н. В. Одинцова на Рижской конференции баптистов 8 ноября 1926 года. Баптист, № 1, 1927)

Вильгельм Андреевич Фетлер родился 15 июля 1883 года в Латвии, в городе Тальсен. Отец его был пресвитером баптистской общины и претерпел много притеснений от лютеранского духовенства. Крещение Вильгельм принял, будучи еще отроком. Из-за притеснений отец преподал сыну крещение ночью в присутствии членов общины.

С ранней юности Вильгельм трудился среди молодежи и занимался с детьми в воскресной школе.

Работая бухгалтером, Вильгельм Андреевич внутренне почувствовал призыв Господа посвятить себя духовному труду. Не сразу он смог решиться последовать призыву, но все же покорился и решил поступить в Спердженский колледж в Лондоне. Он написал туда письмо с просьбой принять его, а сам, в ожидании ответа, стал изучать английский язык. Из Лондона пришел положительный ответ, и В. А. Фетлер отправился в Англию. Это было в 1903 году, когда ему было двадцать лет.

В очерке о В. А. Фетлере преподаватель семинарии Спердженa, доктор богословия А. Микэйг, писал:

Наш юноша, когда прибыл к нам... едва мог говорить по-английски. Но в течение шести месяцев он сделал такие успехи в познании нашего языка, что был способен переводить на баптистском объединенном собрании речь русского посетителя (по-видимому, имеется в виду брат Балихин, посетивший в это время конференцию в Англии. – *Прим. И. П.*). Он преуспевал во всем, что изучал, и не отставал от своих английских товарищей, получая на экзаменах высшие оценки. Он не только был одним из лучших студентов, но и проявил себя в прекрасном влиянии на товарищей.

На I Всемирном конгрессе баптистов в Лондоне в 1905 году В. А. Фетлер также был переводчиком для русской делегации, которая пригласила его по рекомендации Ф. П. Балихина.

В 1907 году В. А. Фетлер окончил учебу в Лондоне и отправился в Петербург для духовной работы. По прибытии он стал пастором в небольшой латышской общине баптистов. В Петербурге он познакомился с общиной, пресвитером которой был И. В. Каргель, а также с верующими из высших кругов общества, такими как княгиня С. Ф. Ливен, Е. И. Черткова, и с христианами из простого народа.

Вильгельм Андреевич обладал неиссякаемой энергией, очень быстро располагал к себе собеседников. В Петербурге образовалась самостоятельная община баптистов, служителем которой стал В. А. Фетлер.

Деятельность В. А. Фетлера, несмотря на его молодые годы, была кипучей. Он участвовал на съездах Всероссийского союза баптистов. Начиная с 1908 года он проводил евангелизационную работу в Москве и участвовал в организации там баптистской общины, пресвитером которой в 1910 году стал Семен Прокофьевич Степанов. В 1908 году В. А. Фетлер участвовал также в Европейском конгрессе баптистов в Берлине.

Фетлер был видным проповедником. Его проповеди привлекали массу слушателей, так что ему приходилось нанимать большие залы. Он проводил специальные собрания для студентов, и многие обращались к Господу. Также он проводил специальные ночные собрания для падших женщин и для тех, кто опустился на самое дно общества. Собрания эти были очень многолюдны и имели немалый успех, о чем писали и светские газеты. Главные собрания проходили в Тенишевском концертном зале, вмещавшем до семисот человек.

В 1909 году Вильгельм Андреевич издавал журнал «Вера». В этой работе он пользовался поддержкой баронессы М. Н. Ясновской. Журнал имел большой успех, так что возникло опасение, что он затмит собой союзный журнал «Баптист», поэтому его издание было прекращено.

В том же году под руководством В. А. Фетлера было организовано издательство, печатавшее духовную литературу. Оно ежегодно выпускало более сотни наименований книг и брошюр. В 1910 году Вильгельм Андреевич Фетлер организовал издание журнала «Гость».

На съезде баптистов, проходившем в мае 1908 года в Киеве, Вильгельм Андреевич предложил построить в Петербурге Дом Евангелия для собраний баптистской общины и евангелизационной работы в городе. Это предложение было одобрено, и начался сбор средств для строительства. Вильгельм Андреевич на этом съезде был избран кандидатом в правление союза.

На май 1909 года был назначен съезд баптистов в Одессе. Однако провести его не удалось, так как воспрепятствовали органы власти. Особенно ревновал против дела Божьего местный православный миссионер М. А. Кальнев. Некоторые братья (В. Г. Павлов, Л. П. Назаренко) были осуждены на тюремное заключение. Вместо съезда братья В. А. Фетлер, Ф. П. Балихин и некоторые другие провели евангелизационное собрание. В результате многие уверовали в Господа.

Съезд перенесли на 27 сентября — 7 октября в Ростов-на-Дону. На этом съезде Вильгельму Андреевичу было поручено вести статистику Союза баптистов.

Параллельно с основным съездом, 2–5 октября в этом же городе проходил съезд представителей молодежных кружков и воскресных школ. Председателем этого съезда был избран Вильгельм Андреевич. Он читал реферат «О духовном значении воскресных школ». В заключение съезда был избран совет из семи человек для удовлетворения разных духовных потребностей юношей и девиц и для руководства молодежными кружками и воскресными школами. Вильгельм Андреевич был избран председателем этого совета.

В июле 1910 года в Петербург вместе с В. А. Фетлером приехал из Англии А. Микэйг. Вот что писал он в своем очерке:

> В 8 часов 30 минут вечера мы вошли в зал, где собрание уже началось под руководством помощника В. А. Фетлера. Народ знал о нашем прибытии в Петербург, и люди пришли на собрание. Они горячо стали приветствовать В. А. Фетлера. Хор запел гимн «Народы, люди, племена – все, как семья одна». Они прекрасно пели близкий нам гимн, и мы сразу почувствовали себя как дома. Я сказал несколько слов собравшимся. Фетлер проповедовал около часа, народ слушал с большим вниманием.

Далее ему сказали, что некий английский промышленник проявил большой интерес к собраниям и предоставляет для них свой зал. И там происходили богослужения. Собирались тысячи людей, собрания были благословенны, у наблюдавших за происходящим жандармов даже слезы текли.

Фетлер был все время занят делами церкви. Все годы, сколько я его знал, он был погружен в работу. Приходилось удивляться, как он успевает во всем.

Бурная деятельность Фетлера не могла не привлечь внимания властей. Его вызывал начальник секретной полиции и просил дать обещание, что он запретит молодежи посещать его евангелизационные собрания, а детям православных родителей запретит посещать воскресную школу. Фетлер ответил, что не может обещать этого. Посетители приходят на открытое собрание под свою ответственность, и если дети занимают места в переполненном собрании, то он, конечно, не будет выгонять их.

В этом же 1910 году приступили к строительству Дома Евангелия. Средства на это дело Вильгельм Андреевич энергично собирал повсюду, и у людей было расположение жертвовать.

Санкт-Петербург. На молитвенных собраниях баптистов, происходящих два раза в неделю в зале Тенишевского училища, обыкновенно производятся сборы в пользу общины. На основании циркуляра от 4 октября 1910 г. полиция предъявила представителю Петербургской общины баптистов В. Фетлеру требование о прекращении сборов на собраниях, но В. Фетлер отказался исполнить это требование, считая его незаконным, за что и был привлечен к ответственности. 9 февраля это дело было заслушано у мирового судьи 10 участка. В. Фетлер не признал себя виновным, причем указал, что циркуляр министра внутренних дел запрещает производить сбор лишь на таких молитвенных собраниях, которые носят случайный характер. Между тем, молитвенные собрания баптистов в зале Тенишевского училища происходят регулярно и вполне отвечают требованиям циркуляра от 4 октября.

Мировой судья оправдал В. Фетлера.

(Баптист, № 9, 1911)

Организатором и руководителем строительства Дома Евангелия был в основном В. А. Фетлер. Строился дом по плану архитектора И. В. Калиберды. Главный зал здания был рассчитан на полторы тысячи мест. Кроме этого зала имелось еще два — на шестьсот и четыреста мест — и комнаты для других потребностей.

Открытие Дома Евангелия состоялось на Рождество 1911 года (7 января 1912 года). Для участия в этом торжестве приехали верующие из многих городов России, всего около ста пятидесяти человек. Большое собрание открылось в 4 часа дня. Зал был переполнен, присутствовало около тысячи восьмисот человек. Многие остались на улице, не имея возможности войти. Одним из первых пели гимн «Братья, все ликуйте», составленный В. А. Фетлером в честь открытия Дома Евангелия.

Вильгельм Андреевич проповедовал на текст: «Если Господь не созиждет до́ма, напрасно трудятся строящие его» (Пс. 126, 1). Он говорил с великой силой. Затем и гости приняли участие в слове. Собрания проходили целую неделю. Начало нового года ознаменовалось тем, что восемьдесят душ обратилось к Господу. В воскресенье еще пятьдесят душ решили следовать за Христом.

Впоследствии А. Микэйг, также прибывший для участия в торжестве открытия дома, писал:

Когда закончилась эта чудесная серия собраний, посвященных открытию молитвенного дома, наши сердца были переполнены радостью и уверенностью, что Петербург стал центром евангелизационной работы и что от этого дома будет возрастать влияние на духовное пробуждение города, и это должно коснуться всей Российской империи...

Вильгельм Андреевич Фетлер – человек очень универсальный. Он свободно говорил на четырех языках – русском, немецком, английском, латышском – и мог читать Библию на еврейском, греческом и латинском языках. Он также одарен и музыкальным слухом. Он сам создал хор, руководит им и поет соло. В один и тот же час он обсуждает важный вопрос с архитектором Дома Евангелия и объясняет урок для класса проповедников. Затем он бежит в учреждение

полиции и обеспечивает некоторые уступки с ее стороны для устройства собраний.

Вильгельм Фетлер – общительный человек. Он входил в контакт с людьми разного положения и вероисповедания, людьми, которые были намного старше его, и со всеми был общителен и показывал во всем пример...

Вильгельм – красноречивый человек. Я был тронут до глубины души, когда слушал его проповедь, хотя и не знал русского. Действие же на тех, которые понимали, было огромно... Вильгельм Фетлер был освященный человек. Здесь и заключается секрет его силы в его служении во всем Петербурге – и в залах, и в скромных домах обыкновенных людей.

Пять или шесть лет тому назад он прибыл в этот город. Юный, не знающий никого, неизвестный. И он привлек город. Имя его прозвучало по полям, лесам и горам обширной империи. Бог призвал его к огромной работе, и он просто сказал: «Вот я, пошли меня!»

Трудился В. А. Фетлер и в Риге, где жил родной ему народ. В 1912 году он прибыл туда для проповеди Евангелия. Нанимаемые в разных частях города залы не вмещали слушателей. Попытка арендовать большой концертный зал не удалась — власти не дали разрешения. Временно проводили служения в большом зале немецкой церкви. Приходило много народу, все хотели слушать проповедь Евангелия. Тогда купили большое здание бывшей православной церкви (православным построили новое), оборудовали его для богослужений и назвали «Голгофа». Так как в православных церквах сидений не было, то объявили о сборе стульев. Было пожертвовано тысяча пятьдесят стульев. Кроме них были скамейки, и еще оставалось много свободного места для стоящих.

Первое служение в этом здании было назначено на воскресенье. Еще задолго до начала стал собираться народ. Все места были заняты, и многие люди стояли. Собралось более двух тысяч человек. Утреннее собрание проходило с 10 до 14 часов, вечернее — с 16 до 22 часов (в понедельник — с 10 и с 17 часов). После проповеди В. А. Фетлера семьдесят душ решились отдаться Христу. Их пригласили пройти вперед, где они преклонили колени и в слезах молились Господу. Вечером еще около

пятидесяти человек прошли вперед для молитвы покаяния.

В четверг вечером было специальное собрание для тех, кто говорит только по-русски. Около сорока пяти душ обратилось на этом собрании. В пятницу обратилось еще сорок человек.

В субботу было собрание только для уверовавших. Собралось около пятисот человек, большинство среди которых были новообращенные. Возносилось много молитв благодарности.

В июле 1913 года В. А. Фетлер женился на Варваре Ковалевской. Она была студенткой Петербургского университета и обратилась к Господу, слушая проповеди В. А. Фетлера. Брак торжественно праздновался и в Петербурге, и в Риге и привлек внимание многих друзей.

Успех служения В. А. Фетлера был очевиден не только для его друзей, но и для недругов, которых раздражала победа в распространении Благой вести. В это время в стране нарастали притеснения всех неправославных верующих. Многие молитвенные дома были закрыты. В марте 1913 года депутация в составе И. А. Голяева, Д. И. Мазаева, С. П. Степанова и В. А. Фетлера обратилась в Совет министров с жалобой о притеснениях. Однако гонения увеличивались.

В феврале 1914 года слушалось дело по обвинению Вильгельма Андреевича.

19 февраля в камере мирового судьи 10 участка в Санкт-Петербурге разбиралось три дела по обвинению баптистского проповедника В. А. Фетлера по 29 ст. Уложения о наказаниях, налагаемых мировыми судьями.

Камера была переполнена публикою, среди которой было много баптистов и последователей «братца» Ивана Чурикова.

Обвинителем на суде выступил пристав 1 участка Литейной части. Обвиняемый В. А. Фетлер защищался сам и ни по одному делу не признал себя виновным.

По первому делу В. А. Фетлеру полиция ставила в вину, что он на молитвенном собрании в зале Тенишева допустил пение молитв и псалмов под аккомпанемент пианино. В. А. Фетлер объяснил, что на его молитвенных собраниях по всей России и здесь, в разных участках, допускается игра на разных музыкальных инструментах, и вместо органа в данном случае играли на пианино. Помощник пристава,

штатский капитан Полянский, выступивший по всем трем делам свидетелем, показал, что игра на духовых инструментах запрещена была градоначальником, и представил мировому судье подлинный приказ, который он, свидетель, 13 сентября объявлял В. А. Фетлеру. Последний объяснил, что в распоряжении говорится о духовом оркестре, которого у них на собрании не было, а было пианино. Мировой судья постановил: «Ввиду того что по учению баптистов игра на музыкальных инструментах допускается... признать В. А. Фетлера по суду оправданным».

Обстоятельства второго дела таковы: 8 января в том же зале в своей проповеди В. А. Фетлер коснулся учения Л. Н. Толстого и действий «братца» Ивана Чурикова, его шелковых рубах, креста и раздачи масла. Присутствовавшие на собрании трезвенники Чурикова, братья Гуляевы, подали В. А. Фетлеру записки и просили его, как христианского проповедника, не касаться личности их дорогого «братца» Иоанна Чурикова, а старший В. Гуляев добавил в записке, что «критика исходит от озлобления и зависти, а потому сеет в слушателях вражду».

Получив записки, В. А. Фетлер с еще большей силою обрушился на Чурикова и сказал:

– Я получил записки от трезвенников «братца Иванушки», они просят не касаться его личности. А почему он раздает масло?

На это В. Гуляев возразил:

– Не Иванушка, а Иоанн, и что касается раздачи больным масла, то он поступает на основании слова апостола Иакова: «Болен ли кто из вас, позови пресвитера церкви, и он помолится и помажет тело болящего, и молитва веры исцелит болящего». Вот по этому рецепту апостола Иакова братец Иоанн и раздает масло для исцеления болящих, и по вере последних бывают исцеления!

Присутствовавший на собрании помощник пристава Полянский составил протокол за допущение на молитвенном собрании собеседований. В. А. Фетлер объяснил, что в их баптистских проповедях допускается критика учений других лиц и проповедь поясняется земными примерами, как в данном случае фактами из жизни «братца» Ивана Чурикова и Л. Н. Толстого.

– Полиция не может запретить мне говорить, не может сокращать мои проповеди. Я могу говорить хоть всю ночь, это зависит не от цензуры полиции, а от молитвенного настроения слушателей и от их желания...

И по этому делу мировой судья оправдал В. А. Фетлера.

По третьему делу за допущение продажи на собраниях открытых писем с изображением Спасителя и других священных лиц мировой судья признал В. А. Фетлера виновным и приговорил к штрафу в размере пяти рублей. В. А. Фетлер таким решением суда остался недоволен и передал последнее дело в мировой съезд.

25 февраля в окружном суде слушалось громкое дело по обвинению Фетлера, Перка, Яковлева и др. в совращении православных в баптисты. В качестве экспертов вызывались миссионер Айвазов и профессор духовной академии Громогласов. Защищали присяжные поверенные Варшавский, Антонов и др.

(Слово истины, № 27, 1914)

В январе 1915 года власти лишили Вильгельма Андреевича права быть наставником баптистской общины. Готовилось дело, чтобы сослать его в Сибирь. По ходатайству влиятельных друзей ссылка в Сибирь была заменена высылкой из России без права возвращения на родину.

В. А. Фетлер после писал:

Наступление войны с Германией отмечено началом похода против всех не принадлежащих к православной церкви. Баптисты намечены были для особенного нападения по той причине, что они якобы получили свою веру из Германии. Другие евангельские христиане тоже пострадали.

Обращения к Правительствующему сенату и протесты к правительству не принесли никакой пользы. Правительство ответило на это новыми правилами, в силу которых всякий сектантский проповедник, проповедующий вне своей общины, должен арестовываться и подвергаться тюремному заключению. Мое энергичное объяснение с директором департамента духовных дел осталось без последствий. Когда я указал, что Иисус Христос, Глава Церкви и Царь царей, ясно приказал Своим верным ученикам, чтобы они шли и проповедовали Евангелие всей твари, то его превосходительство сказал в ответ: «В таком случае вы можете удалить это место Нового Завета, если царское правительство заставляет вас поступать иначе». – «Ничего подобного мы не можем сделать,– ответил я,– нам невозможно повиноваться людям более, нежели Богу!» В результате – моя ссылка.

Несмотря на все наши старания быть полезными для родины, на нас смотрели подозрительно. Реакционерные газеты не переставали делать выпады против нас. Большую электрическую надпись «Бог есть любовь» над баптистским молитвенным домом в Петрограде приказано было снять, равно и название нашего дома «Дом Евангелия».

(Слово истины, № 5–6, 1917)

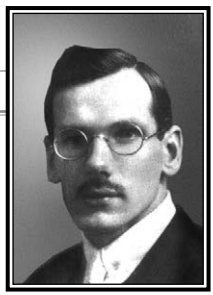
Обратим внимание, что В. А. Фетлеру в это время было немногим более тридцати лет. Всего около восьми лет он совершал служение в России. Сколько энергии было в этом труженике, который за короткое время и в таком возрасте достиг больших успехов!

Бог, Который владычествует над всеми и без воли Которого ничего не случается в жизни верующих в Него, усмотрел переместить Своего слугу. О дальнейшем служении В. А. Фетлера известно, что в начале 1916 года он организовал Евангельский комитет для работы среди русских военнопленных в Европе. В 1920 году он прибыл в Польшу, где проповедовал и готовил работников на ниве Божьей. Затем он переселился в Латвию.

С 1924 года по 1928 год В. А. Фетлер был директором Библейской школы в Риге. В 1939 году он покинул Латвию и переехал в Америку, где трудился благовестником.

15 августа 1957 года В. А. Фетлер отошел к Господу.

ФЕТЛЕР РОБЕРТ АНДРЕЕВИЧ



Роберт Андреевич Фетлер — родной брат Вильгельма Андреевича. О нем Ю. С. Грачев писал:

Роберт Андреевич родился 4 июня 1892 года в г. Туккуме, в ста километрах от Риги. Отец его нес служение пастора в латышской общине баптистов. Роберт с ранней юности вручил свою жизнь Господу.

В 1909 году он уехал в Петербург. Там его старший брат Вильгельм совершал служение благовестия среди русского народа. Роберт Андреевич был привлечен к работе среди молодежи Петербургской общины баптистов. Через два года он был отправлен в Англию в библейскую школу, откуда вернулся, закончив учение в самый разгар Первой мировой войны – в 1915 году.

Вильгельма Андреевича в Петрограде уже не было. Находясь там во время войны, Роберт Андреевич выезжал на посещение латышей-беженцев, разбросанных по всей России, оказывая им помощь и проповедуя Евангелие.

Осенью 1916 года по распоряжению МВД Роберт Андреевич был выслан в отдаленный район Якутской губернии как опасный элемент еретического убеждения. Направили его туда без конвоя, поэтому в пути следования он мог останавливаться в городах, где имелись общины баптистов, знакомиться с братьями и сестрами и проповедовать слово Божье, делясь опытом и советами. Пока он добрался до Иркутска, в Петрограде в феврале 1917 года вспыхнула революция, и Роберт Андреевич возвратился к родителям.

Летом Роберт Андреевич ездил в Финляндию по приглашению брата И. Н. Шилова, несущего служение пресвитера в г. Выборге. По возвращении, 18 ноября 1917 года, Роберт Андреевич вступил в брак с сестрой Татьяной Ивановной. Это не помешало Роберту Андреевичу в его плодотворной работе для Господа. Семейная жизнь потекла счастливо, Божьи благословения изливались обильно. Ничто не мешало Роберту нести служение в церкви, воспитывать детей, которые с колыбели были посвящены Господу и Его попечению. Ничто не омрачало радость семьи. Но «всему свое время», хотя об этом ниже.

Татьяна Ивановна родилась в 1893 году. В 1909 году стала посещать собрания баптистов, которые проводил брат Урлауб в своей квартире на Лесном проспекте в Петербурге. Крещение приняла в 1912 году. После брака, по приглашению омских братьев, молодая семья выехала в г. Омск, где Роберт Андреевич до 1919 года нес служение помощника пресвитера общины А. Л. Евстратенко.

В 1919 году семья Роберта Андреевича получила приглашение от Вильгельма Андреевича в Америку, и они отправились во Владивосток. Там им отказали в выезде, и Роберт Андреевич остался работать на Дальнем Востоке. К тому времени туда из Америки приехал посланный миссионерским обществом брат В. В. Олсен, который не знал рус-

ского языка, и Роберт Андреевич был для него хорошим сотрудником. Пресвитером Владивостокской общины был тогда брат Е. В. Забудский.

В 1923 году Фетлеры переехали в Харбин, а на следующий год – в Латвию, в Ригу, где к тому времени уже поселился Вильгельм Андреевич с семьей.

В Риге с 1925 года по 1936 год Роберт Андреевич нес служение пресвитера в молитвенном доме «Голгофа». Затем он принял служение пресвитера в русской баптистской общине, которая собиралась в «Храме спасения», построенном В. А. Фетлером в 1927 году.

И вот Роберт Андреевич снова среди русского народа, как было в России в молодые годы. Проповеди, пение. Оживленно и радостно. Общительность, сердечность русских братьев и сестер вдохновляют, радуют, бодрят. Все идет хорошо, Господь прилагает спасаемых к церкви.

Много лет спустя Татьяна Ивановна рассказывала о своей семье:

Утром 14 июня 1941 года я, как обычно, ушла в магазин за молоком. У нас было пятеро детей – два сына и три дочери. Старшему сыну Боре исполнилось двадцать лет, младшей дочери Маргарите – десять. Возвращаюсь из магазина и не могу понять, что случилось. В квартире у нас пять чужих мужчин: трое в штатском, один в военном и милиционер, латыш.

– В чем дело? – спрашиваю я.

– Не спрашивайте. Скорее собирайтесь, берите теплые вещи, поедете в Сибирь!

Этот озлобленный ответ парализовал мое сознание. Что думать? Что брать с собой? На сборы дали всего один час, внизу ожидала машина, и эта пятерка мужчин торопила нас.

С узлами и чемоданами погрузились мы в машину, а на станции пересадили нас в товарный вагон с теплушкой, где уже сидело несколько семей, как и мы, приговоренных к ссылке. Целый длинный эшелон, наполненный семьями, обреченными на изгнание, лишение и смерть, повезли на восток, в Сибирь.

Вдруг на одной станции подходит женщина в военной форме и командует:

– Мужчины, выходите, а женщины и дети остаются!

Мужчины, как один, заявили, что они никуда не пойдут, хотят оставаться со своими семьями, и закрыли дверь. Но это не помогло. Через время снова раздался крик:

– Выходите из вагона, он никуда не пойдет!

Пришлось выгружаться, и тут нас рассортировали, мужчин увели. Ушел от нас Роберт и оба сына. Осталась я одна с тремя моими девочками. Больше уже ни мужа, ни сыновей моих я никогда не видела. Это было наше последнее с ними свидание, разлучились мы навсегда.

А далее мужчин еще разделили: молодых особо, пожилых особо. Таким образом нашу семью разделили окончательно, увели сыновей от отца. После мы узнали, что сыновья, Боря и Юрик, оказались где-то в Новосибирской области. Куда направили Роберта Андреевича – мы ничего до сих пор не знаем.

Голод, тяжелый труд, изнурение, горечь разлуки с родными, одиночество окончательно загубили молодой организм сыновей. Двадцатилетний Боря умер в октябре того же 1941 года. О Юрочке НКВД сообщил мне, что он умер в 1943 году. Только те матери, которые переживали боль от «оружия, прошедшего сердце», поймут всю горечь и муки души, утратившей своих любимых. Невинные жертвы, мученики бесчеловечности... За что?..

Меня с девочками моими привезли в Красноярский край, в Тасеевский район, деревню Сухова. Теснота, грязь, неудобства, изнурение... Как мы пережили все это?! Как перенесли все эти лишения? Бог только один знает.

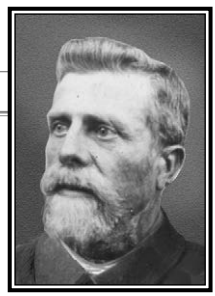
Через год семнадцатилетнюю дочь Иру выслали в Игарку, где она прожила восемь лет и вернулась к нам. Так мы и проскитались с моими девочками, не зная, что папы нашего давно уже нет в живых. Только в 1947 году нам стало известно, что он умер от пережитых ужасов раньше сыновей, 3 октября 1941 года.

После долгих лет изнурения в глуши Красноярского края, перенеся тяжелую утрату любимых и дорогих, на закате жизни я снова в Риге. Здесь пережито столько благословенных лет в кругу родных и близких братьев и сестер и не забыты страшные, горькие переживания в роковой день 14 июня 1941 года.

Гнетущую тоску и горечь разлуки мы угашали в молитвенном общении с нашим всезнающим Небесным Отцом, утешаясь надеждою на скорую встречу с близкими там, в небесах.

Рига, 1973 год.

Братья Фетлеры были благословенными тружениками в российском братстве баптистов. Их отец, пресвитер баптистской церкви в Латвии, мужественный труженик на ниве Божьей, много претерпел за свои убеждения, и его сыновья были свидетелями тому. Вильгельм был тогда еще мальчиком, но запомнил, как однажды толпа окружила его отца и, свистая, бросала в него палки и камни. И все же сыновья пошли за Господом по стопам отца, и Господь обильно благословил их.



ЗУККАУ АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ

Родился Андрей Петрович в селе Бергтал Екатеринославской губернии в семье меннонитов. В детстве он много болел, и мать ночами сидела около него, заботясь о нем. Как-то Андрей болел целый год, и уже думали, что он умрет. Родители горячо молились Богу о здоровье ребенка, и Господь услышал их молитву — мальчик выздоровел.

О своей юности Андрей Петрович писал, что доброе он делал неохотно, а на злые поступки шел легко. Правда, у него были порывы стать лучше, но злые наклонности одерживали верх. Родители увещали его, но положение не улучшалось. Дошло до того, что Андрей перестал ходить в школу. Отец наказывал его, но и это не помогало. Сердце Андрея ожесточалось, и он даже стал ненавидеть верующих. Его сердцем владел грех.

— Андрей,— говорила со скорбью мать,— вспомни свое детство, сколько мы страдали с тобой, не причиняй нам новые страдания!

Такие просьбы матери трогали душу, и Андрею хотелось быть лучше, но враг нашептывал ему: «Юность проходит, ее не вернешь. Пока молод, гуляй и веселись!»

Андрей начал тайком курить. Глядя на плачущую мать,

он вспоминал ее ласки в детстве и чувствовал, что любит ее. Он любил и отца, но мать любил особенно.

Однажды мать заболела. Андрей в это время старался во всем угождать ей. Когда она в знак благодарности пожимала ему руку, он особенно остро чувствовал свою греховность. И все же оставить грех он не мог, враг держал его словно в тисках.

Как-то раз Андрей проходил по саду и услышал, что мать молится о нем. Она стояла на коленях и просила Господа спасти сына от ада. Картина молящейся матери и ее просьба о его избавлении от ада взволновали Андрея до глубины души. Он не находил себе покоя, ему очень хотелось освободиться от греховных цепей.

В ту пору Андрей познакомился с девушкой Лизой. Он почувствовал, что любовь несравненно лучше греха. Он боролся с грехом, пытался освободиться от него, но у него ничего не получалось, и он плакал и страдал от этого. Чистый образ Лизы напоминал ему о личной нечистоте, и Андрей решил покончить с собой. Лиза поняла это и властно остановила его. Она много говорила к его сердцу, и Андрей поклялся ей, что не будет накладывать на себя рук. Андрей любил Лизу всем сердцем, хотя она строго относилась к нему. Он слушался ее во многом, и это оказывало на него доброе влияние.

В меннонитской церкви, к которой принадлежали родители Андрея, крестили опрыскиванием. С начала года до Троицы молодежь и подростки изучали символ веры, чтобы потом принять крещение и таким образом вступить в церковь.

Андрей и Лиза присоединились к этой группе. На собраниях не только изучали символ веры, но и читали Слово Божье и пели духовные гимны. Учитель рассказывал молодежи об Иисусе Христе, о Его страданиях, о широком и узком пути.

Андрей внимательно слушал и стал духовно прозревать. Вскоре он бросил курить.

Перед Троицей были экзамены, на которых ученикам задавали много вопросов. После экзамена их спросили, готовы ли они принять крещение? Андрей вместе со всеми ответил

«да». Однако совесть осуждала его, и он сознавал, что обманывает себя и других, так как продолжает грешить.

Настал час крещения. Крещаемые стали в круг. Пресвитер, держа в руках кувшин с водой, стоял в центре. Все склонились на колени. Пресвитер поливал водой из кувшина на голову каждого и трижды произносил при этом: «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа». После этого крещаемые считались членами церкви.

1 октября 1902 года Андрей женился на Лизе. Поселились молодые в родительском доме.

5 июля 1903 года у Зуккау родилась дочь. Вскоре после этого Лиза заболела черной оспой. Андрей сильно боялся, что жена станет рябой, и старался тщательно выполнять все предписания врача. Когда Лиза поправилась, они стали вместе читать Библию и молиться. Но жизнь их не изменилась. Они оставались мертвыми для Бога.

После выздоровления жены заболела дочь, а потом и сам Андрей. Как-то утром пришел отец Лизы и, смотря на больного ребенка, сказал:

— Мы так молились за эту внучку, чтобы она не заболела!

Андрей с отчаянием ответил ему:

— Это я виноват, что она болеет! Я не исполнил своего обещания избавиться от грехов. За это Бог взял меня в Свои крепкие руки и я должен теперь смотреть, как страдает наша малютка. В этом моя и только моя вина!

От внутренних терзаний у Андрея выступил пот. Глядя на страдания дочери и вспоминая о своих грехах, он метался на постели и кричал:

— Боже, спаси меня! спаси ребенка! Ведь это я виноват, я столько грешил!.. Прости меня и спаси мое дитя! Я буду безропотно следовать за Тобой, только сними с меня мои грехи! Я отдаюсь Тебе, Ты руководи мною!

В таких борениях прошло три дня. На третий день вечером верующие пели у Андрея под окном духовный гимн. Незнакомые до этого чувства наполнили его исстрадавшееся сердце, он долго не мог уснуть. Слово Божье пробудило его дух. В ту ночь Андрей обратился к Богу и получил прощение грехов и спасение от вечной гибели.

Разбудив жену, Андрей рассказал ей, что сотворил с ним Господь:

— Он простил все мои грехи и освободил меня. Тебе тоже надо достигнуть такой победы. Призови Его имя, приди к Нему, и узнаешь, что может сделать Господь!

Лиза убежденно ответила:

— Я очень рада, что ты такой радостный! Я тоже постараюсь найти Его. Тот, Кто так обрадовал тебя, может помочь нашему ребенку. Я обязательно обращусь к Нему.

Лиза действительно вскоре обратилась к Богу и нашла мир своей душе.

После выздоровления Андрей первым долгом пошел к родителям и попросил у них прощения за все причиненные им огорчения. Сделать это ему было непросто. В сердце происходила борьба. «Зачем тебе каяться перед родителями? Ты только опозоришься!» — говорил какой-то голос, но Андрей возражал: «Я теперь принадлежу Богу и буду во всем повиноваться Иисусу Христу. Сегодня же признаюсь родителям в своих проступках и буду говорить о Боге не стыдясь. Кровь Иисуса Христа омыла меня от всех грехов».

Когда Андрей рассказал родителям о своем спасении, они радовались вместе с ним и со слезами благодарили Господа. Андрей и не предполагал, что обращение дает такую радость. Теперь ему казалось, что он давно бы уже обратился к Господу, если бы знал, что будет столько радости и блаженства.

После обращения Андрей с Лизой решили посещать разбор Священного Писания, который проводили братские меннониты, хотя мать почему-то не хотела, чтобы они ходили туда. Но они все же стали регулярно посещать эти общения и находили там обильную радость для своих сердец. То, что они слышали там, укрепляло их духовно.

Через некоторое время Андрей с семьей переехал в деревню Разнополь. Там жили только русские и не было единоверцев. Желая все же иметь духовное общение, Андрей вскоре нашел одного верующего и стал посещать его, почувствовав единодушие в молитве.

Как-то раз во время посевной Андрей молился на поле и

обещал Богу отдать десятую часть от полученного урожая. Господь принял эту молитву и обильно благословил труд, дал большой урожай. Андрей ликовал, видя, как хорошо растет и созревает пшеница. Односельчане с удивлением спрашивали:

— Скажи, в чем секрет твоего успеха?

И Андрей с радостью рассказывал о причине благословения.

Зимой в село приехали на санях русские верующие. Они устраивали собрания, проповедовали слово Божье и пели духовные песни. Неожиданно у Андрея открылись глаза на великую ниву Господню, он увидел, сколько грешников погибает в мире. Это посещение оставило в сердце Андрея глубокий след. Он сказал: «Господи, я готов. Вооружи меня истиной и направь проповедовать Евангелие».

У Андрея появилось желание учиться читать и писать по-русски. С сожалением он вспоминал, как не хотел учиться в школе. Теперь, стараясь читать русское Евангелие, он не понимал даже половины прочитанного. Но Дух Святой побуждал его учиться и вселял в него уверенность, что в дальнейшем будут плоды. Андрей усердно старался наверстать упущенное в детстве. Вечерами они с женой пели русские гимны.

Однажды вечером к ним постучал сторож. Когда ему открыли, он спросил, о чем они пели и говорили между собой. Андрей стал беседовать с этим человеком, прочитал ему из Библии про узкие и широкие врата, про Лазаря на лоне Авраамовом. Андрею было жалко этого погибающего в грехах человека. Сторож плакал, когда Андрей говорил ему о распятом Христе и о том, что Господь скоро опять придет на землю.

Дух Божий побуждал Андрея помолиться с этим человеком по-русски. «Я помогу тебе, не смущайся,— слышал Андрей внутренний голос. — Видишь его переживания? Он близок к покаянию».

Сторож томился под бременем греха, а Андрей так и не решился помолиться с ним по-русски.

— Иди с Господом! — только и сказал он ему.

Андрей лег спать, но заснуть не мог. Внутренний голос обличал его: «Почему ты не помолился с ним?» Так без сна он провел всю ночь.

Утром Андрей ушел в сарай и просил у Господа прощение за то, что не помолился со сторожем. Он также искренне умолял Небесного Отца, чтобы Он научил его молиться по-русски.

Днем Андрей нашел сторожа и помолился с ним, но, увы, тот ожесточился и к Господу не пришел.

Целый год Андрей с Лизой жили мирно и тихо, имели общение с Господом в молитвах, читали Библию. Собрав урожай, они спрашивали у Господа, кому отдать десятую часть.

Андрей часто в молитве спрашивал у Господа, каким путем Он хочет вести его.

«Я готов идти, только открой мне, в какую дверь,— говорил он. — Дай мне, Господи, ясное свидетельство, чего Ты ждешь от меня. Я вижу, что вокруг гибнут души, направь меня к ним!»

Однажды приезжие русские попросили у Андрея позволения пообедать у него. Их радушно приняли и накормили. Андрей проповедовал им Христа и после много молился о них, потому что носил в сердце своем заботу о русском народе.

Десятую часть полученной муки Андрей и Лиза раздали нуждающимся. Стали поговаривать о том, что надо вообще расстаться с хозяйством и отдаться труду на ниве Господней.

Поздней осенью Андрей вновь почувствовал призыв работать в винограднике Божьем. Жажда благовествовать увеличивалась. Андрею казалось, что ему надо поступить в Библейскую школу и получить там образование. Его брат Петр в это время учился в Берлине.

Русские братья пригласили Андрея на собрание в Самару. Он увидел их неподдельную любовь и, вернувшись домой, восторженно рассказывал об этом. Отец на это сказал:

— Петр поехал учиться в Берлин, и я об этом не беспокоюсь — он холост, а у тебя семья. Ты даже не думай, что

будешь проповедовать среди русских! Это не твоя нива. Если ты вдруг заболеешь, кто тебе что даст? У тебя же ничего нет! Слушай меня!

Андрей стал молиться о том, чтобы отец понял, что Бог призывает его сына на Свою ниву. Еще он просил у Бога необходимые для благовестия средства, желая увидеть в Божьем ответе Его волю. Молился Андрей с постом. Прошел первый, второй день поста, а ответа на молитву не было. Он стал уже унывать.

«Боже, почему Ты не слышишь меня? — молился он на третий день поста. — Люди теперь скажут, что я такое дитя у Господа, которое ничего не получает от Него».

А сатана в это время не дремал. Словно стрелы, разили Андрея сомнения: «Смотри, какая у тебя вера! Ты слишком много на себя берешь! Верил, молился, постился, а ничего не достиг».

Все это больно ранило Андрея. Он ушел в сарай, лег на мякину и в огорчении, как некогда Иона, стал плакать о том, что Господь ничего ему не послал. Так он провел целый день. Пришла Лиза с детьми и очень просила его идти в дом, но он отказался.

Лиза беспокоилась за Андрея и молилась о нем, а он думал о том, как несправедливо Господь поступает с ним, и продолжал лежать. Последние лучи солнца осветили крышу, когда Андрея вдруг охватило сильное раскаяние. Он взял Евангелие, чтобы почитать.

«Неужели ты еще будешь читать Слово Божье?! — сопротивлялось что-то внутри. — Или тебе недостаточно того, что испытал? Подумай о своей неудачной вере! Чтением ты ничего не достигнешь!»

Но Андрей все же начал читать. Стемнело. Он подошел к двери и продолжал читать. Остановившись на словах: «Иисус сказал ему: если сколько-нибудь можешь веровать, все возможно верующему», Андрей подумал: «Неужели тебе не стыдно еще верить? Это же не вера, а мука!» Но тут же он услышал другой голос: «Только верой возможно все победить. Средства уже готовы, а готов ли ты идти с радостью?»

Андрей задумался. Дух Святой тихо обличал его: «Ты же

грешишь тем, что так огорчаешься! Просьба твоя услышана, а ты гневаешься!»

Андрей опустился на колени и стал молиться. Он ощутил себя ничтожным и нищим, а Господа видел милосердным и любвеобильным. Сердце Андрея наполнилось небывалой любовью.

Был субботний вечер. Андрей встал с колен и пошел в дом. Он решил больше не устанавливать сроки, а терпеливо ожидать водительства Божьего. Вместе с Лизой он радовался утешению от Господа.

В воскресенье они поехали к родителям Лизы, и ее сестра Аня принесла конверт:

— Радуйтесь, вам пришло сто рублей!

Андрей посмотрел на Лизу и сказал:

— Смотри, как Господь открывает дверь!

Оставив родных, он ушел в лес и горячо благодарил Господа за услышанные молитвы.

После обеда семья Зуккау пошла к родителям Андрея. Узнав о деньгах, отец поинтересовался, просил ли Андрей кого-либо прислать их. Тот протянул ему полученное с деньгами письмо. В нем было написано, что Дух Святой побудил одну сестру послать эти деньги для проповеди Евангелия среди русских.

«Если нужно больше — сообщи по данному адресу. Не унывай, Господь поможет тебе. Он услышал крик твоей души»,— так заканчивалось письмо.

Андрей внимательно наблюдал за отцом. Он несколько раз перечитал письмо, тяжело вздохнул и со слезами сказал:

— Сын мой, я согрешу, если стану мешать тебе в этом деле... Если Бог зовет, иди.

Они преклонили колени и поблагодарили Господа за Его удивительные пути. После молитвы отец сказал Андрею:

— Теперь ты должен поступать так, как научит тебя Дух Святой.

Вскоре Зуккау продали свое хозяйство и переехали поближе к родителям Лизы.

— Можешь ли ты все это принимать с радостью? — спрашивал в то время Андрей свою жену.

— Да,— покорно отвечала она.

Андрей стал собираться в дорогу. Первый раз он надолго разлучался с женой и детьми, и ему было нелегко. Он ехал в Самару. Там ему приготовили квартиру в общине евангельских христиан-баптистов.

Андрею предстояло обучиться русскому языку для работы среди русских верующих. В Самаре его ждал учитель.

Вначале обучение давалось трудно. Андрею не раз хотелось все бросить и уехать домой. Однажды он даже стал упаковывать вещи, но Бог остановил его, послав такие мысли: «Подумай, как Господь крепкой рукой освободил тебя от многих привязанностей и никогда не оставлял тебя одного, а теперь ты унываешь! Господь не может изменить Свое слово. А ты ведь дал обещание исполнять его».

Андрею стало стыдно. «Господи, прости, я больше не буду отступать...» — молился он.

Андрей с новой силой занялся учебой, выучил заданный стих и смог хорошо ответить учителю, так что тот даже похвалил его. Андрей воспрянул духом и поблагодарил Господа.

Андрею нравилась дружная община, которую он посещал, но одно обстоятельство тяготило его: он не мог вместе с другими участвовать в преломлении хлеба, так как был крещен не погружением, а обливанием. Андрей долго томился. Он сознавал, что верно крещение погружением, но не решался отвергнуть уже принятое крещение. Наконец он принял решение креститься по евангельскому обычаю и написал об этом Лизе, спросив ее мнение. Она ответила, что пойдет за Иисусом вместе с ним.

Прошла зима, и Андрей поехал домой, чтобы привезти Лизу в Самару и вместе с ней принять крещение. Узнав об их желании, родители запротестовали:

— Вы и нас опозорите своим крещением! Одно крещение приняли, разве этого не хватает?

И все же Андрей с Лизой поехали в Самару и на Троицу приняли крещение.

В это время в Крыму проходили библейские курсы, и Андрея направили туда. Он был не очень доволен этим, так как все еще мечтал о серьезном обучении в Библейской

школе в Берлине. Но именно на курсах в Крыму было окончательно сломлено его «я», и он оставил мечты о проповеди на многолюдных собраниях и доверился водительству Господа.

В то время в Бузулукском уезде трудился в деле Евангелия Ефим Сидорович Янченко. Это был простой украинский крестьянин, который уверовал во время проповеди Рябошапки, перенес много гонений и продолжал самоотверженно трудиться для Господа. Он приехал в Самару и стал просить себе помощника для благовестия в русских селах. Ему предложили Андрея Петровича.

Ефиму Сидоровичу в то время было пятьдесят лет. Седой, с одним глазом (другой он потерял в гонениях за проповедь Евангелия), он предупредил Андрея Петровича, что в поездках встречаются разные опасности и надо быть готовым ко всему.

В русских селах люди охотно слушали проповедь о Христе. Возвещать людям Благую весть доставляло Андрею Петровичу большую радость. Дома́, в которых проповедовали братья, обычно были переполнены. Некоторые, правда, приходили со злым умыслом. Особенно противились попы.

Переезжать или идти пешком из одного села в другое часто приходилось по ночам. Прибыв в село, братья просились на ночлег к незнакомым людям. Где их принимали, там они беседовали, читали Евангелие. Люди собирались и задавали вопросы. Заинтересовавшиеся приходили и на другой день с вопросами. Евангельскую весть принимали многие.

В течение трех лет Андрей Петрович трудился с Е. С. Янченко. Господь хранил их и давал успех в труде. Затем Ефима Сидоровича заменил пресвитер Самарской общины евангельских христиан-баптистов Всеволод Иванович Петров. В прошлом он был кадровым офицером, но в поисках правды узнал о Господе и обратился к Нему. Теперь он возвещал народу истину о Христе.

В самом начале работы с Всеволодом Ивановичем, когда уже был назначен день отъезда, Андрей Петрович, помогая отцу, поскользнулся и сломал ногу. До назначенной поездки оставалось четыре дня. Андрей Петрович был смущен слу-

чившимся. Целый день прикладывали компрессы, однако нога сильно распухла.

Вечером Андрея Петровича посетили верующие.

— Кто из вас готов молиться, чтобы через четыре дня я мог ходить? — спросил он братьев и сестер.

Все согласились на следующий день усиленно молиться об исцелении. Андрей Петрович всю ночь провел в молитве. На следующий день после обеда он попытался встать на ногу, но тут же сел, почувствовав сильную боль. Сомнения были готовы захлестнуть его душу, но он вспомнил, что друзья молятся о нем, и воспрянул: «Бог может сделать чудо!»

«Боже, Ты видишь мою борьбу и переживания. Укрепи веру мою!» — молился Андрей Петрович.

После молитвы он решительно встал с кровати и пошел по комнате. Это чудо укрепило и его веру, и веру близких. Вечером многие христиане пришли убедиться в его исцелении и все вместе радостно благодарили Господа. В назначенный день Андрей Петрович с Всеволодом Ивановичем отправились в путь.

Братья посетили Оренбург и пробыли там намеченные четыре дня. Благовестники смело возвещали людям путь спасения, и многие обратились к Богу, хотя были и угрозы со стороны православных.

Из Оренбурга Андрей Петрович и Всеволод Иванович намеревались ехать в Актюбинск. Выехали под вечер на санях. Дорога была плохая. Поднялась снежная буря, и братья заблудились. Лошади устали. В полночь благовестники оказались посреди поля. Мороз крепчал с каждым часом. Борясь с отчаянием, они молились Богу.

Заметив вдали огни как бы проходящего поезда, братья хотели поехать туда, но лошади не могли тронуться с места. Тогда братья сами пошли в сторону железной дороги, стараясь не терять из виду лошадей. Кучер остался сидеть в санях. Пробираясь сквозь снег, Андрей Петрович вдруг обнаружил, что Всеволода Ивановича рядом нет. Он стал искать его, но ни брата, ни лошадей найти не мог. Блуждая, он терял последние силы.

Поднявшись на какую-то возвышенность, Андрей Петрович

почувствовал непреодолимую усталость. Ему было уже не холодно, сильно хотелось спать. «Садиться нельзя. Если сяду — замерзну»,— подумал он и, сняв шапку, стал молиться:

— Господи, сохрани моих родных, а я согласен уже и умереть.

Вся жизнь стала проходить перед его мысленным взором, и ему казалось, что он слышит приятную музыку. Холода он не чувствовал, хотелось только спать, но в то же время неотступно звучало в сердце: «Надо искать Всеволода Ивановича, надо искать кучера, ведь он еще не спасен от ада».

С такими мыслями Андрей Петрович спустился с возвышенности и увидел невдалеке темное пятно. Это оказался пропавший брат. Они обрадовались, что нашли друг друга, стали на колени, поблагодарили Бога и попросили Его помочь им найти кучера. Обессиленные, братья ухватились друг за друга и пошли искать. Через короткое время они увидели кучера в санях.

Было уже три часа ночи. Оглядевшись, братья поняли, что находятся на замерзшей реке. Проехав немного вдоль крутого берега, они нашли пологое место и поднялись на берег. Вдали виднелись огни. Это вселяло надежду. Продвигаясь в направлении огней, братья приехали на станцию. Как радовались они своему спасению и сердечно благодарили Бога!

Поезд, которым братья хотели ехать в Актюбинск, сильно опаздывал и пришел как раз в то время, когда они прибыли на станцию. Это было большим утешением после перенесенных трудностей.

В Актюбинске местные братья нашли помещение, и Андрей Петрович с Всеволодом Ивановичем провели в нем три благословенных собрания. В конце третьего собрания нагрянула полиция. Сочувствующие из слушателей предупредили братьев, что полицейские приехали их арестовать, и попросили скорее удалиться.

Местные братья повели тружеников Божьих в соседний дом, но хозяин, испугавшись, отказался впустить их. Тогда братьев провели через двор на соседнюю улицу, но и там уже были полицейские. В этот момент мимо проезжали сани, и местные братья вместе с гостями сели в них и уехали. Полицейские поняли это и на других санях помчались им

вдогонку, но не заметили, в какой дом завернули братья, и проехали мимо.

Через некоторое время пришел брат, который следил за обстановкой, и сказал, что полицейские заглядывали в окно, но Бог, по-видимому, ослепил их, так что они ничего не заметили. Утром братьев увезли в село, где они продолжали свой благословенный труд, радуясь, что Господь хранит их в опасностях.

Через шесть дней Андрей Петрович и Всеволод Иванович поехали в город Орск, где также проповедовали слово Божье. С вестью о спасении они посетили многие села вокруг Орска.

В одном из сел благовестники провели братское совещание. Среди братьев было два казаха. В конце совещания один из них встал и со слезами сказал:

— Мы, посланные на это общение, стоим сейчас перед вами. Выслушайте наше горячее желание, не откажите в нашей просьбе — пошлите к нашему народу проповедников Евангелия!

Эту просьбу обсуждали недолго. Решили послать к ним Андрея Петровича и Всеволода Ивановича.

Чтобы посетить верующих казахов, надо было преодолеть шестьсот километров. Братья приехали к ним в субботу поздно вечером. Сообщение о приезде благовестников быстро облетело верующих. С какой радостью их встретили! Пришли не только верующие, но и неверующие. Братьям задавали много вопросов.

На другой день, когда благовестники были в гостях у одного казаха, пришли двое представителей власти. Они спросили братьев:

— Кто вы? Зачем приехали?

Записав фамилии приезжих, начальники ушли. Братья опасались, что им уже не дадут возможности провести собрание, но вечером пришло много казахов. Среди них были и вооруженные. Собрание прошло спокойно. В заключение казахи спели: «Взойдем на Голгофу, мой брат».

После пения все молча разошлись, остались только приезжие братья и четверо вооруженных представителей власти. Один их них подошел к братьям и сказал:

— Я должен вас арестовать и повести к атаману. Но так как сегодня уже поздно, то дайте слово, что утром вы сами придете к начальнику в восемь часов.

Братья пообещали.

На следующее утро они ровно в восемь были в управлении. Перелистывая паспорт В. И. Петрова, начальник внимательно посмотрел на него и сказал:

— Что мне теперь делать? Я не по чести поступил с вами!

Всеволод Иванович до обращения был офицером и получил награды в русско-японской войне. А начальник оказался чином ниже.

— Не беспокойтесь,— ответил Всеволод Иванович.

— О нет, простите, мы должны...

Брат не дал ему договорить и с улыбкой сказал:

— За это я прошу вас прийти вечером на наше собрание.

На вечернее собрание начальник пришел со всеми своими сотрудниками. Звучала проповедь о том, как войти в вечную жизнь узким путем и узкими вратами. Многие слушатели откликнулись на призыв покаяться перед Богом за свои грехи.

После этого братья вернулись в Орск и совершили там крещение.

В селе Гостюбинск проповедь Евангелия сопровождалась большими переживаниями. После вечернего собрания братьев окружила озлобленная толпа и угрожала побоями.

На следующий день, в воскресенье, богослужение проходило на том же месте. Дом был полон народу. Когда началось собрание, во дворе стали кричать:

— Дайте их сюда, мы их убьем!

Собрание прошло благополучно, но на улице была накаленная обстановка, слышались крики:

— Не надо нам баптистов! Не позволим им быть у нас!

Во дворе братьев окружили верующие. Дети плакали. Неожиданно пришли представители власти и закричали:

— Разойдитесь все!

Народ стал расходиться. В это время приехал на подводе местный брат и увез гостей.

Медленно проезжая село, братья слышали угрозы в свой

адрес. Немного удалившись от этого опасного места, они оглянулись и заметили, что за ними едет подвода с вооруженными молодыми людьми. Лошадь, которая везла братьев, бежать не могла.

— Господь с нами, и Он сохранит нас. Без воли Божьей с нами ничего не произойдет,— утешали друг друга братья.

Подвода с недоброжелателями обогнала их. Люди в ней размахивали ружьями. Вскоре они остановились, спрыгнули с подводы и стали по обе стороны дороги. Братья молились, медленно проезжая сквозь строй вооруженных людей, которые злобно выкрикивали угрозы.

Преследователи еще раз обогнали братьев, и опять повторилось то же самое. Братья и второй раз благополучно проехали сквозь строй.

Наконец озлобленные ревнители остались позади, а братья, сохраненные Господом, благополучно прибыли в Орск. Там они два дня проводили собрания, затем отправились в Актюбинск.

Труд среди русских был опасен, потому что закон запрещал распространять среди православных другую веру. Да и сами православные могли «возревновать о православной вере русской» и поиздеваться над «иноверцами». Но вместе с тем многие проявляли большой интерес к живой вере.

Нелегко было утолять духовную жажду народа. Собирались, бывало, в маленькой избе с низким потолком. Народу — битком, дышать почти нечем. Андрей Петрович рассчитывает закончить собрание часов в девять или десять вечера, но его просят еще что-нибудь рассказать об Иисусе. Он продолжает часов до двенадцати и думает: «Ну, теперь они, наверняка, уже устали и пойдут спать». Но он ошибался — собрание продолжалось, и только утром люди расходились по домам.

И так было не один раз. Когда Андрей Петрович после такого напряженного труда, утомленный и обессиленный, приезжал домой, его желали слышать и в местной общине. После утренней проповеди просили прийти на молодежное общение. Когда же поздно вечером, уставший после дневных трудов, он возвращался в свой дом, то и здесь находили его.

Кто-нибудь стучался в его окно и просил побеседовать. Андрей Петрович вставал с постели, зажигал лампу и говорил с удрученным, указывая ему путь к спасению, к сердечному миру.

Андрей Петрович серьезно относился к молитве, и в его жизни было немало случаев, когда Господь чудесным образом отвечал на его просьбы. Однажды зимой, когда стояли тридцатиградусные морозы, он получил телеграмму от одной русской общины с просьбой немедленно приехать к ним, так как в общине случился раздор. Андрей Петрович уединился за закрытой дверью и обо всем этом рассказал Господу, с Которым всегда имел близкое общение. В молитве он сказал: «Я Твой слуга, и если Ты хочешь, чтобы я поехал туда для труда, то пошли мне валенки, потому что в такой мороз я не могу обойтись без них».

На следующий день, когда Андрей Петрович шел по деревне, ему встретился мужчина, ехавший в санях. Он остановил лошадь и спросил:

— Где тут живет Андрей Петрович?

— А что ты от него хочешь?

— Я привез ему валенки,— ответил мужчина.

Так быстро Господь послал Своему слуге просимое, и он тут же поехал к ожидающим его.

Приехав на место, Андрей Петрович два или три дня проводил молитвенные собрания, а потом объявил:

— Теперь по три брата от каждой группы, между которыми имеются тяжбы, пойдут со мной в отдельную комнату.

Когда они вышли к собравшимся верующим и рассказали о том, к чему пришли в беседе с Андреем Петровичем, то мир наступил во всей общине.

Яков Тиссен — друг Андрея Петровича — рассказывал, как однажды к ним на собрание приехала целая группа русских братьев. Андрей Петрович сел с ними в конце зала и тихонько переводил то, что проповедовалось с кафедры. После собрания он пригласил всех приехавших к себе на обед. Это было в голодный 1922 год. Хлеб тогда был редкостью, люди ели супы из трав и муки. Многие умирали от голода.

Увидев гостей, жена Андрея Петровича всплеснула руками:

— Что ты сделал? У нас же на обед ничего нет!

— Это не наше дело,— ответил он. — Ты накрывай на стол, а об остальном позаботится Господь.

Накрыли стол и пригласили гостей занимать места. Андрей Петрович стал молиться. Когда он сказал «аминь», открылась дверь и вошла девушка с большой корзиной продуктов.

Несколько позже стало известно, что одна состоятельная сестра увидела, как Андрей Петрович вел к себе гостей, и сказала:

— Он опять повел к себе людей на обед, а ведь им самим есть нечего!

Она положила в корзину продукты и послала одну из своих дочерей отнести это в семью Зуккау.

Андрей Петрович рассказывал, что во время засухи люди продавали свой скот из-за недостатка кормов. По этой же причине и он продал свою корову. Вскоре после этого русские братья привезли ему сено, и он понял, что поспешил, не доверяя Господу, Который может позаботиться и дать необходимое.

Все свое время и силы Андрей Петрович посвящал благовестию и редко бывал дома. У него была большая семья, однако Господь не оставлял их даже в голодные годы.

Как-то раз Андрей Петрович вернулся домой к вечеру и сразу пошел на собрание. Его сосед решил тоже пойти, чтобы упрекнуть Андрея Петровича в том, что его упование на Бога нисколько не помогает — его дети не имеют необходимого.

После собрания сосед подошел к Андрею Петровичу:

— Разъезжаешь и проповедуешь о Боге другим, а завтра встанешь — детей нечем кормить. Муки́-то у тебя, я знаю, нет!

— У меня есть Небесный Отец. Он позаботится о мне и моих детях! — ответил на это Андрей Петрович.

Дома сосед передал этот разговор жене. Когда они легли спать, то долго не могли уснуть. Наконец жена спросила мужа:

— Ты не спишь?

— Нет. А ты почему не спишь?

— Думаю о детях Андрея Петровича, им же завтра нечего будет есть.

— И я думаю о том же! — ответил муж.

— Давай насыпем мешок муки и поставим к их дверям,— предложила жена.

Утром сосед пошел узнать, как семья Зуккау отнеслась к подарку. Андрей Петрович стал беседовать с ним, после чего они вместе преклонили колени и сосед покаялся. Его жена, видя, что муж долго не возвращается, пошла узнать, что с ним. Андрей Петрович начал радушно говорить ей о спасении, и она последовала примеру мужа и тоже нашла мир с Богом.

Однажды у Андрея Петровича, когда он возвращался с благовестия, не оказалось денег на обратную дорогу. Он помолился об этом, пошел на вокзал и встал в очередь за билетом. Время шло, он все ближе продвигался к кассе. Когда перед ним остался один человек, подошла сестра и вручила пакет. В нем были деньги от братьев.

Семья Андрея Петровича жила у отца во времянке. Когда родители умерли, хозяйство перешло в другие руки и Зуккау вынуждены были освободить жилье. Андрей Петрович арендовал дом у одного крестьянина в Луговске, но был настолько беден, что не мог оплатить аренду. Тогда он стал ремонтировать соломенные крыши или штукатурить глиной стены. И при такой работе он оставался веселым и довольным. Заработав таким образом необходимую сумму, он опять ехал на духовный труд среди русских.

Так Андрею Петровичу пришлось жить двенадцать лет, пока два брата не договорились купить ему в том же селе подходящий дом с участком земли. Когда они сказали ему об этом, он стал отказываться от такого подарка, но жена его твердо заявила:

— Если ты не можешь взять этот дом, то сделаю это я! Он нужен нашей растущей семье.

Дело было решено, и семья Зуккау переехала в свой дом.

Во время Первой мировой войны совершать благовестие стало крайне сложно. Людей настраивали против немцев, а также против евангельских христиан-баптистов, говоря, что они исповедуют немецкую веру.

Однажды в доме брата Банникова, в Сорочинске, проходило молитвенное собрание. Были вместе и немцы, и русские. Когда немцы запели на своем языке, то неверующие слушатели пришли в ярость, набросились на верующих и стали избивать всех подряд — и немцев, и русских. В гневе разъяренные люди отнимали духовные книги и рвали их на клочья.

Вскоре после этого Андрей Петрович был мобилизован на тыловые работы, которые выполнял на станции Колтубановка. Здесь он часто мог видеться с любимым братом Е. С. Янченко, который жил рядом, в Бузулуке. Андрей Петрович мог также беседовать о Господе с русскими, чувашами и мордовцами, которые вместе с ним работали на лесозаготовке.

После революции Андрей Петрович вместе с другими братьями продолжал труд благовестия. Во многих местах, где он трудился раньше, выросли большие общины.

В 1923 году сорок семейств переехали из Сибири в Оренбургскую область, где трудился Андрей Петрович. Они построили свой поселок и большой молитвенный дом. На освящение этого дома Андрей Петрович не мог приехать, но передал просьбу, чтобы поселок и молитвенный дом назвали Вифанией. Так и было сделано. Местечко долго носило это название, пока не было переименовано в Мирное.

Переехавшие из Сибири братья стали сотрудничать с Андреем Петровичем. Особенной ревностью выделялись П. А. Компанец, М. Петренко, три брата Литвиновых. Начиная с 1924 года, не только зимой, но и в самые занятые летние дни, братья вместе с Андреем Петровичем ездили по ближайшим селам и распространяли весть спасения.

В 1923 году у Андрея Петровича умерла жена, которую он очень любил и ценил. Лиза была ему верной помощницей и вместе с ним переживала все трудности и лишения, связанные с тем, что он посвятил себя на служение благовестия. У них было пять дочерей и два сына. Воспитание детей и забота о них требовали времени, так необходимого и для служения на ниве Божьей, поэтому брат через некоторое время вступил во второй брак.

В Средне-Волжском районе братства баптистов Андрей Петрович был избран благовестником. В отчете пленума Союза баптистов, проходившего в 1925 году, отмечается, что А. П. Зуккау в феврале посетил шесть общин Средне-Волжского района Самарской губернии, провел десять собраний; в марте посетил десять общин того же района и провел двадцать два собрания. В мае он посетил Самару, Сызрань и восемь общин, находящихся между этими городами, провел двадцать одно собрание.

В 1927 году Андрей Петрович участвовал в работе первого съезда Волго-Камского союза баптистов в Самаре. На съезде он был избран учителем этого союза, наряду с братьями В. П. Степановым и И. А. Голяевым.

Андрей Петрович был одаренным проповедником и передавал великие евангельские истины в силе Духа Святого. В своей духовной работе он на первое место ставил спасение душ. Его проповеди часто сопровождались покаянием грешников. Он придавал большое значение молитвенной подготовке к проповеди, и его слово было живым, достигало сердца и надолго запоминалось.

Однажды на районный съезд, которым руководил Андрей Петрович, прибыло очень много братьев. Он чувствовал себя плохо и на утреннем собрании слово не говорил. После собрания состоялась братская трапеза. Прежде чем приступить к обеду, Андрей Петрович обратился к хозяйке дома и попросил ее подробно рассказать, как она готовила пищу. Сестра, немного смущаясь, рассказала, что она ночью не спала — месила тесто, подготавливала продукты, чтобы с утра все испечь и сварить и накормить дорогих гостей. Когда сестра закончила свой рассказ, Андрей Петрович с грустью посмотрел на проповедников и произнес:

— А теперь вы, братья, которые кормили людей на утреннем собрании, подумайте, как вы готовили проповедь, как бодрствовали ночью в молитве и трудились над Библией?

В 1928 году подул ветер испытаний. Андрею Петровичу выдали предупреждение о невыезде. В это время у него умерла вторая жена. Дети нуждались в матери, тем более что Андрей Петрович продолжал труд благовестия. В 1929 году

он вновь женился. Рожденную в этом браке дочь назвали именем матери — Катя.

В ноябре 1930 года Андрея Петровича арестовали и на пять лет выслали в город Котлас. Переживаний было много, но Господь поддерживал его, и он оставался живым свидетелем Иисуса Христа. Верующие переписывались с ним, ободряя и утешая его.

В ноябре 1935 года срок ссылки истек, и Андрей Петрович приехал в Ташкент к брату И. А. Митину, с которым переписывался. На следующий год Андрей Петрович купил домик, и к нему приехали жена и две дочери. Собраний в Ташкенте в то время не было, но он общался с верующими, посещая их по домам.

Из-за здоровья жены и меньшей дочери Зуккау вскоре уехали из Ташкента на прежнее место жительства. Андрей Петрович не хотел показываться в тех местах, но жена настаивала на переезде.

Как только Андрей Петрович приехал в Луговск, его тут же вызвали органы власти. Здесь он был известен как очень влиятельный проповедник Евангелия. Братья, сочувствуя Андрею Петровичу, усердно молились о нем, когда он пошел по вызову. Его отпустили домой, и он сказал братьям:

— Блажен, кто не знает НКВД, и блажен, кого НКВД не знает.

Это было в 1937 году.

Через короткое время к дому Зуккау подъехала машина. Андрея Петровича, окруженного плачущими детьми, вывели из дома. Работники НКВД властно отстранили всех и, приподняв, бросили Андрея Петровича в машину. Больше его никто не видел. Впоследствии жене сказали, что ее муж сослан без права переписки. Как позже стало известно, людей с таким приговором в основном расстреливали.

Через годы родные получили справку о том, что Андрей Петрович Зуккау посмертно реабилитирован.

Иисус Христос, поучая Своих учеников, указывал на вершину любви: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Иоан. 15, 13). Этой большой любовью обладал Андрей Петрович Зуккау. Спасая грешников,

он полагал за них душу. Он не жил для себя, он весь отдался служению людям. Он перешел в вечность, где услышал: «Хорошо, добрый и верный раб! в малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего» (Матф. 25, 21).

На нивах Господних и сегодня очень много труда. Где делатели, подобные Андрею Петровичу? Господь учил: «Моли́те Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву Свою» (Матф. 9, 38). Прислушаемся, не зовет ли Господь нас на труд? Ведь мы спасены, чтобы спасать других!

(Составлено по материалам личных записей А. П. Зуккау и по свидетельствам близко знавших его.)

О ПАЛАТОЧНОЙ МИССИИ

Яков Яковлевич Дик, организатор и руководитель Палаточной миссии в Центральной России и на Украине во время гражданской войны, родился в 1890 году в Крыму. У его родителей там было большое имение. Они были богобоязненны и в таком же духе воспитывали своих детей.

Окончив местную школу, Яков уехал в Германию учиться на инженера. По окончании учебы он получил рабочее место в Берлине.

Якову было семнадцать лет, когда он понял, что для спасения недостаточно быть хорошим человеком, надо пережить коренную перемену. Эти мысли долго тревожили его, пока наконец, слушая проповедь в Берлине, он не понял, что Иисус уже совершил на кресте все необходимое для спасения, надо только усвоить это верой. Яков обратился к Господу в молитве, и сердце его наполнилось неописуемой радостью. Ему хотелось восторженно кричать: «Спасен! Спасен!» С этого времени в его сердце постоянно звучала мысль: «Спасен, чтобы спасать!»

В Берлине Яков вступил в Христианское объединение молодых мужчин и принимал активное участие в его работе.

Ему поручили руководство отделением молодых инженеров. В этом служении у него обнаружился талант руководителя. Здесь он прошел хорошую подготовку к будущему труду, который Бог приготовил для него в России.

Незадолго до начала Первой мировой войны Яков вернулся в Россию. Во время войны он, как и другие меннониты, не бравшие в руки оружие, был призван в санитарные войска. Служил он в Москве помощником командующего меннонитскими санитарными подразделениями. Это положение давало Якову большие возможности для ведения духовной работы среди молодых санитаров, которые служили в госпиталях и на санитарных поездах. Впоследствии многие говорили, что утонули бы в болоте этого большого города, если бы не познакомились с Яковом Яковлевичем.

В конце войны Яков Дик вступил в брак с сестрой Тиной Федерау. У них родился сын, который умер от скарлатины в возрасте двух с половиной лет.

С большим восторгом в начале 1917 года верующие солдаты восприняли объявленную Временным правительством свободу вероисповедания. В Москве был организован солдатский кружок, целью которого являлось благовестие среди солдат. Вот что известно о работе этого кружка и других солдатских кружков, организованных по его примеру, из периодической печати того времени:

Более трех месяцев прошло со дня учреждения солдатского христианского кружка, и уже на деле видны добрые плоды. Жизненность и полезность этой организации видна уже из того, что за это время в разных частях города состоялось более сорока религиозных собраний, на которых побывало более четырех тысяч солдат, зачастую в первый раз слышавших благую весть о спасении. Кроме устной проповеди, кружок обильно снабжает солдат духовной литературой, на распространение которой собирает пожертвования. Многие откликнулись своей лептой на это дело, и кружок раздал уже тысячи брошюр в собраниях, на улицах, в санитарных поездах раненым и так далее. В зале Московской общины баптистов (ул. Покровская, 12) собрания солдатского кружка происходят по понедельникам с семи часов вечера. Сочувствующим этому делу распространения

Евангелия указываем адрес солдатского христианского кружка: Москва, Покровка, 1, отд. с. п. (пожертвования на имя И. И. Ридигер).

На 15–18 декабря в Москве назначен Всероссийский съезд солдатских христианских кружков, и, судя по программе, можно ожидать благословенных собраний.

(Слово истины, № 12, 1917)

После окончания мировой войны солдаты стали возвращаться в свои родные города и села. Яков Яковлевич Дик и его друзья решили, что они должны последовать за ними и понести Благую весть в села и города. И они пошли из села в село с проповедью Евангелия.

В русских селах трудно было найти большое помещение для собраний. Господь видел ревность Своих тружеников, знал их нужду и удивительным образом восполнил ее. Через Красный Крест было бесплатно получено пять больших палаток для молитвенных собраний. Благовестники радовались и благодарили Бога. Яков Яковлевич не раз говорил: «Мы имеем богатого Отца!»

Летом и осенью 1918 года бывшие члены солдатского кружка совершали благовестие по центральным губерниям России и имели большой успех. Люди были очень восприимчивы к Благой вести, и во многих селах образовывались группы уверовавших в Господа Иисуса Христа. Их потом посещали братья из соседних общин, и обращенные укреплялись в вере и увеличивались численно.

Из-за суровой зимы благовестникам пришлось разъехаться по домам. Палатки оставили на хранение одному брату.

Брат Оскар Юшкевич из Прибалтики, латыш по национальности, родился в многодетной семье, в которой Слово Божье не занимало подобающего ему места. С раннего детства любимым занятием мальчика была музыка. Приложив немало усилий, он получил образование и стал известным органистом.

Путешествуя по Италии, Юшкевич играл на орга́нах в самых больших церквях. Несмотря на известность и славу, сердце его не было удовлетворено. В своих исканиях Юшке-

вич стал читать Библию. Из этого чистого источника он узнал о совершенной любви Божьей. Побежденный ею, Оскар отдался Господу. Перед ним сразу стал вопрос Спасителя: «Любишь ли ты Меня больше, чем музыку?» Началась тяжелая борьба, но длилась она недолго. Оскар ответил Господу: «Да».

Оставив музыку, Юшкевич поступил в Библейскую школу в городе Кришона около Базеля. Из-за начавшейся войны он был вынужден вернуться в Россию, не окончив школу.

Ища свое место в деле Божьем, Юшкевич познакомился с Яковом Яковлевичем и вскоре стал его вернейшим соработником. Бывший музыкант теперь смиренно шагал в старых сапогах из села в село, не жалуясь на трудные условия жизни, всегда готовый возвещать людям о своем Спасителе.

Летом Юшкевич усиленно благовествовал, а зимой преподавал на библейских курсах для работников Палаточной миссии.

Отправившись зимой на Украину, Яков Дик и Оскар Юшкевич не оставили дело миссии. Любовь к русскому народу и сознание, что меннониты не исполняют своего долга возвещать людям спасение в имени Иисуса Христа, побуждали Якова Яковлевича ездить по меннонитским общинам и призывать на служение в Палаточную миссию. На призыв откликнулось двенадцать братьев и столько же сестер, готовых посвятить себя этому служению. Среди них была и Регина Розенберг.

Регина родилась в еврейской купеческой семье, строго придерживающейся веры отцов. Она была в семье старшей дочерью, очень способной, и получила университетское образование. Девушка всей душой принадлежала еврейской нации, но многие религиозные обряды ей были непонятны, и в ее пытливом уме возникало немало вопросов.

Однажды Регине дали почитать Новый Завет. Она читала его вначале скептически, но чем ближе знакомилась с жизнью Иисуса, тем больше росло ее удивление. Постепенно она убедилась, что Иисус Христос и есть обещанный Богом Мессия. Регина склонилась к Его ногам и отдала Ему свое сердце.

Этот шаг привел Регину к конфликту с родными. Они использовали все методы, чтобы вернуть ее к вере отцов,

но она оставалась непоколебимой в принятом решении. Потеряв надежду на исправление дочери, отец с проклятием выгнал ее из дому.

Регина горячо любила Господа и молилась о возможности потрудиться в Его винограднике. Как-то раз она была в Харькове и услышала призыв вступить в Палаточную миссию. Она всем сердцем откликнулась на этот призыв. Своим добрым нравом и искренней любовью к Господу Регина для многих послужила благословением. С особым успехом она беседовала с русскими женщинами о спасении их души.

В июне 1919 года двадцать четыре сотрудника Палаточной миссии собрались в молитвенном доме братских меннонитов в колонии Рюкенау, и церковь благословила их на предстоящее служение. После этого все сотрудники под руководством Якова Яковлевича Дика поехали в село Панютино, где располагалась центральная база миссии.

Все лето сотрудники миссии успешно работали для Господа, хотя условия жизни были очень трудными. Н. И. Салов-Астахов, один из сотрудников миссии, свидетельствовал о своем служении так:

После летней особенно благословенной работы мы из нашего центра, ст. Панютино Южной железной дороги, возвращались на юг, чтобы там подготовиться к дальнейшей работе. Взяли направление на Екатеринославль, который во время нашей работы был занят войсками Махно. Мы часто встречались с его солдатами, которые иногда препятствовали нашим собраниям.

Работая таким образом, мы дошли до меннонитских колоний под названием Николайполь. Эта волость состояла из пяти номеров (селений), в которых мы решили остановиться на некоторое время для работы.

В селах было очень неспокойно. Солдаты Махно шайками нападали на села, грабили их и издевались над жителями. Нас Господь чудно охранял, и мы смело возвещали о Господе. В последние дни Яков Яковлевич Дик был особенно вдохновлен.

В пятницу, 25 октября, в девять часов утра мы собрались в доме одного брата для молитвы, после которой, разделившись на три группы, поехали каждый в назначенную колонию, с условием в поне-

дельник съехаться. Яков Яковлевич Дик избрал себе четвертый номер, Дубовку, потому что там никогда раньше не было собраний, да и жители этой колонии никому не разрешали делать там собрания и вообще ненавидели верующих.

Так как махновцы грабили, убивали и безобразничали, то в некоторых немецких селах меннониты, несмотря на свое убеждение о несопротивлении злу, решили организовать самооборону, то есть с оружием в руках защищать свои села. В этом деле особенно отличились жители деревни Дубовки. Из-за этого Махно поклялся учинить им кровавую расправу.

В эту деревню, особенно безбожную, теперь направилась группа благовестников под руководством Якова Яковлевича. С ним были брат Юшкевич, Голицын, местный проповедник из соседнего села И. И. Шеленберг, а также сестры Лиза Гиберт-Зуккау и Регина Розенберг. Благовестники, прибыв в Дубовку, остановились у вдовы Петерс. После небольших хлопот Я. Я. Дик получил разрешение устраивать свои собрания, и первое из них состоялось сразу же после обеда.

Настала суббота, 26 октября, последний день жизни наших дорогих палаточников. Утром сестра Петерс приготовила для них кофе, и только они хотели садиться к столу, как в комнату вошло несколько вооруженных махновцев, которые без всяких слов сели за накрытый стол. Увидев наших братьев и сестер, они пригласили их к столу. Яков Яковлевич Дик предупредил, что без молитвы они не кушают, а поэтому, прочитав место из Библии и сказав несколько слов, он пригласил всех к молитве. Встали также и махновцы.

Выпив кофе, махновцы потребовали сыграть им вальс, на что сестры-палаточницы ответили отказом, но начали петь духовные гимны. Махновцы прибывали еще и еще, набился полный дом. Яков Яковлевич с утра и до обеда проповедовал. Когда голос у него начал надрываться, сестра Петерс дала ему выпить два сырых яйца, и он продолжал говорить. На обед солдаты разъехались по домам, а наши сестры пошли в школу, чтобы там провести детское собрание. С ними пошли Дик и Шеленберг. Голицын остался на квартире, а Юшкевич был приглашен в другой дом.

После беседы с учителями братья преклонили колена для молитвы. В это время в комнату вошли махновцы и потребовали от Дика документы. Он показал, а потом смело начал свидетельствовать им о Господе. Махновцы стояли, потупив взгляд, так как у них в сердце,

похоже, уже лежал сатанинский замысел. Потом со словами: «Мы знаем вас, евангелистов» – они вышли из школы.

В это же время другая группа махновцев пришла на квартиру, где был брат Голицын. Они спросили, кто он, и, услышав, что проповедник, без дальнейших расспросов начали его избивать. Когда брат лежал на полу в луже крови, они потребовали у сестры Петерс чистое белье, подняли пострадавшего, сняли с него окровавленное, одели в чистое и заставили его вытереть на полу свою кровь. Когда он выполнил это, потребовали вести их к остальным благовестникам в школу. Голицын повиновался.

Они пришли в школу в то время, когда первая группа только что ушла оттуда. Без всяких допросов махновцы приказали всем стать к стене. Вошел учитель и начал упрашивать не убивать в помещении. Тогда махновцы приказали благовестникам следовать за ними и направились на другую сторону улицы, где стояла пустая клуня. Когда их повели, жена учителя, находясь в другой комнате, наблюдала из окна за происходящим. Она видела, что все шли покорно. Яков Яковлевич Дик шел посреди двух махновцев, державших обнаженные шашки. Он закрыл лицо руками, так как его, выводя из школы, били по лицу. Когда они дошли до клуни и вошли в нее, тут же раздался выстрел, после которого из клуни вышла сестра Регина Розенберг в сопровождении одного махновца. Едва успевая бежать за ним, она что-то говорила ему с сияющим, радостным лицом, показывая руками на небо. Они направились на квартиру, где был Юшкевич, вместе с которым вскоре возвратились в клуню. Через некоторое время махновцы вышли оттуда, а благовестников больше никто не видел живыми...

В то время, когда в Дубовке происходила эта кровавая драма, в соседних селах махновцы тоже убивали жителей. Мы с группой были в колонии номер три и в пятницу вечером тоже пережили очень трудное время. Махновцы пришли к нам в собрание с целью всех расстрелять, но Господь чудно сохранил нас. На собрании говорил слово Генрих Яковлевич Эннс и я.

Узнав о происшедшем в Дубовке, мы отправились на разведку. По дороге нас остановила женщина и со слезами просила не ехать дальше, так как все жители убиты. Она сообщила нам, что видела, как вели братьев и сестер, и что одна сестра умерла с Евангелием в руке.

Мы проехали еще два хозяйства, и вдруг со двора выехало несколько махновцев. Двое из них подъехали к нам, и один спросил, зачем я приехал. Я ответил прямо, что здесь убита группа наших проповедников.

Со словами: «А, и ты тоже!» – он вынул шашку и потребовал, чтобы я сошел с брички и шел за ним во двор. Я ответил, что могу сидеть и здесь. Он потребовал, чтобы я вынул все из своих карманов. Я подал Библию и другую книгу. Второй махновец, упрашивая своего товарища, защитил меня, и мы с сестрой Эннс благополучно возвратились к ожидавшим нас палаточникам.

(Слово истины, № 2, 1920)

В это время старший сын И. И. Шеленберга, узнав о страшной трагедии в Дубовке, поехал искать своего отца. Вначале он заехал к своей тете — вдове Петерс. В ее доме останавливались работники миссии. В Дубовке это была единственная семья братских меннонитов. Увидев племянника, вдова Петерс упала ему на шею со словами: «О, ужас! О, ужас!» Подробностей о судьбе палаточников она не знала.

После некоторых поисков сын Шеленберга нашел тело отца в каком-то амбаре. Махновцы уже покинули село. Деревня словно вымерла. И все же нашелся тот, кто помог ему положить тело отца на подводу. Шеленберг поспешил уехать, чтобы не встретить кого-нибудь из махновцев. Он благополучно доехал до своего дома. Родные похоронили И. И. Шеленберга на кладбище в деревне Райнфельд.

Обождав еще один день, мы хотели все же попытаться увидеть убитых. Я с сестрой Артюшенко из Славянска поехал в Дубовку. Доехав до третьего номера, мы оставили там лошадей и дальше пошли через сады.

Встретив одного человека, мы узнали, где лежат убитые и что махновцы только иногда заезжают отрядами, ища и убивая мужчин. При входе в селение, около первого хозяйства, мы наткнулись на двух изрубленных мужчин. Около других домов тоже лежали люди с изрубленными лицами и руками. Немного присмотревшись к чужим, мы пошли в клуню, где лежали наши братья и сестры.

Войдя в низкие узкие двери, у самого входа мы увидели несколько

трупов, которых невозможно было узнать. По правую сторону головой к двери лежали двое в одном белье – это были Дик и Голицын с изрубленными лицами. Против двери лицом вниз лежал Юшкевич с перерубленной шеей. Дальше, около ног Якова Яковлевича, лежала Регина Розенберг, тоже, как видно, зарубленная во время молитвы, с двумя глубокими ранами на шее и голове. Немного в стороне лежала Лиза Гиберт-Зуккау, тоже зарубленная шашкой.

(Слово истины, № 2, 1920)

Сын И. И. Шеленберга рассказывал:

Сотрудников миссии в Дубовке хоронили вместе с убитыми жителями села. Траурным служением руководили братья из соседних сел. В могилы опускали по десять–двенадцать трупов. Ложили плотно друг к другу сына с отцом, родственников с родственниками. Большинство ложили в могилы прямо как они были – в крови, только некоторых заворачивали в простыни.

Вдовы и сироты как тени бродили по кладбищу. Пережитые ужасы притупили их чувства, и они уже не могли плакать, только жалобно стонали. Всего в Дубовке было убито более восьмидесяти человек.

Мученическая смерть руководителя Палаточной миссии Якова Яковлевича Дика и некоторых его сотрудников не остановила работу миссии. Руководство оставшимися группами было возложено на брата Н. И. Салова-Астахова, и Евангелие возвещалось в разных местах Украины.

(Материал взят из книги «Меннонитские мученики» на немецком языке и журнала «Слово истины».)

ДЕЛА ТЬМЫ

Широко раскинулось село Иванковцы. Много народа живет в нем. Насчитывали лет пять тому назад свыше тысячи дворов, но теперь их значительно больше. Много в селе ребят, много молодежи, много и взрослых людей.

Жили себе иванковчане спокойно, без особых волнений, как живут все украинские села. Весной, когда снег растает на полях и солнышко в изобилии начнет посылать свои лучи на горемычную землю, все иванковчане, способные к труду, выходят на работу в поле. Быстро пролетает за работой весна, а за ней и жаркое лето, за которым шествует богатая урожаем осень. Одни и темы для разговоров были у иванковчан – все о земле да урожае, о бывшей войне да о мелких дрязгах, случившихся у соседей.

Но вот однажды появилась у иванковчан новая тема для разговора. В селе появились христиане-баптисты, или, как их называл священник, штундисты. Отличались эти штундисты от остального населения тем, что не ходили в церковь, не поклонялись иконам, не крестились рукой, не пили водки, не ругались, а собирались в свободное время, читали Евангелие и молились Богу «по-своему», как говорили сельчане. Мало этого, где только было возможно, баптисты говорили сельчанам, что нужно оставить греховную жизнь и служить Богу от чистого сердца, как учит Евангелие, что хотя они и называются все христианами и в метриках записаны «православные христиане», но жизнь-то их совсем не похожа на жизнь первых христиан – святую и непорочную.

Всполошились иванковчане.

– Как менять веру наших дедов и прадедов? Не хотим! – говорили они.

Однако, когда баптисты по вечерам собирались на молитву, особенно зимой, многие из иванковчан стали посещать их собрания. Придут, постоят, посмотрят, послушают, как читают Евангелие на понятном, родном языке, иной раз поплачут, когда слово Божье коснется сердца, и уйдут. И слово Божье, посеянное в сердцах иванковчан, стало приносить плод Господу. Это был 1923 год.

В 1926 году в селе уже насчитывалось двадцать пять человек, принявших крещение и отдавших свою жизнь на служение Господу. Не меньшее количество, вероятно, было и приближающихся, которые в душе своей тоже уже были баптистами, но еще не решились открыто присоединиться к местной общине христиан-баптистов.

Враг дела Господня не дремал. Неприятно было ему видеть, как многие души уходили из его царства, из царства тьмы в царство света. Увидел он, что пора ему помешать развитию дела Божьего в Иванковцах. Соберутся, бывало, верующие на собрание, преклонят

колени для молитвы, а он и пришлет своих слуг, чтобы мешать им. Придут они, иногда трезвые, иногда пьяные, и станут швырять гнилыми яйцами в молящихся. То возьмут и побьют окна, повыдергивают солому с крыши, а когда верующие начнут расходиться с собрания по домам, бросают вслед им камни. Много приходилось переносить детям Божьим от тех, кто еще бродит душой своей во тьме, находясь в рабстве греха и пороков.

Но Господь посылал детям Своим силу, чтобы все это переносить, покрывать любовью и молиться за своих заблудших братьев. Стали заметны плоды любви и терпения. У многих сельчан начал пробуждаться еще больший интерес к Слову Божьему, когда они увидели, как безропотно переносят верующие несчастья и гонения, выпадающие на их долю.

В последнее же время дьявол через слуг своих возбудил новое гонение на верующих, которое закончилось убийством одной ревностной верующей сестры. Приводим выдержку из письма Петра Зуба, сообщающего о происшедшем недавно у них событии:

«...Враг рода человеческого недоволен своими прежними выдумками и проделками. Он ищет иного случая... В конце февраля месяца сего года руководящий группой брат Иван со своей женой Марией и сыном Григорием ушли из дому на вечернее собрание. Жена Григория Анастасия со своим маленьким шестимесячным сынком Володей осталась дома готовить ужин. После собрания Григорий поспешил по зову своего сердца скорее домой. Придя, он хотел открыть дверь, но нашел ее запертой изнутри. На свой стук он никакого ответа не получил. Вслед за ним сейчас же пришли родители. Всех их объял страх, но нужно было что-то делать. Тогда Григорий пошел к окну, открыл его и через него проник в дом, чтобы открыть дверь. Когда все трое зашли в квартиру и зажгли огонь, то увидели перед собой ужасную, потрясающую картину: на полу в луже крови лежала зарезанная жена Григория – Анастасия...

Вот теперь отыгрался враг рода человеческого над семейством детей Божьих. Он принес им плач и слезы... И остался маленький Володя сиротой, без материнской груди и ласки... Как посмотришь на эту картину, то, хотя б сердце было каменное или железное, все равно слезы сами льются...

Благодарение Господу, что Он дает детям Своим сил переносить

испытания даже огненные. И в этом ужасном случае Господь прославился. На похороны убитой сестры приехали братья из других сел. Приехал хор из Лисоводской общины. Почти все жители села сошлись посмотреть, как будут хоронить убитую. Много было сказано проповедей, много было пропето гимнов. Многие слушатели были тронуты словом Божьим...»

Мы верим, что в селе Иванковцах Господь пробудит еще многие души для новой, светлой жизни во Христе Иисусе. Многие пробудятся от греховного сна, встрепенутся, и этот ужасный случай послужит для них толчком, выводящим из греховного оцепенения.

Мы молим Господа, чтобы Он укрепил детей Своих и они, невзирая ни на что, ни на какие трудности, препятствия и гонения, верно и радостно шли по стопам Христовым, неся Его свет в самую гущу людского неверия, суеверия и фанатизма. «Не бойся, малое стадо!» – сказал Христос, и мы верим, что Он с нами и доведет нас до желанной цели. Здесь же, на земле, мы встретим мало счастливого в жизни. Путь христианский тернист, и не напрасно Господь сказал: «Гнали Меня, будут гнать и вас». Ныне мы переживаем сравнительно спокойное время, но в любой момент может настать другое время – время испытаний и гонений.

«Мужайтесь! Я победил мир». Господь с нами до скончания века. Да сохранит Он нас в совершенном мире!

Здесь венец терновый вместе с Ним несем
До пришествия Христа.

П. Г. А.-Ожевский
(Баптист Украины, № 6, 1927)

СЛЕПОЙ ОТ РОЖДЕНИЯ

«И, проходя, увидел человека, слепого от рождения» (Иоан. 9, 1). Единственный раз в Евангелии встречается слепой от рождения. Центральная мысль здесь, на которую следует обратить серьезное внимание,– его исцеление. Он не просил Иисуса об исцелении,

как это сделал слепой Вартимей (Марк. 10, 47). Чем же разнятся отношения ко Христу этих двух слепых? Первый был слепой от рождения, значит, он никогда не видел света, не видел полей и лугов с их цветочными коврами, не видел дивного величия звездного неба – он никогда не видел красоты великого Художника Вселенной. О Христе он говорил: «Грешник ли Он, не знаю...» (Иоан. 9, 25). Другой, услышав, что идет Иисус Назорей, начал кричать: «Иисус, Сын Давидов! помилуй меня!» (Марк. 10, 47).

Первый совершенно не знал Его, а второй знал, что Он – Сын Давидов. Иудеи называли Его сыном Иосифа (Иоан. 6, 42), а он называл Иисуса по обетованному имени, он знал, что Иисус, Сын Давидов, может помиловать его. Вот почему они так неодинаково отнеслись ко Христу при встрече.

Рос я в православной семье. Родители очень мало говорили мне о Боге, потому что сами мало знали. Отец знал две-три молитвы и меня научил, так что до школы я знал «Отче наш», «Богородицу» и «Царю Небесный». А впоследствии, когда уже стал ходить в школу, мать научила меня молитве от «нечистой силы» – «Да воскреснет Бог». Когда я окончил церковно-приходское училище, я знал о Боге очень мало и еще меньше в Него верил. Один случай, имевший место в городском училище, окончательно убил во мне веру в Бога и сделал меня непримиримым врагом священнослужителей православной церкви.

Это было в 1911 году. В один весенний день у нас был урок Закона Божьего. Класс заливал солнечный свет. За окном верба распускала свои зеленые листочки, а в ее ветвях, чирикая, играли птички. Священник говорил нам о преподобном Ефросинье, умершем в 1481 году. Ученица N в это время смотрела в окно и улыбалась весеннему солнцу. Жизнь, принесенная весной, интересовала ее больше, чем смерть преподобного Ефросинья...

Невнимание N заметил священник. Он подошел сзади и со словами «Надо слушать!» ударил ее классным журналом. Ученица от боли заплакала. К физической боли добавилась душевная. Ей было непонятно, за что священнослужитель ударил ее. Разве она виновата, что не смогла устоять перед прелестями весны? Разве ее вина, что жизнь сильнее смерти? Бог есть любовь... Почему же Его служители так поступают? Кто им позволил? Мысли N менялись с молниеносной быстротой... И она плакала, плакала по-детски, навзрыд.

Я смотрел, как вздрагивали ее плечи, и думал: «Это не духовный отец... Отец так не поступает. Это фарисей, который, прикрывшись маской священнослужителя, проповедует любовь и тут же разбойничает. Если, проповедуя Бога, священнослужитель сам не исполняет Его заповедей, то, следовательно, Бога нет».

Это убеждение нашло во мне плодородную почву, и с того дня я совершенно отказался от веры в Бога. Но заявить об этом дома значило быть выкинутым на улицу, и приходилось скрывать свое неверие...

Дома все же обратили внимание на то, что я не молюсь, и отец, пригрозив кнутом, заставил меня молиться. Чтобы не было неприятностей, я аккуратно утром и вечером «молился». Вместо молитвы утром я читал про себя «О! Как бы счастлив был свет этот старый» Плещеева и «Фею» Фета, а вечером – «Мазепу» Пушкина.

Так было около полутора лет, то есть до тех пор, пока я, окончив учебу, получил назначение в одно учреждение и стал жить самостоятельно. Наступившие революционные события с первых же дней пленили меня. Участие в гражданской войне окончательно утвердило во мне неверие. Если в первые месяцы неверия на меня иногда нападал страх, потому что все окружающие верили в Бога, то теперь я видел тысячи отказавшихся от веры. Я радовался, что неверующих много. Мне хотелось, чтобы вообще все, и русские в особенности, скорее отказались от Бога.

Горя таким желанием, я всегда и везде проповедовал безбожие. Если я приходил к знакомым, я говорил о неверии, если ехал с друзьями в рощу, то и там читал им «рефераты» о том же. Если приходилось участвовать на каком-либо собрании, то и там я старался найти удобный момент и предупредить об «опиуме» и «дурмане». Потом я шел в столовую и выпивал бутылку вина, затем вторую, и так до тех пор, пока у меня в голове «религия», «опиум», «просвещение» не перепутывались в один сплошной дурман.

Тихий теплый весенний вечер на востоке. Где-то далеко играл на зурне туркмен. Я бродил по пыльным узким улицам восточного города. Вспомнив, что через два дня должен сделать доклад, направился в библиотеку за пособием.

Библиотека находилась в европейской части города. Идя по одной улице, я увидел странное зрелище. Около одного дома стояла огромная толпа. Разнородность толпы – молодые, старые, военные,

интеллигенты, простолюдины – окончательно заинтересовала меня. Я не мог понять причину такого собрания.

Любопытство взяло верх, и я решил присоединиться к толпе. Подошел к дому, и мое любопытство еще больше возросло. Я увидел, что в доме на скамьях, расставленных рядами, тоже сидели люди без разбора общественного и какого-либо другого положения. Я увидел одного человека, хорошо мне известного, с очень хорошим общественным и служебным положением. Он сидел на последней скамейке, а впереди него – сидел бродяга, который средства к существованию добывал тем, что ходил по базару и пел «Клавочку». Мой ум не мог найти причину, которая могла собрать туда этих людей. В толпе то и дело слышалось слово «баптисты», но я был в религиозных вопросах так некомпетентен, что не обращал на это внимания.

Но вот толпа стихла. Через открытые окна донеслись слова:

– Возлюбленные Господом братья и сестры! Мы сегодня собрались во имя нашего Спасителя Иисуса Христа...

Мне все стало ясно – здесь будут проповедовать «дурман».

Участвовали три проповедника. Первый говорил, что всегда нужно прибегать к помощи Бога и не отказываться от Него, как это делают многие. Второй обращал внимание на порочную жизнь людей до примирения с Господом. И третий указал на то, как люди стараются внушить себе, будто они имеют или могут иметь все, что нужно человеку для счастливой жизни.

Я слушал и возмущался: все трое говорили обо мне. Я терялся в догадках и не находил этому объяснения. То, что мной давно было старательно позабыто, проповедующие так безжалостно напомнили вновь. В их словах все мои недостатки отразились как в зеркале. Это явление меня сразу настроило против проповедующих. Я сделался их заклятым врагом. Меня до глубины души возмущало: какое они имеют право говорить обо мне одном? Почему в своих проповедях они не упоминают кого-либо другого? Словно раскаленный свинец, меня жег вопрос: кто им все рассказал?

Проповеди закончились. Все любящие Бога были приглашены к молитве. Находящиеся внутри дома преклонили колени...

Моему самолюбию был нанесен сильный удар. Я думал, что на колени станут только проповедующие. Терпению моему пришел конец. Я быстро вошел в сени (дверь из сеней в комнату была открыта) и со словами «Как не стыдно?» потянул за шинель одного

красноармейца. Тот оглянулся и, поднявшись, сел на лавочку. Его примеру последовало несколько человек. Это меня несколько успокоило. Я вышел и снова стал около окна. Почему я не уходил? – Боялся, что они снова начнут говорить про мою жизнь, что они назовут мое имя.

Молитва закончилась. Проповедующий пригласил желающих к беседе.

Я зашел. У нас завязалась очень оживленная «беседа» и продлилась далеко за полночь. Стрелки часов показывали без пятнадцати минут четыре, когда мы окончили эту «беседу». Не удивляйтесь, что слово «беседа» я взял в кавычки. Я так бурно беседовал, что сестры уходили в другую комнату, переживая о том, что я вот-вот побью своих собеседников. Но в ходе «беседы» мои доводы разрушились, как песчаные домики, и я выглядел полным невеждой в знании евангельского учения. Я был слепой от рождения.

Придя часа в четыре утра домой, я принялся читать теорию относительности. В ту ночь я не спал ни одной минуты. На следующий день я опять решил пойти на собрание баптистов.

Когда я пришел, собрание еще не началось. Я зашел в зал и сел в углу на задней скамейке. Вскоре зал заполнился желающими слушать Слово Божье, и молитвенное собрание было открыто. К своему великому возмущению, я услышал, что проповедующие и на этот раз говорили обо мне. В душе я решил после собрания наговорить им в отмщение грубостей и оскорблений. В заключение, как и прежде, прозвучало приглашение к молитве. Все опустились на колени, только я остался сидеть на скамейке. После собрания я снова беседовал с проповедником часов до четырех утра.

На третий день я пришел на собрание раньше всех. После собрания опять беседовал. И вот здесь открылось, с какой молниеносной быстротой сатана меняет позиции, когда идет борьба за человеческую душу. Если я не мог удержаться на позициях логики, я переходил к законам науки; если и здесь мне приходилось отступать, я хватался за библейские противоречия, и так до восьми утра.

В тот день я ушел даже не простившись с проповедниками. Я так был озлоблен, что для меня не существовало более злейших врагов, чем эти проповедники, а Библию я с удовольствием прибил бы на том кресте, на котором, по их словам, был распят Иисус Христос. Почему меня так возмущала эта книга? Она вскрыла все мои

гнойники, она как бы вывернула меня наизнанку, чтобы все увидели, что творится у меня внутри. Я был так уверен, что проповедники говорят только обо мне, что своим знакомым, которые тоже были на собрании, не мог спокойно, как раньше, смотреть в глаза. Я был убежден: они знают, что проповедники говорят обо мне.

На следующий день я пришел на собрание опять первым. Отвечать за себя дальше я не мог и, дабы от нашей беседы не нажить неприятностей, решил не оставаться после собрания и ушел домой часов в девять вечера. Перед уходом проповедующие очень просили меня остаться, но я, сославшись на головную боль, все-таки ушел.

Придя домой, я лег спать. Но мысли отгоняли сон. Я старался курить больше обыкновенного, чтобы уснуть, но это не помогало. Вдруг над самым моим ухом я услышал нежный голос: «Друг, молись!» Насколько это было сказано нежно, настолько и повелительно. Я испугался. Через две-три минуты, оправившись от испуга, я встал с кровати, помыл голову холодной водой, освежил одеколоном и, закурив папиросу, лег снова в постель... И снова тот же нежный, словно материнский голос: «Молись... молись...» Я встал с постели и вышел на террасу.

Была ясная восточная ночь. В разных концах города играла зурна (было время Рамазана, и туркмены днем постились, а по ночам ели и веселились). Воздух был как бы наполнен музыкой. Во всей этой музыке я слышал одно: «Молись... молись...» Я взглянул на небо. Луна... Звезды... Они не были мертвыми планетами, они улыбались вечно сияющим счастьем и говорили мне со своих недосягаемых высот: «Молись – и ты так же будешь светел, молись – и ты поднимешься на такую же высоту».

Мой блуждающий взор остановился на стоящей неподалеку горе. Там когда-то проходил великий завоеватель Александр Македонский, а в последнее время, перед революционными бухарскими событиями, на этой горе была крепость и дворец бека. На вершине горы на вышке стоял туркмен и смотрел на бушующую реку, которая своими волнами лизала подножье горы. Казалось, что этот туркмен, сын свободных полей, нарочно в эту тихую ночь взошел на гору, чтобы показать превосходство высокого, горнего над тем, что внизу... Когда-то на этой горе были только знатные, сильные, богатые. Где они? Где их слава, богатство, сила? Где же бессмертие? Я слышал ответ от звезд, от луны, от гор и волн: «Молись, и ты будешь вечно поле-

зен». «Молись,– говорили звезды,– и ты будешь вечно светить, как мы...» «Молись,– говорила луна,– и ты будешь высок, как я...» «Молись, молись,– шептали волны,– и ты будешь свободен, как мы...» Все эти ответы слились в одну чудную мелодию: «Молись... молись, и получишь жизнь вечную...»

Я зашел в комнату и лег в постель. Рядом со мной лежал и крепко спал мой младший брат. В этой же комнате спало еще два ответственных работника. Я завидовал им – они могли беспечно спать. Я же не мог уснуть: кто-то мне мешал, кто-то хотел, чтобы я сегодня, через десять-одиннадцать лет, снова стал молиться. Но как я буду молиться? Я не знаю хорошо ни одной молитвы. Разве прочитать Плещеева? Нет, не смею, не могу... боюсь... В это время я вновь услышал голос: «Встань и молись!» Кто это сказал, я не знаю, но было сказано так, что я не посмел больше ослушаться, не мог сопротивляться, у меня не было сил. Я стал на колени прямо в постели и со слезами проговорил:

– Если Ты есть, Господь, то открой мне Твое могущество! Покажи Твою чудодейственную силу, как Ты делал раньше, и тогда я исполню все, что повелишь.

Больше я ничего не мог сказать, слезы полились из глаз ручьем. Я стоял на коленях и не смел ложиться. Я ожидал чего-то величественного. Я был уверен, что если Господь есть, то я встану уже христианином. И Господь посетил меня.

Я больше не мог сомневаться в бытии Божьем, встал с постели и начал молиться: «Господь мой, будь милостив ко мне, негодному... Прости меня, Отец Небесный, во имя Иисуса, Сына Твоего, распятого и воскресшего!» Я плакал от сознания, что являюсь великим грешником. Чувства так переполнили меня, что я впал в обморочное состояние.

Когда я пришел в сознание, около меня хлопотали мои друзья и брат. Услышав, что они собираются посылать за врачом, я сказал с затаенным трепетом в душе:

– Мне нужен врач, но не земной... – и горько-горько заплакал.

Вскоре я снова был на собрании. Те же проповедники, но они стали какие-то другие... Они больше не обличали меня, не говорили обо мне плохого, не мучили меня, не были больше злыми и беспощадными, но нежно, с любовью говорили, что всякий любящий Господа, исполняющий Его волю есть дитя Божье, наследник вечного Царства Божьего. Я шептал:

– Научи, Господи, заповедям Твоим, и я их исполню...

Когда все были приглашены к молитве, я тоже опустился на колени. Я забыл, что за окном стоят друзья, я не слышал их смеха. Окружающие для меня не существовали. Я молился:

– Боже милостивый, прости меня, негодного! Твое прощение сделает меня Твоим чадом. Возьми и меня в Твой виноградник, хотя я и стоял на торжище праздно до одиннадцатого часа.

Собрание закончилось. Я остался беседовать. Беседа мирная, тихая. Задаю проповедникам вопросы, а самому хочется броситься им на шею и расцеловать их. Что-то близкое, родное связывает нас.

Беседа затянулась за полночь. Рассуждали о спасении. Я говорил, что сделал много плохого, что я великий грешник, что мне прощения быть не может, что я уже осужден на гибель.

Проповедник А. И. Б. сказал:

– Кровь Иисуса Христа очищает нас от всякого греха. Не бойся, покайся и веруй в Евангелие.

Эти слова пронзили меня как электрический ток. Выкинув из кармана пачку с папиросами, я заплакал. Братья преклонили колени и стали молиться. Я тоже стал на колени и раскаялся перед лицом Господа во всех грехах, обещая больше не грешить. Так же, на коленях, братья и сестры запели: «Радостную песнь воспойте в небесах – блудный сын навеки возвращен, с Богом примиренный...»

Я тоже радовался и чувствовал, что примирился с Богом. Было четыре часа сорок пять минут утра.

«Савл»

(Баптист Украины, № 6, 1927)

О РОССИИ

«О, кто даст голове моей воду и глазам моим – источник слез! я плакал бы день и ночь о пораженных дщери народа моего» (Иер. 9, 1). Так выразился однажды великий пророк Иеремия, смотря на страдания своего народа.

Эти скорбные слова можно применить к нашему русскому народу. Страдания его велики, словами нельзя выразить всего горя, слез

и сокрушения духа. Невозможно описать, сколько пролито крови. Все чистое и святое попрано и поругано. Все справедливое, честное и все, что есть любовь и сострадание, теперь пренебрегается и совсем отвержено. Законы Бога любви, милосердия и всякой истины заменены законами того, кто от начала был лжец и человекоубийца.

Человек, придерживающийся истины Божьей и хотя отчасти проводящий ее в жизнь, считается позорищем и посмешищем. Таковой лишается всякого права на жизнь: его делают «лишенцем», который не имеет права голоса (фактически в народе никто его не имеет, а только на бумаге), не может устроиться ни на какую работу, ничего не может получить из продуктов и из одежды, он не может ни купить, ни продать.

Я сам испытал это в своей жизни. После того как я три с половиной года отбыл в Соловецких концлагерях, меня выслали в Архангельскую губернию на три года. Орган Государственного политического управления (ГПУ) передал меня в распоряжение управления Северолеса, который делает заготовку леса на экспорт. Вместо того чтобы мне дать работу по специальности (я токарь точных работ), они послали меня на самые тяжелые работы – на разработку леса. Вот мой паек продуктов на месяц: 2,5 фунта пшенной крупы, 3 фунта сельди или какой-либо мелкой соленой рыбы, 25 грамм чаю, 1,25 фунта сахару, очень редко выдавали 25 фунтов мороженой картошки. Хлеба получали согласно выработке – от 0,25 до 1,25 фунта в день. В пункте, где сосредоточены рабочие в лесу, есть кооператив, но там, кроме пайка, ссыльные ничего не могут купить.

Господь же Своих не оставляет, Он тот же, наш сильный Бог, Который заботится о Своих детях. В тяжелые минуты Он давал мне пищу и все для жизни. Но я видел людей, которые не знают Бога; их жизнь ужасна.

Проповедь Евангелия в России не расширяется, а, наоборот, уменьшается с каждым днем. Проезжая по всей России, начиная от Архангельска и кончая Владивостоком, я отметил, что проводить благовестие при настоящей политической системе невозможно. Духовная работа в Северном крае и Центральной России совершенно парализована.

По слухам, работа идет на Украине, частью на Кавказе и на Дальнем Востоке по пограничной полосе, но в очень скромных размерах.

Работники – пресвитера и благовестники – почти все находятся в заключении: или в концлагерях, или в ссылке. Очень мало осталось прежних работников, а дело продолжают в основном общими силами; делают, кто что может.

Во всей России молитвенные дома отняты насильственно, под предлогом того что местные рабочие якобы выносят таковые постановления... Рабочие же мало что знают об этом, но за их спиной предатели рабочего класса творят все эти темные дела.

Проповедники не могут разъезжать свободно. Каждый способный брат может проповедовать только у себя в общине, в другую общину или куда-либо для проповеди он не может поехать. Местный брат, утвержденный ГПУ, не может допустить на проповедь в своей общине приезжего брата. В каждой общине и группе есть секретные сотрудники ГПУ, которое знает все подробности о каждом члене.

Союзной работы нет никакой, хотя на бумаге и существуют как Союз баптистов, так и Союз евангельских христиан. Они были вновь организованы по инициативе ГПУ, так как советское правительство, имея всевозможные торговые сделки с иностранными государствами, слышит упреки, что в России нет свободы религии. Так вот теперь есть доказательство на бумаге, что в СССР все хорошо, и даже есть союзы.

После того как в Москве был собран пленум для организации Союза баптистов, арестовали более двадцати братьев. Часть из них послали в концлагеря на десять лет, а некоторых, по милости, на пять лет, в том числе осужден и председатель Сибирского союза баптистов брат Ананин.

Органы ГПУ принуждают руководителей общин отлучать на деловых собраниях всех братьев, находящихся в заключении и ссылке. Ведь в России не судят за религию. Братьев арестовывают, делают у них обыск, затем судят по любому пункту, по какому захотят, 58 статьи. И таким образом братья оказываются шпионами, контрреволюционерами, вредителями, кулаками и так далее. Допросы проводят очень редко, а некоторых совсем не допрашивают. Следователь посылает в Москву свое заключение, и дело кончено. Потом приносят осужденному бумажку в три строки: слушали, постановили, десять лет концлагеря, распишитесь. Они говорят: был бы человек, а статью мы подберем.

Требуя отлучить от церкви заключенных братьев, власти хотят до-

стигнуть известной цели – доказать, что в СССР нет гонений за веру. Если они и сажают кого в тюрьму, так это только контрреволюционеров, которые даже в церкви за это отлучены.

Посторонние боятся посещать собрания, так как за это преследуют и лишают работы.

Все люди в СССР как-то особенно замкнуты, страшно измучены и обижены, лишены всякой свободы и боятся друг друга.

Цель советской власти – репрессиями совершенно искоренить в людях веру в Бога. Атеисты говорят, что Библия и религиозный дурман скоро будут достоянием музеев. А верующие отвечают им на основании Слова Божьего: «И во дни тех царств Бог Небесный воздвигнет царство, которое вовеки не разрушится, и царство это не будет передано другому народу; оно сокрушит и разрушит все царства, а само будет стоять вечно» (Дан. 2, 44).

Северная область включала в себя десять губерний, где с 1922 г. работа на ниве Божьей начала быстро развиваться. Северным союзом баптистов были посланы благовестники даже в отдаленные края Севера – в Мурманск, Сороку, Кемь, Петрозаводск и другие города.

Во многих местечках образовались общины и группы верующих. Особенно хорошо дело шло в Петрограде и его окрестностях. Только в этом городе было открыто шесть собраний. Община Дома Евангелия в 1927 г. имела более тысячи членов, она была центром распространения Евангелия по всему Северу. В 1926 г. в Северном союзе было более тридцати благовестников для обслуживания северного края. Несколько раз власти принимали различные меры, чтобы отобрать Дом Евангелия, но с помощью Божьей мы его отстояли. Каждый год власти предписывали сделать в нем непосильный для общины ремонт, но члены жертвовали сверх сил и все-таки отстояли этот дом.

В 1927 г. мы собрали в Ленинграде съезд Северной области, на котором нам насильно навязали вопрос о военной службе. Съезд решил военный вопрос не так, как предписывало ГПУ, а вынес свою резолюцию – предоставить каждому члену решать этот вопрос согласно своему убеждению. За такую резолюцию в июле 1927 г. было арестовано все правление Северного союза: пресвитер Дома Евангелия, председатель союза, секретарь союза, казначей союза и секретарь общины при Доме Евангелия. Продержали нас в тюрьме под следствием до семи месяцев, а затем постановлением в Москве

приговорили каждого к заключению на три года в Соловецкий концлагерь.

После нашего ареста руководство Домом Евангелия и союзом взяли на себя другие братья. Спустя два месяца после высылки нас в концлагерь в Доме Евангелия арестовали еще несколько человек и также выслали в концлагерь. Началось наступление на евангельскую работу во всей области. Всюду производились аресты и закрытия собраний. Нашлись и предатели среди братьев, которые были секретными сотрудниками ГПУ.

В 1929 г. всей работе в Северной области был положен конец страшной, насильственной рукой власти. Дом Евангелия отобрали; теперь там клуб рабочих, где происходят различные танцы и концерты. В настоящее время во всей Северной области нет ни одного открытого собрания баптистов. В Ленинграде имеется одно собрание евангельских христиан в лютеранской церкви. По предписанию ГПУ братья, руководители евангельской общины, не допускают до преломления хлеба даже баптистов.

В начале 1931 г. по желанию ГПУ был собран расширенный пленум, на котором опять организовался Союз баптистов. Союз этот, конечно, существует чисто формально, никакой деятельности он производить не может. После пленума человек двадцать арестовали и выслали в концлагерь, в том числе и сына Якова Яковлевича Винса – Петра Яковлевича. Есть слухи, что его приговорили к десяти годам лишения свободы, а некоторые утверждают, что к пяти годам.

В Москве баптисты имеют одно собрание, но в очень тесном помещении. Община отремонтировала несколько хороших помещений, но власти отобрали их, да еще наложили штраф на братьев и сестер, будто они неправильно заключили договор. Новые помещения строить нет никакого смысла, потому что их отберут, а старых нет, самим рабочим жить негде – все разрушается, а новое жилье почти не строится.

На Украине проповедь Евангелия продолжается. Служители, благовестники почти все находятся в заключении, но члены церкви сами продолжают работу. Молитвенные дома в некоторых местах отобраны, но не везде. По некоторым сведениям, бывают большие пробуждения. В последнее время начали всех верующих притеснять. Крестьян насильно гонят в колхозы. У тех, кто не хочет идти, все

имущество конфисковывают, а самих людей высылают на принудительные работы.

...Меня многие спрашивают: правда ли, что в России и теперь еще имеются свободные собрания? Это правда. По теперешним законам собрания верующих разрешаются. Хотя власти то закрывают собрания, то снова открывают, но со множеством небывалых условий и в очень ограниченном количестве мест. Открыты собрания только в главных городах, куда приезжают иностранцы, и там, где местные власти подобрей.

Я участвовал на одном из последних братских съездов. До 1928 г. их, хотя с трудом, все же разрешали. Съехалось из разных мест более трехсот делегатов. Собрание было большое, радостное и многообещающее. К сожалению, на первом же заседании делегаты убедились, что связаны по рукам и ногам. Старших братьев еще до съезда вызывали по ночам в ГПУ и диктовали, в каком духе проводить съезд. Все это делалось так хитро и ловко, что у братьев постоянно была борьба, как поступить, чтобы было лучше. С одной стороны, власти обещали некоторую свободу, с другой, в случае неподчинения,– угрожали закрывать собрания, разгонять и арестовывать всех поголовно. На самом съезде делегаты передавали друг другу записки: «Будь осторожен», «Не забывай, что сзади ГПУ» и подобные.

На одном из больших пасхальных собраний, проходившем незадолго до моего отъезда из России, звучали проповеди о воскресшем Христе и новой жизни в Нем. Господь обильно благословил Свое слово и проповедующих, среди которых был и я. Когда все начали расходиться, меня у дверей дернул за рукав милиционер и шепнул на ухо:

– Пойдемте со мною.

На собраниях, среди множества народа, всегда присутствуют агенты, которые, если находят нужным, приводят к концу собрания милицию или же сами арестовывают говорящих, но так, чтобы народ не заметил.

Нас троих повели по темной улице. Вдруг с одной стороны канавы послышался грубый голос:

– Товарищ милиционер, бей этих негодяев!

С разных сторон, крадучись, нас провожали верные сестры, которые еще на собрании заметили, в чем дело. Объявлять об этом

другим они не решались. Через них-то, может быть, Господь и помешал тем людям слово «бей» привести в исполнение. Вот как проходят в России собрания верующих, хотя и разрешенные!

В России явно выделяются два вида миссионеров. Одни – образованные, закончившие хотя бы Библейскую школу, избранные пресвитера, руководящие большими общинами. Другие – без специального образования, не занимающие особых, видных мест, даже не избранные на служение благовестия, но имеющие в себе свидетельство новой жизни, ревнующие по делу Божьему и жаждущие спасения душ.

С первыми властям легко было справиться – они заметные, их легче обнаружить и арестовать. Когда же дело дошло до вторых, то их оказалось так много, что до сего дня безбожники со всеми предоставленными им средствами не могут их уничтожить. Это простые члены церквей, живущие и действующие силой Божьей.

Я трудился в одной общине, в которой было около четырехсот членов. Обслуживать мы должны были два собрания. Однажды ночью власти неожиданно арестовали шесть видных братьев и, похоже, думали, что после этого все кончится. Они не знали, что есть Один, Самый главный, Которого они никогда схватить не смогут, и Он Сам руководит тем делом, которое они собрались уничтожить.

Собрания с Божьей помощью продолжались в обоих помещениях.

Последовал второй, более серьезный удар: арестовали еще двенадцать братьев и одно собрание закрыли. Дело все же шло вперед. Через несколько дней арестовали еще группу активных братьев и сестер.

Кажется, что теперь разбили все. Однако, нет. Вскоре после этого далеко за городом собралось восемнадцать братьев, «маленьких миссионеров», чтобы решить, как вести дальше работу общины. Для порядка нужно было выбрать новых пресвитеров. Слово Божье учит, что они «не должны быть из новообращенных», а среди нас были только молодые. Поэтому мы решили попросить Христа, чтобы Он остался у нас пресвитером, а мы просто будем исполнять необходимое служение по проведению домашних собраний, а также посещать тюрьмы и оказывать помощь уже сосланным.

Получая от узников письма, эти «маленькие миссионеры» переписывали их, распространяли и читали на домашних собраниях. В одном письме говорилось, например, об арестованном брате, что он

твердо перенес все и теперь с верой в Господа умер. За другого просили молиться, чтобы он не ослабел, иному просили послать помощь. Еще в одном письме сообщалось о радости и ободрении, которое принесла с собою присланная посылка, и так далее. Эти письма давали много материала для бесед, побуждали к молитвам и труду, ободряли и укрепляли в наших собственных переживаниях.

Аресты продолжались, потому что дело не останавливалось. У арестованных обыкновенно допытывались: «Кто у вас казначей?», «Кто у вас пресвитер?» – «Христос»,– отвечали братья на эти вопросы.

Когда одного брата так допрашивали, один следователь сказал:

– У этих баптистов и евангелистов все пресвитера!

И на самом деле – стеллажи переполнены делами верующих, следователи работают днем и ночью и никак до конца не доберутся.

Аресты действительно продолжаются повсюду, так что основная работа у остающихся на «свободе» – это помогать страдающим за имя Христово, которые томятся в тюрьмах и концлагерях, а также тем, кто в ссылке, и их обездоленным семьям.

Как мы помогали, сами испытывая голод? Конечно, делали это те, у кого еще была к этому возможность, у кого еще не отобрали хлебные карточки и не лишили гражданских прав. Мы ходили между своими, собирали что можно, а потом продавали это или просто меняли на хлеб. Назначались также дневные посты с тем, чтобы все не съеденное в этот день послать голодающим страдальцам за истину.

Иногда утром собираешься на работу, а жена говорит:

– Хлеба, пожалуйста, не трогай. Это для детей. Мы ведь свою часть отдали братьям, не забудь.

Мы, конечно, детей забыть не могли, чтобы съесть их кусок. В такие горькие минуты мы вспоминали обетования Божьи и утешались ими, и в эти дни Господь нас особенно благословлял.

Особенная радость была у нас, когда мы впервые получили помощь из-за границы. Мы сразу же купили в торгсине ржаной муки и немного белой для больных, упаковали посылки, заняли на почте очередь для их отправки. Работа не прекращалась.

Продолжали также приходить вести: «Сестру А. арестовали», «Брат Л. не вернулся с работы» – и так далее. Слова «арестовали» и «забрали» связаны, конечно, с глубокими скорбями и страданиями.

Однажды утром я поспешил в дом моего друга, так как узнал, что его арестовали. Сестра передала мне оставленную им для меня

записку: «Милый М., меня Господь ведет новым путем. Молись. Надеюсь, ты еще на свободе. Не оставляй дела Божьего. Что сможешь, сделай для моей обездоленной семьи. Храни тебя Господь».

В кроватке, ничего не подозревая, лежали трое деток.

– Папу увели дяденьки в красной шапке,– рассказывали они мне.

Мать заплакала. Она крепилась, пока делали обыск, но когда ее мужа увели, представила все трудности и горе, которые ожидают ее и малых детей.

Среди всех этих переживаний встречаются, конечно, и радости. Без них жизнь верующих немыслима. После одного домашнего собрания мы с братом осторожно оставили помещение, а на улице, в стороне, радуясь за нас, богобоязненные старушки тихо говорили:

– Смотри, И. и М. пошли, как апостолы.

Недавно уверовавший брат, проходя около дома, где раньше происходили наши открытые собрания, вдруг говорит мне со слезами радости на глазах:

– Как хорошо, что я обратился на день раньше того, как закрыли это собрание, иначе я до сих пор, может быть, не знал бы счастья новой жизни во Христе Иисусе! Я ведь обратился в этом помещении накануне закрытия.

В другом месте одна женщина уверовала только потому, что закрыли собрание. Она убедилась, что Господь чудно продолжил Свое дело. Ее обращение принесло много радости, так как и в ее жизни Господь начал удивительно действовать.

Очень много ликования и торжества бывает при получении заграничной помощи. Это действительно святое дело, при котором и небо ликует, и только в вечности это служение оценится достойно.

Перед моим отъездом я имел особую радость – свидание с другом после его пятилетней ссылки. Мы могли провести с ним несколько дней в лесу и беседовать обо всем пережитом и ожидаемом. Не могу забыть, как сияло его лицо, горевшее любовью и самоотречением. Видно было, что огонь, через который провел его Господь, очистил его от многих шлаков. Мы радовались этим последствиям страданий за Христа.

Меня не раз уже спрашивали здесь, за границей: были бы здешние христиане живее, если бы и здесь начались гонения за имя Христово? Не думаю. Мы пришли в России к заключению, что очищают не страдания, а полная отдача Христу и верность Ему во время

страданий. Полная отдача Христу во всяком положении и деле – во-первых, а страдания за имя Его уже сами придут. У нас были братья, которые искали страдания, чтобы духовно усовершенствоваться, но они терпели разочарования и даже поражения. Смысл Евангелия – это не гонения и страдания, а свобода и радость через отдачу своей жизни Христу. Братья и сестры в России, хотя и получают много света и откровений в страданиях за Христа, но непрестанно молятся и жаждут свободы и прекращения гонений, томящих душу и плоть.

Нет лучшего пожелания для всех братьев и сестер, находящихся на свободе, как пожелание не забывать молитву: «...и не введи нас во искушение, но избавь нас от лукавого...» – и с благодарностью отдаваться на служение ближним во Христе для славы Его Царства.

(Сеятель истины, № 6, 1932 и № 3, 1935)

О переживаниях осужденных за слово Божье можно узнать из описания обстановки на Соловецких островах:

Все управление Соловецкими лагерями находится в руках самих заключенных, в том числе и надзор, что особенно отрицательно отражается на заключенных. В надзор могут попасть только провинившиеся партийные работники. Надзирателям оказывается особая привилегия: живут они в лучших помещениях; каждый спит отдельно, на особой деревянной кровати; снабжаются лучшим обмундированием; получают усиленное питание. Надзору предоставлена полная возможность делать с заключенными все, что найдет нужным. За верную службу надзирателю уменьшают срок заключения и ежемесячно выдают денежное вознаграждение. Во время побега какого-нибудь заключенного за погоню надзор получает ежедневные погонные, а если найдет беглеца, то получает еще и награду.

Честный человек никогда не пойдет на службу в надзор, а идут туда люди темные, с плохим прошлым, преступники. Они попали в Соловецкий лагерь не потому, что сделали преступление, а потому, что просто стояли на пути у того, кто выше их, или же не сумели хорошо замазать свои делишки, которые получили публичную огласку. Надзор из заключенных – это бич для остальных заключенных.

Были случаи, когда надзор без доказательства вины расстреливал заключенного. Надзирателям всегда верят, а заключенному нет

никакого доверия. Надзиратель может сказать, что заключенный, например, пытался бежать, а потому он его застрелил.

Санитарные условия в Соловецких лагерях самые скверные.

Доктору из заключенных дается строгое задание не освобождать от работы, если у больного нет температуры тридцать восемь градусов и выше. Бывают болезни и без повышенной температуры, но на это не обращают внимания, больной должен идти на работу.

Я сам испытал это. Подымая тяжелое дерево, я надорвал спину и не мог нагнуться без страшных болей в спине. Пошел к фельдшеру в околоток, но тот нисколько не помог мне, а приказал идти на работу. Я со слезами на глазах пошел в лес. Хорошо, что мы работали четыре человека вместе, все братья, и они целый месяц выполняли за меня мою норму работы.

Там нет здоровых людей, все больные, за исключением очень немногих, которым удалось по знакомству устроиться при хозяйственной части. Лишь иногда уж очень слабым снижают норму до половины.

В то время когда я отбывал заключение в Соловецком концлагере на острове Мяг, норма дневной выработки состояла из двадцати бревен на человека. Нужно дерево спилить и очистить от сучьев. Готовое бревно должно быть десять аршин длины и от двух до двадцати вершков толщины. Затем бревна нужно свалить в одну или две кучи. Ужасны страдания тех заключенных, которые не могут выполнить норму. Их оставляют в лесу на ночь, а таковых каждый день бывает по нескольку десятков.

В Соловецких концлагерях имеется своеобразная арифметика. Если врач снижает норму до половины, то это по счету надзора не десять бревен, а пятнадцать или шестнадцать. Выполнить меньше нельзя и убедить надзор, что это издевательство,– тоже нельзя, ибо это делается умышленно.

На острове Мяг в 1929 году было триста заключенных. Половина из них работала в лагере, а половина в лесу. Не выполнивших норму оставляли на ночь в лесу с конвоем, который приказывал им разложить большой костер, ставил их всех в шеренгу шагах в двадцати от костра, и они должны стоять всю ночь на морозе, не шевелясь и не разговаривая между собой. На другой день из лагеря им привозили по одному фунту хлеба. Съев его, они должны со всеми наравне идти опять на участок и выполнять дневную норму, иначе снова придется стоять всю ночь в лесу. Некоторые целыми неделями не прихо-

дили в лагерь. Они были неспособны работать, были голодны, измучены без сна. Они проклинали все на свете, ругали и хулили Бога и Христа. Были случаи, что, простояв всю ночь на морозе, некоторые отмораживали ноги и руки.

В 1929 году шестьдесят восемь человек причинили себе увечье: отрубали пальцы, кисти рук, разрубали ноги. Люди калечили себя, чтобы таким путем избавиться от работ в лесу. Я лично видел такие кровавые сцены.

Весь экспортный лес, который покупают иностранные государства у России, запачкан кровью заключенных и облит слезами.

Однажды, идя по окончании работы в пункт, я увидел, что вся дорога от участка до лагеря полита кровью. После выяснилось, что один заключенный разрубил себе ногу и его вели в пункт окровавленного и изуродованного.

Как-то раз утомленный заключенный подошел к костру, где находился конвой, и попросил отпустить его с работы, так как чувствует себя плохо и не в силах работать. Конвой не отпустил его, накричал на него и пообещал посадить в карцер. Этот бедный раб взял топор и на глазах у всех отрубил себе большой палец на левой руке. Конвоир с винтовкой крикнул ему:

– Мало отрубил, руби еще!

Заключенный взмахнул топором, и отлетела вся кисть левой руки.

Представьте себе, до чего должен дойти человек, чтобы сознательно отрубить себе руку! Какие душевные муки скрываются в этом! Испанская инквизиция бледнеет на фоне этих ужасов произвола власти. Такую систему мог придумать только тот, кто был человекоубийцей от начала.

Как-то к костру подошел заключенный, молодой человек. Он еле передвигал ноги. В его глазах горела жажда жизни. Далеко на родине остались дорогие ему жена, детки и другие родственники, которые болели за него душою и надеялись, что он вернется к ним, когда кончится срок его заключения. Он старался всеми силами выполнять норму, но это было для него не под силу. Организм его со дня на день истощался, силы таяли, работать он не мог. Помощи из дома от своего семейства он не получал, потому что они были очень бедны, а без поддержки деньгами или продуктами невозможно долго существовать.

Подойдя к костру, он опустился на землю и сел. Надзиратели с винтовками в руках начали ругать его и гнать на работу, но он

не двигался. Он просил, чтобы разрешили ему погреться у костра. Вдруг он пошатнулся и повалился на землю. Один из конвоиров подошел к нему, толкнул его ногой в бок, но тот ничего не ответил. Конвоир начал ругаться:

– Ты лентяй! Ты симулянт!..

После ругани и пинков его схватили за руки, чтобы оттащить от костра, но руки были уже холодные – заключенный умер... На его лице лежал отпечаток страданий. Напрасно дети будут ждать своего папу, он никогда не вернется к ним. Молодая жизнь была прервана...

Таких случаев осталось в моей памяти тысячи. Вообще, в этих лагерях человеческая жизнь не имеет никакой цены. Человек на одном уровне с насекомым. Преступные надзиратели с наклонностями садистов пользуются здесь беспредельной властью над жизнью и смертью своих жертв.

Во всех лагерях надзиратели и начальники – бывшие чекисты, чекисты-садисты, у которых руки и душа обагрены кровью. Они прошли весь курс школы Дзержинского, Уншлихта и Ягоды. И все они – страшные пьяницы и развратники.

На главном Соловецком острове бывает заключенных до тридцати тысяч, а вся остальная масса заключенных размещена на других островах Белого моря и по всем берегам его, где только есть лес. На острове есть узкоколейная железная дорога, по которой доставляют лес и дрова к населенным пунктам. Имеется кожевенный завод, механические, столярные и литейные мастерские, также отдел по заготовке обмундирования для Красной Армии и всех заключенных Соловецких лагерей. Есть много и других разных производств и промыслов, например, отдел рыбной ловли, засолки...

Все рабочие-заключенные работают совершенно бесплатно. Получают только паек продуктов, обмундирование и тесные, грязные, вшивые бараки для ночлега с массой других насекомых, таких как клопы, тараканы, а в летнее время еще и мухи и комары.

Хотя заключенные ловят много различной рыбы, но есть ее они не имеют права.

В 1929 году на Соловецком острове было двадцать девять тысяч заключенных, мужчин и женщин.

Заключенных завозят на остров осенью. В зимний период с островом нет никакого сообщения, потому что от него до берега километров шестьдесят. Белое море замерзает от берега немного, ки-

лометров на пять, в некоторых местах более, а середина не замерзает. В зимнее время изредка летает туда и обратно аэроплан с каким-нибудь экстренным поручением. Почтовое сообщение с островом бывает очень редко. Имеется несколько лодок, которые совершают рейсы от берега до острова. Эти лодки часто не достигают цели. Они попадают во время прилива или отлива в сплошную массу льда, и потом их носит течением по всему Белому морю и люди в них гибнут от холода и голода. Все они из заключенных.

К весне больше половины заключенных на острове были мертвыми. Очевидцы рассказывали, что умерших закапывали в большие ямы, сваливая их туда, как мусор. Сверху полные ямы засыпали песком или мерзлой землей. Заключенные умирали от морозов, потому что одежду выдавали очень легкую, а также от истощения, потому что выдаваемого пайка не хватало. От истощения умирали те, кто не получал от родственников посылок с продуктами. Зимой же ни один заключенный не получал пищевой посылки, хотя родственники и отправляли их. Посылки задерживали в г. Кеми и сваливали на пристани до весны. За зиму от продуктов мало что оставалось, потому что их или поедали крысы, или забирали охранники. Если заключенный и получал весной такую посылку, то она была или с испорченными продуктами, или наполовину пустая.

(Сеятель истины, № 8, 1933)

ПОД СЕНЬЮ ВСЕМОГУЩЕГО

Нижеизложенный рассказ взят из журнала «Вестник спасения». Ни имя узницы, ни время ее пребывания в заключении в повествовании не указано. Известно лишь, что это одна из многих наших сестер, которые в годы гонений на верных детей Божьих испытали узы и темницу.

I

Уже несколько дней в огромном зале клуба шел суд. В зале и во дворе – масса народу. Среди толпы часто можно слышать

слово «баптисты». Из зала суда транслировались по радио допросы подсудимых и свидетелей...

Наконец все стоя выслушали приговор. За исповедание нашей веры в Господа мы осуждены к различным срокам лишения свободы. Меня берут под стражу.

Муж и друзья остались в толпе, а дома – четверо наших деток. Старшему – пять лет, младшей через несколько дней исполнится год, она еще не ходит. Пятый ребенок... приговорен со мной – ему суждено родиться в узах. Из толпы нам что-то кричали на прощанье. Голоса друзей и недругов смешались. Одно ясно расслышала:

– А дети?

– С Господом! – ответила я и, прощаясь, помахала рукой.

В КПЗ я стала на колени и помолилась Тому, Кто все знает и все может. В тот же день вечером нас привезли в тюрьму. А в мыслях одно: где-то здесь, совсем близко, мои дети. Я крепилась, чтобы не плакать, и держалась бодро, слава Господу!

На другой день тюремное начальство пригласило меня побелить медпункт. Медсестра (видимо, чтобы налить уксуса на свежую рану) говорит:

– Детей твоих дома нет, а к мужу какая-то женщина ходит...

Медсестра жила по соседству с нами и знала меня.

– Вы просто не видите их, потому что все время на работе,– спокойно ответила я, а сама забеспокоилась: «Где же дети? Не забрали ли их?»

Наконец отогнала тяжелую мысль, повторяя про себя: «С Господом!»

Через несколько минут пришла дежурная и назвала мою фамилию:

– Здесь она? А я ее ищу! Собирайтесь быстро на свидание!

– А кто к ней пришел? – поинтересовалась медсестра.

Услышав ответ, она сконфузилась. А я промолчала: пришли и мать, и муж, и дети. Господь подкрепил мою душу, слава Ему!

II

В связи с предстоящими родами меня из тюрьмы увезли в другой город, в лагерь для заключенных матерей с детьми. Через три дня после прибытия туда у меня родился мальчик. Он весил 1 килограмм 900 грамм. Назвала я его Петром. Медперсоналу

не понравилось это имя. Никто не надеялся, что малыш будет жить, но я уповала на Господа и верила, что сын не умрет. Его окружили заботой: кормили из пипетки в нос через каждые два часа; чтобы не замерзал, кутали в ватный конверт.

Прошло два месяца. Сынок мой подрос, прибавил в весе, его уже стали купать. Но на общее свидание с мужем вынести Петю из теплых комнат мне не разрешили.

В то время, когда мой Петя был окружен заботой медработников, обо мне тоже «заботились»... Начальник отряда и оперуполномоченный старались меня перевоспитать, чтобы я отказалась от веры. Они провели также беседу с заключенными, чтобы настроить их против меня. Но воспитательные уроки не удались.

И вот, 20 января на утренней проверке мне объявляют:

– На этап!..

По закону я должна была из-за ребенка оставаться в этом лагере без выезда в течение двух лет. Услышав, что меня назначили на этап, заключенные закричали:

– Разве можно с таким ребенком отправлять на этап?! Ведь он умрет в дороге! Что же это делается?

Я молчала. Тогда все начали кричать на меня:

– Тебе только Бог нужен, больше ничего!.. Ты о ребенке не думаешь!

Петю завернули в одеяло и принесли мне. Четыре дня тому назад его нельзя было вынести на свидание, потому что это могло повредить его здоровью, но в мороз и вьюгу на этап, который будет целый месяц,– можно, это «не вредно», это «гуманно»!.. Да простит им Бог!

III

Я была под охраной моего Бога. Это чувствовалось во всем, даже в словах дежурной, самой строгой и неразговорчивой женщины. Улучив минутку, когда никого рядом не было, она сказала мне слова утешения. Через ее уста я услышала для себя наставление от Бога. Ах, как это хорошо!

«С Ним сладко и во тьме шагать...» – пела я и радовалась.

Администрация лагеря удивленно смотрела на меня, а я разговаривала с Господом и была довольна: «Не убоюсь зла, потому что Ты

со мною». Как-то просто и спокойно было на душе. Какая разница, где мне жить? Он предусмотрел этот путь, значит, все будет хорошо и для ребенка, и для меня!

Нас посадили в машину и повезли. Первая этапная тюрьма. Из тюрьмы – в машину, из машины – в вагон, потом – путь. И опять из вагона – в машину, из машины – в тюрьму, и все время проверка документов, которые передаются из рук в руки. В камерах холодно, грязно, сыро, но мы дважды здоровы.

Однажды очень долго ждали посадки в вагон. Охрана с собаками. Все очень замерзли. Петя ворочался, ворочался и начал плакать, потом кричать, и я уже ничего не могла с ним сделать. Заключенные стали требовать, чтобы меня с ребенком посадили в вагон. И вот, после долгих переговоров меня впустили. Вагон весь промерзший. Я быстро перепеленала Петю, от него шел пар, того и смотри застынет. Закутала, накормила, и уснул мой маленький узник.

И опять мы ехали то в вагоне, то в машине. По нескольку дней бывали в тюрьмах. Один раз посадка в вагон была в три часа ночи. Как обычно, ждем поезда, стоит хороший морозец. Хожу с Петей туда-сюда. Он спит, а я рук от холода уже не чувствую. Молюсь Господу: «Ты ведь все знаешь, Ты ведь все знаешь...» Тут конвой говорит мне:

– Возьми, вон перчатки тебе дают!

Подошла, взяла у заключенного большие меховые перчатки.

– Благодарю! – сказала я и спросила: – Чьи они, кому вернуть?

Отозвался пожилой мужчина. Да будет тепло его душе! Да воздаст ему Бог! Чем я могла его отблагодарить?

Во время переезда из четвертой в пятую тюрьму, ночью, где-то в пятом часу, покормив Петю, я заснула. Разбудил меня сильный толчок. В одном купе со мной ехала молодая заключенная с ребенком (ему шел второй год). Все в вагоне кричат, и особенно этот мальчик. Не поймем, что случилось, почему нас так качает. Я стала раздвигать попадавшие вещи, ища своего сынулю. Где же он? А соседка кричит:

– Что ты его ищешь на полу? Он на полке спит!

Я посмотрела туда, куда положила его, покормив, а он там и лежит! Только всхлипнул разок, поворочался и опять уснул. Я сделала ему постель из своей одежды, и он, маленький, утонул в ней и спит себе спокойно. Толчок был в его сторону, так что его при-

жало к стене, и он не упал. Вот и все! «Ангелам Своим заповедает о тебе – охранять тебя...» Слава Ему!

Столкнулись наш и еще какой-то поезд, и вот мы стоим. Конвой бегает, нам ничего не говорят. Посмотрели только – все ли живы. Долго мы стояли, потом нас долго возили. Мы вышли из этапного графика, и нас не принимала тюрьма. В вагонах не кормят, только в тюрьме. Все хотели есть. Наконец нас приняли.

Дней восемь мы были в этой тюрьме. Отдохнули, искупали детей, привели себя в порядок. Дальше мы ехали с той же женщиной. Через несколько дней нас привезли на место назначения. Итак, этапный путь через шесть тюрем, расстоянием почти в две тысячи километров, был окончен.

IV

Привезли нас в огромную столовую, переписали и распределили. Нас с детьми – в карантин. Это отдельный домик в лагерной зоне. Чисто. После мытарств этапа – отдыхаем.

Я сидела на кровати и кормила Петю. Две заключенные подошли к окну и стали разговаривать с подошедшими женщинами. Те попросили показать детей. Соскучились, плачут, ведь почти у всех дома дети. Одна из стоящих у окна повернулась ко мне:

– Тебя зовут!

Я ответила, что не может быть – меня здесь никто не знает. С Петей на руках я подошла к окну. На меня смотрели светлые, улыбающиеся глаза. Спросили мое имя – ответила. Сестра за решеткой произнесла одно слово:

– Приветствую!

О, что это за слово!

– Приветствую! – ответила я, и слезы полились у меня из глаз.

Что она говорила дальше – я не помню. Почему я на свободе не прислушивалась к этому слову? Какое оно музыкальное, нежное и певучее! Да, Господь со мною! Он сопровождал меня в пути. Он и здесь уже до моего приезда все приготовил. И еще многое другое сказало мне это слово.

К окну подошло еще несколько сестер, и у нас с сыном появилась сетка, в которой было все необходимое. Там был и Марк со своим благословением (Евангелие).

Вечером в столовой я увидела всех сестер, осужденных так же, как и я, за исповедание Господа. Мы поблагодарили вместе Отца и спели: «Научи меня, Боже, молиться...»

Через несколько дней сестры подарили мне открыточку, где был написан 22 псалом. Стоя у стола, я читала вечные обетования, верность которых испытала на себе. Господь подкреплял душу мою Своим словом. Слезы благодарности лились из моих глаз. Я совсем забыла, что на меня смотрят другие и мои слезы могут истолковать по-своему.

Карантин приближался к концу. Пете было хорошо со мной, но его нужно было отдавать в ясли. Он был слаб и плохо кушал. Петю взяли в другую зону, в Дом ребенка. Матерей впускали туда только для кормления. Первое кормление в шесть часов утра, последнее – в двенадцать часов ночи.

Через несколько дней Петя заболел воспалением легких. Меня освободили от работы, и я не спускала его с рук. Температура упала, но он еще больше ослаб. Каждый день мы с сестрами молились о нем под открытым небом.

Вскоре Господь послал ответ на наши молитвы. Одна сестра предложила отправить Петю на свободу, чтобы ее мама ухаживала за ним. Я согласилась, так как видела, что за ребенком нужен особый уход – иначе ему не жить.

Сестра отправила домой открытку с нашей общей просьбой во имя Бога, но ответа не было (по-видимому, открытка не дошла). Она написала на другой адрес.

И вот, 7 апреля приехали две сестры, быстро оформили документы и увезли моего сына. 10 апреля он был на новом месте, в доме дорогой сестры Е. П. Вскоре я получила фотографию Пети и письмо. Я очень благодарна Господу за Его заботу! Благодарна сестре Е. П. – кормилице моего сына. Она, как мать, заботилась о нем и днем, и ночью. При каждом его пробуждении она стояла над ним, и бутылочка с молоком грелась у нее на груди. Петя научился ходить, держась за ее руку, и для всей их семьи он стал родным. По сей день они считают его членом своей семьи. Я не могу без слез писать эти строки.

V

Петя был на свободе, а я – в лагере. В радостный пасхальный день мы встали до восхода солнца, вместе молились и пели.

Несмотря на ранний час, слушателей было много. Некоторые плакали, а мы пели: «Он жив! Он жив! Собой Он смерть попрал...»

Перед Пасхой к нам привезли еще одну сестру, нас стало шесть. Для воскресной утренней и вечерней молитвы мы выбрали открытое место на возвышенности.

Однажды в цех к нам пришла вольнонаемная инженер-технолог, очень хорошая, простая женщина. Мы выключили швейные машины, и она стала объяснять нам правила пошива. Потом, подозвав меня, она спросила:

– Я слышала, что ты грамотная женщина и веришь в Бога.

– Да, правду вам сказали. Я верю в Бога и за свое убеждение нахожусь здесь.

Началась беседа. Сорок человек внимательно слушали нас. В конце беседы она, похлопав меня по плечу, сказала, что ей теперь необязательно верить в Бога и служить Ему, так как она знакома со мной и я по дружбе переведу ее в рай. Все засмеялись и стали расходиться по местам, а я стояла и мысленно молилась: «Боже, неужели эта беседа была для того, чтобы вот так закончиться? Вразуми, что сказать им!» Я подошла к инженеру-технологу, взяла ее под руку и, указав на дверь, сказала:

– Ведите меня на свободу!

Она растерялась.

– Нет! Я не могу этого сделать!

Направляя ее к двери, я требовала:

– Вы же свободно выходите из зоны, так проведите меня с собой!

– Нет, я не могу! На это есть начальник лагеря.

– Да нет же! – сказала я. – Зачем начальник лагеря? Вы ведь не заключенная! Проведите вы меня здесь, а я вас там в рай проведу.

– Нет, это не в моей власти.

– Да?! Не в вашей власти? Так вот, и я не смогу провести вас в рай! Если вы здесь не покаетесь и не будете верить в Бога – вы погибнете!

Женщины молча наблюдали за этой сценой, закрепившей смысл нашей беседы. Слава Богу!

Когда М. Н. ушла, все сели за машины и стали шить. Женщины попросили меня спеть знакомый им псалом. Под шум машин я запела, кто знал – присоединился к пению.

Беседа эта насторожила меня. Она была подготовкой к новым испытаниям.

Следующее воскресенье объявили рабочим днем. Мы с сестрами решили не работать. Утром все ушли в рабочую зону, а мы остались в жилой. Одна сестра заболела, с другой мы пошли на горку помолиться. Возвращаясь, мы увидели, что за нами идут дежурные. Нас привели в штаб, в котором собрались начальники отрядов. Началась беседа. Очень много было вопросов, и все о Боге. Наконец дежурная по лагерю сказала:

– Выбирайте: или в штрафной изолятор, или на работу.

Мы ответили, что по нашему убеждению воскресенье принадлежит Богу и по закону нашего государства – это день отдыха.

– На работу мы не пойдем, делайте с нами, что считаете справедливым.

Дежурная без оформления приказа распорядилась посадить нас в ШИЗО, причем к самым отъявленным разбойницам. Надзиратель, сопровождавший нас, сказал:

– Думаете, мне легко вести вас туда? Тех, кто ругается, буянит, дерется, со спокойным сердцем сажаешь, чтобы не мешали другим, а вас...

– Мы ничуть на вас не обижаемся, и Бог видит ваше сердце,– ответили мы.

Подошли к камере. В ней творилось что-то ужасное: вой, крик, смех, сквернословие. Открылась дверь, и обитательницы камеры, увидев нас, замолчали. Мы поздоровались, затем кратко помолились и стали отвечать на бесчисленные вопросы:

– Вас? В ШИЗО?! За что? А нас куда после этого надо?

Женщины обступили нас и, сочувствуя, слушали, потом попросили спеть, и мы запели: «Боже мой, от Тебя не скрыты мои тайны...»

Один за другим мы спели много псалмов. Те, которые недавно кричали и визжали, теперь молча слушали. Дежурная по ШИЗО предупредила, чтобы не пели, но сама стояла у двери и слушала.

Вдруг загремел замок и открылась дверь. Дежурный назвал фамилию сестры В.:

– Выходи! – А мне объявил приказ: – За отказ от работы водворить в ШИЗО на десять суток.

– Как же так? Нас двоих посадили, двоих и выпускайте. Я не пойду одна,– сказала В.

– Иди, иди, раз выпускают,– возразила я. – Мне здесь не скучно.

– Вот бы меня выпустили! – крикнул кто-то.

Сестра В. нехотя вышла.

На следующий день по ходатайству инженера-технолога меня освободили из ШИЗО.

Так Бог, ожесточая и смягчая сердца людей, делал Свое дело.

VI

Я благодарна Господу за то, что в трудную минуту Он поддерживал меня через друзей. Письма, которые кто-то из нас получал, мы читали вместе, живя одной семьей. Начиная с августа, во многих церквах проводится праздник Жатвы. Дети Божьи вспоминали и о нас, узницах, присылали нам посылки с плодами нового урожая. И мы с сестрами, получая их, тоже отмечали праздник Жатвы и благодарили Господа.

В мае следующего года мой муж и сестра-кормилица привезли Петю на свидание. Я его не узнала. Он уже ходил, а меня рассматривал, как незнакомку, и вздыхал. И как только услышал через окно голос сестры Е. П., залился горькими слезами и потянулся в окно, к своей нежно любящей мамочке. Она отходила от окна, вытирая слезы.

После свидания Петю со множеством вещей повезли домой, в мою семью.

14 сентября сестры проводили меня на свободу, а сами еще остались в лагере. Вечером я была в доме, где больше года, окруженный нежной заботой и любовью, жил мой сыночек.

Своим соузницам я подарила фото Пети с надписью: «Ах, Господни легионы охранят меня везде...» Истинно, это так и было! Господь хранил его и меня.

(Вестник спасения, № 3, 1972)

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3
Корф Модест Модестович,
Пашков Василий Александрович 5
Бедекер Фридрих Вильгельм 29
Ссыльные в Закавказье 52
Приезд В. Я. Вебера в Герюсы 60
Лясоцкий Иван Дементьевич 65
Капустинский Сазонт Евтихович 83
Костромин Федот Петрович 91
Гонимый за веру 112
Тридцать лет назад 120
Насильное крещение 134
Наши старцы 136
Из прошлого 143
Новое о старом 150
Закрытие собрания баптистов 152
От Магомета к жизни во Христе 153
Вотяки 157
Мазаев Андрей Маркович 160
Канделаки Илья Михайлович 167
Фетлер Вильгельм Андреевич 169
Фетлер Роберт Андреевич 179
Зуккау Андрей Петрович 183
О Палаточной миссии 204
Дела тьмы 212
Слепой от рождения 215
О России 222
Под сенью Всемогущего 235